Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков
факультета государственного управления
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЧЕЛОВЕК

Материалы международной научно-практической конференции 15—16 апреля 2011 года

УДК 316.77+316.32 ББК 60.5 И 74

И 74 Информационно-коммуникационное пространство и человек: материалы международной научно-практической конференции 15—16 апреля 2011 года. – Пенза – Москва – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 138 с.

Редакционная коллегия:

Девятых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Витебского государственного медицинского университета.

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент Пензенской государственной технологической академии.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Пензенской государственной технологической академии.

Салиева Людмила Казимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, освещающие коммуникативные процессы в межличностном и межгрупповом взаимодействии, межкультурные коммуникации, философские, психологические, медицинские, культурологические, социально-политические и социально-экономические аспекты развития информационно-коммуникационного пространства. Рассматриваются также проблемы и перспективы информационно-образовательного пространства.

ISBN 978-5-91990-018-4

УДК 316.77+316.32 ББК 60.5

- © Научно-издательский центр «Социосфера», 2011.
- © Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

І. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Сосорова Б. С.
Циркулирование разделяемых смыслов
в дискурсивном пространстве
Гусейнов Э. Д.
Информационно-коммуникационное пространство,
бессознательное и изменённые состояния сознания
Кобызева В. О.
Виртуальная коммуникация
в системе коммуникативных практик13
Гордилов А. В.
Виртуальное общение и проблема саморегуляции
информационно-коммуникативного поведения
личности в интернет-сообществах15
Федосеева Е. В.
Слияние личностного и институционального
в современном массмедийном дискурсе 20
Башкарова Р. А.
Фактор информационной зависимости в дискурсе интервью23
Вострикова Т. П., Саблина А. С.
Особенности личности подростков
с компьютерной зависимостью24
Городецкая И. М., Конюхова С. Г.
Ценностно-коммуникативные проявления личности
девиантных подростков во взаимоотношениях со взрослыми 28
Девятых С. Ю., Мухадов М.
Негативные психические состояния в динамике процесса
адаптации студентов-иностранцев на начальном этапе
обучения в медицинском вузе
Сидельников К. В., Макашов В. В.
Информационные технологии в здравоохранении
в ответ на демографический вызов32
Ханхунова М. Ю.
Историческая память и этническая идентичность39
Гаджиева Н. М.
Сингармонизм в фразеологизмах
(на материале азербайджанского языка)42

Грицков Ю. В., Сюткина Е. Н.	
Философские и социологические проблемы	
сферы культурного регулирования	.51
Проскурин И. В.	
Актуальное искусство в контексте	
современных коммуникативных средств	55
Каленкевич Е. И.	
Сетевое искусство (net art): некоторые аспекты генезиса	58
Кузьменко Е. В.	O -
Институциональные факторы снижения	
информативности и креативного уровня рекламы	62
	-
II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ	
и социально-экономические аспекты	
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО	
ПРОСТРАНСТВА	
Гончаров В. Н.	
Социально-политические аспекты	
развития информационного пространства	68
Ivanova N.	
The first post-soviet generation –	
new elite non-stereotyped, but tried to be made remythologized –	
is ready to communicate as an equal	. 71
Санников С. В.	• / _
Образ власти как продукт социальной коммуникации:	
семиологический анализ	72
Рожкова А. В.	/ _
Комическое в политическом дискурсе	
как способ управления производимыми впечатлениями	74
	/4
Сергеева Е. Р. Проблемы информационного обеспечения	
органов местного самоуправления в Украине	77
	•//
Фомичёв А. В., Кондратьев Б. С.	
Интеллектуальные технологии в проведении политических исследований	80
_	80
Богученков В. А., Захаров А. В.	
Тенденции развития	06
информационно-коммуникационной деятельности	96
Захаров А. П.	
Информационная безопасность как компонент построения	
устойчивой региональной социально-экономической системы1	101

Савина С. В.
Актуальные проблемы социализации и безопасности
молодого «цифрового» поколения в развивающихся
информационных обществах России и Европы:
социокультурный анализ106
Гвоздева В. С.
Информационное противодействие
распространению идей терроризма109
риспространению иден террориома
III. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
Хлякина Е. С., Булдакова Ю. А., Гринько Д. А.
Информатизация современного общества и использование
новых информационных ресурсов в образовательном процессе115
Алимова Н. С., Белякина Л. В., Евсеева Л. В.
Логокоррекционное воздействие: применение развивающих
компьютерных игр в процессе моделирования у детей
старшего дошкольного возраста, имеющих речевые нарушения 122
Ахметова О. С., Исаев С. А.
Ключевые компетенции в системе
дистанционного интерактивного обучения123
Драгнев Ю. В.
Влияние информационного и образовательного пространства
в высшем учебном заведении на профессиональное развитие
будущего учителя физической культуры 127
Муллахметова Э. М., Батурина О. С.
Электронные социальные плакаты как средство формирования педагогической толерантности129
Симаков В. С.
«Инновационные» образовательные технологии
или хорошо забытое старое?
(некоторые аспекты методики преподавания) 131
План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2011 году

І. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦИРКУЛИРОВАНИЕ РАЗДЕЛЯЕМЫХ СМЫСЛОВ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Б. С. Сосорова Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск, Россия

Summary. The article focuses on the notion of discourse space understood as an informational space where shared meanings are produced and distributed. The article also probes into the notion of informational management which is studied on the basis of the phenomenon of the discursive attribution of personality traits to the Other.

Key words: discourse space, discourse community, information, shared meanings, discursive attribution of personality traits.

Целью данной работы является исследование дискурсивного пространства как информационной среды, пронизанной информационными потоками. Циркулирование разделяемых смыслов входит в понятие информационного менеджмента, следовательно, необходимо рассмотреть соотношение смысла и информации [5].

Согласно М. Мерло-Понти, «тело выделяет из себя смысл, который ниоткуда к нему не приходит, оно проецирует смысл в своё материальное окружение и сообщает другим» [2]. Развивая эту теорию, С. Н. Плотникова пишет о том, что человек, уже занявший позицию в языковом пространстве, начинает производить имеющие смысл сообщения — дискурсы — и создавать из них своё дискурсивное пространство. Подобно языковому пространству дискурсивное пространство представляет собой некую логическую среду, в которую погружён данный человек и которая включает в себя все когда-либо произведённые им дискурсы [3].

Дискурсивная личность действует в сфере производства сообщений и несёт ответственность за их содержание [3]. Группу дискурсивных личностей, между которыми в дискурсивном пространстве циркулируют разделяемые ими общие смыслы, можно назвать, пользуясь термином Дж. Суейэлза, дискурсивным сообществом (discourse community) [6].

Смыслы начинают циркулировать в дискурсивном пространстве, только если они являются информативными, то есть содержательно-значимыми для всех членов сообщества. Именно благодаря своей информативности смыслы начинают многократно воспроизводиться и передаваться от одного члена сообщества к другому.

В настоящее время наука пытается найти общие свойства и закономерности, присущие многогранному понятию «информация», но пока это понятие во многом остаётся интуитивным и получает различные определения в различных отраслях человеческой деятельности: в быту информацией называют любые данные, сведения, знания (сообщение о каких-либо событиях, о чьей-либо деятельности и т. п.); в технике под информацией понимают сообщения, передаваемые в форме сигналов (в этом случае есть источник сообщений, получатель (приёмник) сообщений, канал связи); в кибернетике под информацией понимают ту часть знаний, которая используется для ориентирования, активного действия, управления, т. е. в целях сохранения, совершенствования, развития системы; в теории информации, которую мы принимаем в качестве основы нашего исследования, под информацией понимают сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, и свойствах, которые уменьшают имеющуюся о них степень неопределённости, неполноты знаний [4].

Информационный менеджмент (управление значимыми смыслами), осуществляемый дискурсивным сообществом в едином для него дискурсивном пространстве, протекает, в частности, на основе такого явления, как дискурсивная атрибуция Другому личностных качеств.

Атрибуция (от англ. attribute – приписывать, наделять) – это интерпретация субъектом своего восприятия поведения других людей, полученная на основе непосредственного наблюдения путём приписывания этим людям определённых свойств и характеристик.

Каждый из участников коммуникативного взаимодействия, оценивая другого, стремится объяснить его поведение, в частности выявить его причины и мотивы. В обыденной жизни люди сплошь и рядом не знают действительных причин поведения другого человека или знают их недостаточно. В условиях дефицита информации они начинают приписывать друг другу как причины поведения, так иногда и сами образцы поведения или какие-то более общие характеристики. Приписывание осуществляется либо на основе сходства поведения воспринимаемого лица с каким-то другим образцом, имевшимся в прошлом опыте субъекта восприятия, либо на основе анализа собственных мотивов, предполагаемых в аналогичной ситуации (в этом случае может действовать механизм идентификации). Но, так или иначе, возникает целая система способов такого приписывания (атрибуции). Таким образом, интерпретация своего и чужого поведения путём приписывания (причин, мотивов, чувств и т. п.) выступает составной частью межличностного восприятия и познания (перцепции) [1].

Дискурсивная атрибуция личностных качеств — это сложная оценочная деятельность, которая имеет место при вхождении нового человека в уже сформированное дискурсивное сообщество. Дискурсивное сообщество оценивает, даёт характеристику новому чело-

веку, вырабатывая разделяемые (общие) смыслы. Рассмотрим атрибуцию личностных качеств на примере, где мать впервые упоминает о молодом человеке в разговоре с дочерью:

"Oh, did I mention? Malcolm and Elaine Darcy are coming and bringing Mark with them. Do you remember Mark, darling? He's one of those top-notch barristers. Masses of money. Divorced."(H. Fielding, Bridget Jones' Diary).

Атрибуция личностных качеств Марку Дарси осуществляется при помощи номинаций, расставленных в следующем значимом для дискурсивного сообщества порядке: профессия, материальное положение, семейный статус. Мать идентифицирует его как «своего», то есть человека, принадлежащего к их социальной группе, приписывая ему личностные качества высококлассного специалиста, богатого и разведённого мужчины.

Таким образом, циркулирование информативных смыслов даёт членам дискурсивного сообщества возможность предсказывать действия и поступки незнакомого человека. Человек предварительно каузировал смыслы о себе своими действиями и дискурсом, а когда он входит в новое дискурсивное сообщество, то уже порождённая им информация о себе под влиянием процесса флуктуации разделяемых смыслов поддерживается и сохраняется.

Библиографический список

- 1. Мещеряков Б. Г, Зинченко В. П. Большой психологический словарь М.: Прайм-Еврознак, 2007. 672 с.
- 2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия /пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
- 3. Плотникова С. Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология: Язык. Культура. Коммуникация. Иркутск: ИГЛУ, 2008. Вып. 1. С. 131–136.
- 4. Степин В. С. Новая философская энциклопедия: в 4-х томах М.: Мысль, 2001.
- 5. Goffman E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior N.Y.: Anchor Books. Doubleday & Company, 1967. 270 p.
- 6. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

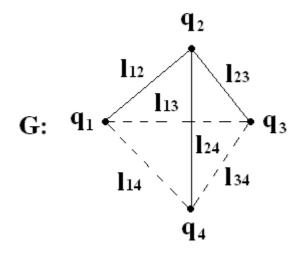
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ИЗМЕНЁННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

Э. Д. Гусейнов Московская академия образования Натальи Нестеровой, г. Москва, Россия

Summary. The article concerns unconscious and altered states of mind through mathematical modeling. The approach based on information hypothesis gives an appropriate description of the phenomena and makes it possible to give distinct predictions. Thus such phenomena as dream-telepathy can be mathematically explained.

Key words: unconscious, altered states of mind, mathematical modeling, information-communicative processes, dream-telepathy.

Тяга биологического вида к выживанию бесспорна [1]. Это правило не является исключением и для человека. В соответствии с этим было бы разумно предположить, что природа снабдила людей механизмом взаимного оповещения, который действовал бы вне зависимости от сохранности его элементов — таким образом, любой человек, узнавший о некоторой опасности, смог бы сообщить о ней всем своим собратьям. В математическом смысле этот механизм должен соответствовать полному графу, вершины которого, q_i, соответствуют людям, а ребра, q_iq_i, — связям между людьми. Условию устойчивости механизма соответствует тот факт, что каждый порождённый граф полного графа является также полным. Исходя из последнего, в качестве примера, можно привести изображение математической модели информационно-коммуникационного пространства, G, для четырёх человек:

Здесь l_{ij} – длина кратчайшего отрезка, по которому осуществляется коммуникация между людьми q_i и q_i . Часть рёбер отмечена пункти-

ром, поскольку, очевидно, не всякая коммуникация может быть осознана. Таким образом, в рассматриваемом примере может быть выделено общее множество коммуникации, $X(G)=\{q_1q_2,\ q_1q_3,\ q_1q_4,\ q_2q_3,\ q_2q_4,\ q_3q_4\}$, множество сознательной коммуникации, $X_c(G)=\{q_1q_2,\ q_2q_3,\ q_2q_4\}$ и множество бессознательной коммуникации $X_u(G)=X(G)\setminus X_c(G)$. Здесь не затронуты случаи, когда коммуникация осознаётся лишь одной из двух сторон, как, например, в ситуации, когда человек чувствует, что на него кто-то смотрит [2].

Можно предположить, что благодаря визуальному каналу может быть осуществлена осознанная коммуникация на самом большом расстоянии. Таким образом, соответствующее расстояние, l, может быть выражено через радиус Земли, R, и средний рост человека, h.

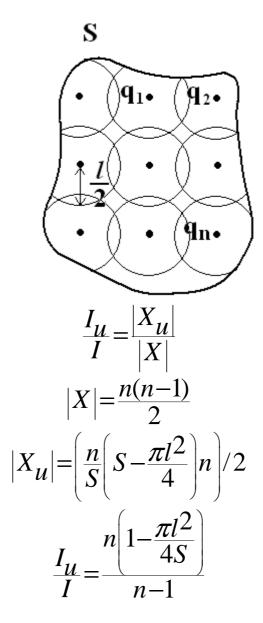
$$l = \max_{i,j}(l_{ij}), q_i q_j \in X_C$$

$$\mathbf{h}$$

$$\mathbf{R}$$

$$l = \sqrt{(R+h)^2 - R^2}$$

В рамках предложенной модели можно получить долю информации, распространяющуюся в группе из п человек бессознательным образом. Предположим, что указанная группа равномерно располагается на некоторой территории, площадью S. Поскольку поле зрения одного человека охватывает угол 180° и ввиду предположения о равномерном распределении группы — область коммуникации одного человека может быть изображена в виде круга радиусом l/2. Исходя из этого и может быть выведена указанная доля, I_u/I , где I — общая информация, а I_u — бессознательная:

Надо заметить, что при среднем росте взрослого человека 1,69 м и радиусе Земли 6371 км величина l составит примерно 4,64 км. Таким образом, для п человек, расположенных на территории площадью S, можно определить количественно то, насколько бессознательны взаимоотношения между ними. Разумеется, это будет иметь смысл при $\pi l^2/4$ <S, то есть, при S>16,9км². В качестве примера можно рассмотреть взаимоотношение всех людей, распределённых на сфере Земли.

$$\frac{I_u}{I} \approx 1 - \frac{\pi l^2}{4S} = 1 - \frac{2hR + h^2}{16R^2} \approx 1 - \frac{1}{8R} \approx 1$$

Полученный результат говорит об абсолютно бессознательном характере взаимоотношений в данной ситуации. Количественная

оценка сознательности коммуникации может быть также полезна при сравнении различных отношений между людьми.

Другой областью применения предложенной модели является определение условий возникновения так называемых изменённых состояний сознания. В условиях, когда $\pi l^2/4$ <S, актуальная для человека информация в обычном состоянии сознания идентична осознаваемой им информации, а в измененном – равна всей возможной информации.

$$i_{k} = \frac{\pi l^{2}}{4} \cdot \frac{n}{S} - 1$$

$$i_{k}^{a} = \frac{2I}{n}$$

Таким образом, количество актуальной информации в общем случае, I_k , зависит от изменённости состояния сознания, а, которая представляет собой функцию, чьи значения принадлежат множеству $\{0,1\}$. Рассматривая два измененных состояния сознания, которые возникают, когда человек находится в группе [3] и когда он спит [4], можно сказать, что а зависит от n и от времени сенсорной депривации, t.

$$I_k = i_k + (i_k^a - i_k)a, a = f(n,t) \in \{0,1\}, a = 1(nt - c)$$

Здесь а выражена посредством функции Хевисайда, где с представляет собой некий пороговый критерий, который может быть определён следующим образом. Предположим, что человек видит сон, в котором ему снится \tilde{n} человек, в действительности расположенных на территории площадью \tilde{S} , и при этом выполнено условие $\tilde{S}>16,9$ км². Тогда $\tilde{n}\tilde{t}=c$, где $\tilde{t}-$ это время засыпания. Подставляя полученное значение в функцию изменённости сознания, получим окончательное уравнение.

$$a=1(nt-n\theta)$$

Данное уравнение позволяет определить условия, при которых сознание человека изменяется, а также параметр n (t) при известном параметре t (n) изменённого состояния сознания.

Библиографический список

1. Тыщенко В. П. Введение в теорию эволюции. – М.: Комкнига, 2009.

- 2. Sheldrake R. The Sense of Being Stared At. N-Y.: Crown Publishers, 2003.
- 3. Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск: Социум, 2010.
- 4. "Sleeping dreams, waking hallucinations, and the central nervous system", M. Mahowald, S. Woods, C. Schenck, Dreaming, 1998, vol. 8, n. 2, 89–102.

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК

В. О. Кобызева Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь, Россия

Summary. Virtual communication is part of a communicative system. Virtual communication - interpersonal, mediated, has the character of daily occurence. One of the main tools of virtual communication is the Internet.

Key words: virtual communication, communicative practice, Internet.

Во многих работах современных учёных коммуникация рассматривается не как механический процесс обмена сообщениями, а как феноменологическое пространство, в котором опыт наполняется значением и смыслом, приобретает структуру, связность и цельность [1]. При этом ввиду постоянно ускоряющегося темпа жизни контакты современных людей стали более кратковременными и поверхностными. Современное коммуникативное поле характеризуется сокращением времени, отводимой на межличностное длительное общение, появлением новых информационно-коммуникативных технологий, способствующих сокращению времени связей между людьми [2].

Принято различать массовую коммуникацию (в обществе в целом), ограниченную (в рамках социальных групп), локальную (в профессиональных коллективах), внутригрупповую (в малых группах), межличностную (между двумя индивидами) и внутриличностную или интраперсональную — между индивидом и электронными средствами передачи информации. На основе способа установления контакта можно выделить прямую (непосредственную) коммуникацию и косвенную (опосредованную, дистантную). Опосредованная коммуникация носит односторонний характер и осуществляется, в основном, при помощи технических средств. С учётом длительности самого коммуникативного процесса различают краткую коммуникацию и постоянную [3].

Учёный А. В. Соколов выделяет устную коммуникацию, документную и электронную – основанную на космической радиосвязи, микроэлектронной и компьютерной технике, оптических устройствах записи [4].

В практической жизни человек всегда является частью какоголибо сообщества, в котором он осуществляет коммуникацию. Под

коммуникативными практиками мы понимаем формы взаимодействия людей в ходе их повседневной жизнедеятельности, учитывающие реальность существующих неравенств, в том числе и неравенств господства и подчинения в рамках сообществ [5].

Одними из главных инструментов межличностной коммуникации и коммуникативных практик индивидов являются в последнее время всё чаще используемые информационно-технологические средства, особенно интернет.

Интернет, в свою очередь, открывает возможность доступа и использования виртуальной реальности. Соответственно, коммуникации, протекающие в виртуальном пространстве, будут называться виртуальными.

Ввиду того, что интернет является проводником коммункиации, мы будем говорить о виртуальных коммуникативных практиках как об опосредованном виде общения. Опосредованность в данном случае обусловлена как использованием технических средств (компьютера, мобильного телефона), так и непосредственно виртуальностью.

Таким образом, мы можем отнести виртуальную коммуникацию как к межличностной, так и к внутриличностной. Виртуальное общение осуществляется в электронном виде в режиме опосредованности. Повседневные виртуальные коммуникативные практики призваны создавать и поддерживать взаимоотношения индивидов. Виртуальное общение носит, как правило, кратковременный характер. Для него свойственны приоритет он-лайн общения, краткость передаваемых сообщений, использование сокращений и смайликов. Виртуальные коммуникации могут протекать как между знакомыми людьми — с целью поддержания уже существующих взаимодействий, так и с людьми незнакомыми — для живого, доверительного общения, для завязывания новых контактов, для общения с людьми, близкими по духу и миропониманию.

Виртуальной коммуникации как одному из видов коммуникативных практик свойственна манера неформального общения вне зависимости от того, насколько близко знакомы коммуниканты. Это является качеством, привлекающем людей и способствующим вовлечению их в виртуальную коммуникацию.

Библиографический список

- 1. Макаров М. Л. Лингвистика vs/con коммуникативистика // Коммуникативные практики в современном обществе: сб. статей / под ред. В. В. Васильковой, И. Д. Демидовой. СПб.: Скифия принт, 2008. С. 21 42.
- 2. Савруцкая Е. П. Феномен коммуникации в современном мире // «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб. Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 75 85.
- 3. Конецкая В. П. Социология коммуникации // http://lib.socio.msu.ru/l/library 13.02.2011.
- 4. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.

5. Перов В. Ю. Этика дискурса и коммуникативные практики // Коммуникация и образование. Сборник статей // под ред. С. И. Дудника. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С. 404—417.

ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И ПРОБЛЕМА САМОРЕГУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ

А. В. Гордилов Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород, Россия

Summary. The article is devoted to analysis of specific of virtuals intercourse and its influence on development of personals identity. The author is foundation necessity of selfregulation of personals behave in Internet community.

Key words: Virtuals intercourse, Internet community, selfregulation, personals behave, identity.

В XXI веке всемирная сеть стала средством электронных коммуникаций, породив особую виртуальную реальность, специфическую социокультурную среду, чье влияние на формирование и развитие личности трудно переоценить. В большинстве научных работ, посвящённых изучению процессов взаимодействия личности с Интернетом, делается акцент на выявлении и анализе негативных сторон влияния виртуального общения на развитие личности и её поведения. Действительно, анализ причин и последствий негативных и позитивных аспектов воздействия интернет-сообществ на личность и её поведение лежит в основе разработки технологий, регулирующих процесс взаимодействия участников интернет-сообществ. При этом из поля зрения исследователей ускользают механизмы саморегуляции информационно-коммуникативного поведения личности в интернет-сообществах. Цель данной работы состоит в обосновании потребности и необходимости саморегуляции поведения личности в интернет-сообществах.

В социологии интернет-коммуникации, представленной такими учёными, как Ф. И. Шарков, А. Ю. Круглов, В. И. Самохвалова, В. Нестеров, понятия виртуального общения, виртуальной коммуникации, информационно-коммуникативного поведения не получили достаточно чёткого определения. Виртуальное общение характеризуется теми же свойствами, что и виртуальная реальность: во-первых, нематериальностью воздействия, когда изображение заменяет вещественное; во-вторых, условностью параметров, поскольку партнёры по общению, как правило, анонимны и неосязаемы; в-третьих, эфемерностью, при которой свобода контакта и его прерывание обусловливает

нереальность существования. С образованием сетевых сообществ людей, происходит «виртуализация коммуникации» [1, 275]. Коммуникация через Интернет, как социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи коммуникативных средств (вербальных и невербальных), на первый взгляд, удовлетворяет потребность в сообществе, в групповой принадлежности, решает проблему одиночества, идентификации и самореализации, увеличения количества социальных контактов. В отличие от виртуального общения, в виртуальной коммуникации не происходит межперсонального взаимодействия, информации носит однонаправленный характер – от Сети к неперсонифицированному пользователюпотребителю информации. Коммуникативное поведение в интернетсообществах, в отличие от виртуальной коммуникации, предполагает реакцию на других участников интернет-сообществ, на их мысли и чувства, и его можно рассматривать как процесс воздействия людей друг на друга, в процессе которого поведение субъекта сознательно реорганизуется под влиянием поведения других субъектов-участников интернет-сообществ. Целью взаимодействия, виртуальной коммуникации участников в интернет-сообществах являются как потребности профессиональной или образовательной деятельности, удобство и дешевизна (инструментальные), так и сам процесс такой коммуникации, конструирование новых сообществ, освоение новой идентичности и способов самопрезентации (терминальные) [2].

Изучение сетевых сообществ (интернет-сообществ), механизмов их функционирования и регулирования является темой междисциплинарных исследований в области социальной философии, социологии интернет-коммуникаций, управления социальных систем. Новым междисциплинарным научным направлением, инструментом познания социальных процессов выступает теория самоорганизации, включающая в себя синергетику, спонтанные социальные порядки. Сетевое сообщество может быть представлено как самоорганизующаяся система непрерывно нарастающей сложности и связности, созданная человеком с помощью информационных и коммуникационных технологий.

Действительно, с возникновением Интернета появились условия для возникновения самодеятельных объединений («слабых взаимодействий»), в которых происходит взаимодействие спонтанно развивающихся индивидуальностей, развитие человеческой индивидуальности каждого индивида. Сетевое сообщество обеспечивает каждому участнику суверенность, свободу, социальное пространство и время для идентификации своего «Я», способности производить индивидуальные смыслы, для самоактуализации и развития своей субъективности. За счёт согласованного взаимодействия множества участников происходит самоструктурирование, самодетерминация сетевого сообщества. Важно отметить, что структу-

ра сетевого сообщества упорядочивается и усложняется под воздействием внутренних факторов, без внешнего управления. Количество доступных систем, поддерживающих сетевое сотрудничество и совместное творчество, многократно увеличивается.

Результатом взаимодействия личности с интернет-сообществами является появление как информированного и наделённого ответственностью индивида («постоянного собственного диспетчера»), так и дезадаптированной личности. Анализ воздействия интернет-сообщества на индивидуальное поведение участников выявил ряд проблем, связанных со специфическими девиациями. Такие свойства информации Интернета, как избыточность и фрагментарность, определяют деформацию развития личности, её дезориентацию и, в конечном счете, ∂e социализацию. Обилие информации приводит к «фундаментальной потере ориентации», что оборачивается утратой способности к коммуникации с реальными людьми, приводит к утрате самоидентичности. Индивид оказывается «разорванным» между жизнью в реальных координатах «здесь и сейчас» и жизнью внутри особого коммуникативного пространства, где время - «сейчас» господствует над пространством - «здесь». Состояние множественности смыслов, значений, ценностей, принадлежащих разным индивидам, группам, культурам, ввергает человека в хаос, приводит к тому, что он начинает утрачивать прочные основания своей жизни и испытывать трудности с определением собственной самотождественности. Многообразие состояний личности, испытываемых под воздействием Интернета и интернет-сообществ, подтверждает представление о самой личности, «Я» человека, как динамической и самоорганизующейся структуре и процессе.

Социально-философский подход к исследованию интернетсообществ и их влиянию на процесс социализации личности реализует П. А. Константинов. Социализация пользователей интернетсообществ рассматривается им как «процесс вхождения пользователя в социокультурную среду интернет-сообщества через усвоение социальных ценностей и норм, а также технологий коммуникации и элементов информационной культуры», результатом которой является формирование коллективной идентичности [3, с. 17]. Социально-психологические аспекты общения личности в Интернетсообществах являются предметом исследования Н. В. Матрёхиной [4]. Виртуальное общение, общение «в сетях» представляет собой угрозу личностному развитию молодых пользователей Интернета. Межличностные коммуникации в Интернете приводят личность к утрате её идентичности. Идентичность означает соотнесённость чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве. -Идентичность в значении «тождественный», «одинаковый» предполагает осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и

его состояний. Следует отметить, что в виртуальных сообществах людей как таковых нет, они представлены виртуальными образами, которые созданы реальными людьми. Анонимность, невидимость участников в сетевых коммуникациях позволяет каждому создавать свой собственный виртуальный образ. Стремление к анонимности может выражать неудовлетворённость реальной идентичностью, теми сторонами, которые в виртуальной коммуникации отсутствуют (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность, внешняя привлекательность). Возможность «убежать из собственного тела» рассматривается некоторыми авторами как один из главных факторов, мотивирующих участие в виртуальной коммуникации. Потребность в полной анонимности в сетевой коммуникации связана, как правило, с неудовлетворённостью реальной социальной идентичностью и желанием избавиться от неё. Растворение в пространстве виртуальной реальности разрушает психику человека, потерявшего способность отличать мир реальный от иллюзорного.

Формами проявления утраты идентичности являются уход от объективной реальности в субъективную, от реальной сферы жизнедеятельности и общения – в виртуальную, иллюзия самореализации в виртуальной реальности. К социальным последствиям неконтролируемого информационно-коммуникативного поведения в Интернете можно отнести аддиктивное (зависимое) поведение, превращение участников интернет-сообществ в объект манипуляции, деформацию ценностных ориентаций, безответственность, утрату контактов в реальной жизни, в конечном счете – десоциализацию личности. «Человек впервые столкнулся с возможностью фальсификации собственной природы и опасностью «вырождения» своей человеческой реальности, - отмечает В. И. Самохвалова, - ставшей сложным продуктом его культурного развития, но испытывающей деформирующее воздействие результатов этого развития». Далее автор подчёркивает, что «современная ситуация стала требовать от человека оставаться идентичным себе в своём реальном бытии» [5, с. 92], особенно в условиях виртуальной угрозы этому бытию. Для этого человек должен организовать адекватное взаимодействие с созданной им технической реальностью.

Человеческое общество, отвечая на вызовы сетевого сообщества, стремится сообразовывать свои действия с общим порядком, поэтому поведение участников интернет-сообществ регулируется с помощью социальных норм — законов, нормативных актов, правил, установленных самими участниками интернет-сообщества («сетевой этикет»). Обмен информацией о поведении индивидов в процессе предыдущих взаимодействий направлен на противодействие нарушению принятых в сообществе социальных норм, однако это не гарантирует пользователем соблюдения принятых форм и правил поведения. В ситуации неопределённости регуляция поведения опре-

деляется самим человеком как участником сетевого сообщества, его идентичностью. Современная молодёжь выступает субъектом информационного общения и обеспечения личной информационнопсихологической безопасности. Вместе с тем молодые люди не способны контролировать, ограничивать, приводить в соответствие с нормами своё поведение, т. е. не владеют навыками саморегуляции, поэтому информационно-коммуникативное поведение молодёжи в интернет-сообществах зачастую выступает как аддиктивное (зависимое) и неподконтрольное сознанию личности. В связи с этим необходимо исследование уровня саморегуляции информационно-коммуникативного поведения молодёжи в интернет-сообществах и разработка технологий саморегуляции, направленных на сохранение личностной идентичности, распознавание угроз информационной и психологической безопасности, противостояние в сети Интернет информации, наносящей ущерб нравственности.

Дальнейшее исследование механизмов саморегуляции информационно-коммуникативного молодёжи интернетповедения сообществах предполагает исследование отношения молодёжипользователей Интернет и участников интернет-сообществ к проблеме саморегуляции информационно-коммуникативного поведения, анализ опыта формирования личностной идентичности в психосоциальной работе с различными группами лиц, склонных к аддиктивному поведению. Таким образом, проблема саморегуляции информационнокоммуникативного поведения может быть сформулирована как необходимость сохранения личностной идентичности участников интернетсообществ и отсутствие эффективных и обоснованных технологий предупреждения их личностной деформации и десоциализации.

Библиографический список

- 1. Шарков Ф. И. Четвёртая волна (интерактивные электронные коммуникации): монография. М.: Изд-во "Прометей", 2005.
- 2. Шарков Ф. И. Коммуникология: социология массовой коммуникации: учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010.
- 3. Константинов П. А. Социально-философский анализ функционирования интернет-сообществ: автореф. дис... на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Красноярск, 2010.
- 4. Матрёхина, Н. В. Социальная сеть как модель межличностных взаимоотношений // Интегративный подход в психологии: сб. научн. статей / РПГУ им. Герцена; под. ред. В. А. Панфёрова, Е. Ю. Коржовой. СПб., 2003. С.213–219.
- 5. Самохвалова В. И. Виртуал. К вопросу идентификации реальностей разного генезиса и уровня / Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения / Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2008.

СЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Федосеева Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск, Россия

Summary. This article deals with the main characteristics of personal narratives inmodern massmedia discourse.I-pronouns and different stylistic devises help to makepersonal newswhich differ from traditional news. Due to the personal involvement the institutional role of a journalist is modified as well as his/her discourse.

Key words: massmedia discourse; personal narrative; personal news; modification of the institutional role of ajournalist.

В современном массмедийном дискурсе наблюдается устойчивая тенденция к изложению профессиональными пишущими в своих статьях личностной информации. На передний план выдвигается не объективное, традиционное, а субъективное, авторское видение событий. Журналисты открыто выражают своё мнение, делятся с читающими личными наблюдениями и субъективными оценками. Другими словами, содержание статей всё чаще принимает форму личностного нарратива, рассказа о самом себе [1].

В литературоведении нарратив понимается как текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что история, рассказ, повествование.

Как указывает Е. В. Падучева, традиционно повествование ведётся в 3-м лице (третьеличный нарратив). В третьеличном нарративе повествователь не принадлежит миру текста. В нём повествовательная форма «создаёт видимость объективности: мир предстаёт перед читателем как бы сам по себе, никем не изображаемый» [2, с. 918]. Существует также повествование от 1-го лица (перволичный/личностный нарратив), в котором повествователь — это рассказчик: он сам принадлежит миру текста, т. е. участвует в изображаемых событиях. Он принадлежит к описываемой нарративной реальности и рассказывает о ней сквозь призму своих восприятий и мнений [2].

Согласно определению личностного нарратива, данного Э. Окс, он трактуется как «нарратив о личностном опыте, представляющий собой вербализованный, визуализированный или материализованный сценарий определённой последовательности действительных или возможных жизненных событий» [4, с. 19]. Э. Окс указывает также, что слушающий/читающий является своеобразным соавтором нарратива. Он оценивает полученную информацию и сохраняет уже своё субъективное понимание её.

Наличие в массмедийном дискурсе фактора личностной модификации новостей можно доказать на основе сравнения традиционного сообщения и личностных сообщений:

- 1. <u>Vladimir Putin Sings «Blueberry</u> Hill». In St. Petersburg, Russia's prime minister Vladimir Putin played the piano and sang «Blueberry Hill» at a charity fundraiser dedicated to fighting children's cancer. International celebrities including Kevin Costner, Gerard Depardieu, Mickey Rourke, Sharon Stone, Kurt Russell, Vincent Cassel, Monica Belucci, OrnellaMuti, Goldie Hawn and many others attended the benefit concert (Presurfer, Dec.12, 2010).
- 2. Sing-along-a-Vlad:now Putin is Blueberry Hill croonerof the Kremlin. Is there no end to Vladimir Putin's talents? The Russian Prime Minister already has a reputation as an accomplished fighter-jet pilot and Siberian tiger-hunter, and is a black belt in judo. Now you can add jazz crooner to the list (Mail On Sunday Reporter, Dec. 12, 2010).
- 3. When <u>I watch</u> the Blueberry Hill clip <u>I see</u> a figure as comically sinister as a Batman villain, but beyond that <u>I see</u> a real villain too a self-aggrandising authoritarian who always gets exactly what he wants (Guardian, Dec. 19, 2010).

Данные дискурсы базируются на одной и той же референтной ситуации. В первом примере эта ситуация когнитивно структурируется при помощи фактуального сценария и третьеличного нарратива. Журналист выступает как институциональная дискурсивная личность, передающая следующую новость: <Владимир Путин сыграл на рояле и спел «Блубери Хиллс» для голливудских звёзд в Санкт-Петербурге>. При этом используется минимум экспрессивной лексики, приводится достаточно полное описание события. Говоря словами С. Н. Плотниковой, журналист наблюдает за миром-без-него, а не за миром-с-ним [3]. Из пары «Я vs Мир» журналиста интересует мир.

Во втором примере происходит риторическая модификация массмедийного дискурса, благодаря чему в него привносится личностный фактор. Для привлечения внимания читающих журналист использует стилистические приёмы: окказиональное образование (sing-along-a-Vlad), эпитеты (crooneroftheKremlin, accomplishedjazzcrooner). Сокращение имени Vlad указывает на фамильярное отношение пишущего к Путину, усиливаемое тем, что оно используется в рифмовке, своеобразном припеве, повторять который, то есть петь вместе с Путиным, журналист призывает своих читателей.

В данном случае личностная модификация новости осуществляется имплицитно, то есть без перехода к перволичному нарративу. При помощи саркастического риторического вопроса (Существует ли предел талантам Владимира Путина?) журналист напрямую обращается к читающим, то есть переходит к общению по модели «Я-Ты». Использование вопроса, не требующего ответа, предполагает согласие, присоединение читающих к осмеянию «талантов» Путина, благодаря которым он, по мнению журналиста, не столько занимается управлением государства, сколько созданием своего положительного

имиджа в глазах электората. Это мнение является его «личной» новостью, «другой» новостью, «поверх» институциональной.

Сарказм используется и в речевом акте директиве – «приказе» читающим присоединиться к пению Путина и петь, как он (singalong-a-Vlad). Здесь тоже имплицитно выражено «Я» журналиста, которое отдает «приказ» читающим, модель общения и здесь «Я–Ты», с привнесением личностного фактора.

В третьем примере личностная новость уже выражена эксплицитно, то есть при помощи перволичного нарратива. Журналист использует личное местоимение I (Iwatch, Isee), то есть концентрируется на собственном восприятии события, которое он не описывает, а интерпретирует, используя стилистический приём сравнения (ascomically sinisterasa Batman villain, a realvillain). Личностный нарратив не информативен относительно референтной ситуации, его цель – оценка политика, в данном случае негативная.

Таким образом, личностная модификация массмедийного дискурса неразрывно связана с интерпретативной деятельностью журналиста, который, с одной стороны, выступает в институциональной роли, но, с другой стороны, усложняет эту роль, привнося в неё личностный фактор.

Библиографический список

- 1. Москаленко Е. С. Личностный нарратив как когнитивный принцип организации массмедийного дискурса // Вестник ИГЛУ. № 1. 2009. Иркутск, 2009. С. 175–180.
- 2. Падучева Е. В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 916–931.
- 3. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 66–81.
- 4. Ochs E. Narrative // Discourse as Structure and Process / Ed. By T. A. van Dijk. SAGE Publications Ltd, 1998. Pp. 185–207.

ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ

Р. А. Башкарова Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск, Россия

Summary. This article tackles the notion of the factor of informational dependence in the discourse of interview which discloses a journalist's dependence on an interlocutor in the communicative interaction.

Key words: discourse, the factor of informational dependence, information, interactional competence.

Теория дискурса является уже достаточно изученной. К настоящему моменту уже выявлены особенности дискурса разных типов. В работах, посвящённых к дискурсу интервью, он также достаточно хорошо изучен как с журналистских, так и с лингвистических позиций [3].

В настоящее время ставятся новые проблемы, связанные с анализом дискурса, в частности дискурса интервью, позволяющие ещё глубже проникнуть в его когнитивные основы и принципы его организации. До сих пор не подвергался исследованию такой вопрос, как фактор информационной зависимости в дискурсе интервью, а именно то глубинное когнитивное препятствие, которое может сделать неэффективным все усилия журналиста в речевом взаимодействии.

В интервью представлено интерактивное взаимодействие, с чётко определёнными коммуникативными ролями интервьюирующего и интервьюируемого, между которыми, по неписаной коммуникативной норме, выстраиваются отношения асимметрии: первый координирует ход разговора, роль второго достаточно пассивна и сводится к предоставлению желаемой информации через его/её ответы на поставленные вопросы [3].

Желаемая информация определяется нами как новое, социально значимое сообщение, представляющее интерес для общества. Согласно Ю. М. Лотману «новые сообщения не возникают в результате однозначных преобразований, и, следовательно, не могут быть автоматически выведены из некоторого исходного текста путём приложения к нему заранее заданных правил трансформации. Только творческое сознание способно вырабатывать новые мысли» [2, с. 568]. Категория «новое» неотъемлема от явления и понятия «информация», базового в теории коммуникации. Коммуникация — это передача информации, а *новое*, новые сообщения, новые знания, приобретаемые в результате этих сообщений, это то, без чего информация не была бы информацией [1].

Для того чтобы получить в процессе интервью новую социально значимую информацию от интервьюируемого, журналисту необходимо обладать интерактивной компетенцией. Интервьюируемый, являясь носителем подобной информации, должен «отдать» её, предоставить её обществу в лице журналиста, который управляет информацией через её запрос. Рассматриваемое нами понятие «фактор информационной зависимости в дискурсе интервью» выявляет зависимость журналиста от отвечающего собеседника. В связи с этим журналист должен активно конструировать последовательность вопросов и дискурсивных стратегий для достижения цели получения социально значимой информации.

Библиографический список

- 1. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-Холдинг, 2003. С. 149.
- 2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2000. С. 609.
- 3. Heritage J., Greatbatch D. On the Institutional Character of Institutional Talk: The Case of News Interviews // Talk and Social Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 394 p.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Т. П. Вострикова, А. С. Саблина Самарский государственный университет, г. Самара, Россия

Summary: Development of computer technology promotes positive and negative changes in society, the latter may include development of computer addiction among teens. Computer dependence as a type of addictive behavior, prevents implementation age problems, formation of value orientations and generally successful socialization of adolescents. The article summarizes research that reveal aspects and characteristics of the appeal of the Internet, socio-demographic and psychological characteristics of a dependent teenager.

Key words: socialization, teenager, addiction, addictive agent, computer addiction, attachment, personality traits.

Новые информационные технологии задают новое содержание социализации в подростковом возрасте. Современная социализация подростков, имеющих постоянный доступ к компьютеру, отмечает К. С. Янг, выражается в следующих формах: 1) в изменении коммуникативного опыта (новый «компьютерный» дискурс, новые нормы коммуникации); 2) в расширении возможностей ролевого экспериментирования (прежде всего посредством многопользовательских игр); 3) в возможностях максимально управляемой самопрезентации (блоги, аватары и др.); 4) в новых возможностях ранней профессионализации [1].

При этом существуют и негативные стороны данного явления, такие как постоянный контакт с компьютером в ущерб другим видам деятельности и непосредственным формам общения со сверстниками и взрослыми. В результате этого, сокращаются сферы жизнедеятельности, в которых подросток проявляет себя активно, самостоятельно и ответственно, сокращается число непосредственных контактов, останавливается процесс приобретения умений и навыков взаимодействия и необходимого жизненного опыта. Формируется отклонение в поведении, где приоритеты времяпрепровождения и взаимодействия отданы не людям, а машинам, формируется зависимость от информационно-технических средств.

Установлено, что само формирование привязанностей не случайно, а связано с удовлетворением потребностей растущего человека. Исследования И. А. Бутенко [2] свидетельствуют, что на первом месте среди потребностей у подростков, находится удовлетворение любопытства, то есть речь идёт о любом поиске информации, не обязательно регулярно проходящем в виртуальном пространстве. Второе место занимает потребность выполнения школьных заданий в основном по гуманитарным предметам.

В научной литературе выделяют ряд факторов, создающих структуру притягательности Интернета как потенциального аддиктивного агента: 1) возможность многочисленных анонимных социальных интеракций; 2) виртуальная реализация фантазий и желаний с установлением обратной связи; 3) нахождение желаемых «собеседников», удовлетворяющих любым требованиям; 4) возможность установления контактов с новыми лицами и их прерывания; 5) неограниченный доступ к информации, к различным видам развлечений; 6) участие в различных играх.

Ещё одну характеристику притягательности Интернета выделяют Е. Б. Шашарина, Т. И. Штейн, полагая, что виртуальный мир как аддиктивный агент в определённом смысле способен выполнять функцию и транзиторного объекта, который занимает промежуточное психологическое пространство, находясь между внутренней и внешней реальностью. Общение подростка с транзиторными объектами, психологически привлекательно, так как даже если они наделяются отрицательными характеристиками, ими можно безопасно психологически манипулировать, создавая сюжеты и сценарии фантазийного содержания. Таким образом, транзиторный объект имеет огромное значение для развития подростка, при условии сохранения границ между его реальным селфом и воображаемым миром [2].

Мнения педагогов о том, что дети используют компьютер в качестве формы заполнения досуга, подтверждают В. С. Собкин, П. С. Писарский, Ю. М. Евстигнеева и другие учёные. Различия в значимости использования компьютера в структуре досуга между мальчиками и девочками остаются практически одинаковыми на всех этапах подро-

сткового возраста. Однако общая закономерность социального развития подростка — «расширение социальной среды» — особым образом проявляется и в его отношении к компьютеру. В этой связи можно рассматривать Интернет как своеобразное виртуальное социальное пространство, с помощью которого подросток не только поучает необходимую информацию, но и расширяет среду своего социального взаимодействия. Статистический анализ показывает, что особая увлечённость компьютером у подростков наблюдается до 13 лет. На возрастном этапе от 13 до 15 лет среди школьников происходит существенная переоценка роли Интернета как «интересного и полезного» источника информации.

Кроме социально-демографических характеристик в портрете зависимого от компьютера выделяют его психологические характеристики.

Именно в подростковом периоде, полагает О. Ю. Ермолаев, представлены все формы и типы зависимого поведения, которые в ином, более старшем возрасте, исчезают или значительно урежаются. Наряду с «привязанностью» основным в поведении зависимой личности является стремление к уходу от реальности, страх перед обыденной, наполненной обязанностями и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к запредельным эмоциональным переживаниям даже ценой серьёзного риска и неспособность быть ответственным за что-либо.

Особенно, по мнению А. Ф. Шайдулиной, деформируется эмоциональная сфера подростка. Она выявила общие черты зависимой личности. Для них характерны дисгармония функционирования эмоциональной сферы, проявляющаяся в неспособности к чёткой дифференцировке своих чувств, невозможности спонтанно отреагировать в коммуникативных ситуациях. Формальный характер отношений в семьях, отсутствие искренней вовлечённости родителей в дела ребёнка способствуют возникновению у него ощущения изолированности, и в дальнейшем приводят к проблемам адаптации в коллективе сверстников. Даже при наличии порой широкого круга общения, дружеские отношения возникают крайне редко, отсутствует эмоциональная привязанность к кому-либо из окружения [3].

Отсутствие потребности в эмоционально близких отношениях и без того узкий круг общения, по мере развития компьютерной зависимости приводит фактически к формальной изоляции подростка. Чаще всего сами подростки не отдают себе отчёт в том, что их увлечение вариантами компьютерных развлечений стало чрезмерным. А инициаторами обращения за помощью являются в основном родственники, случайно обнаружившие значительные проблемы в процессе обучения в образовательных учреждениях (пропуски занятий, перенос экзаменов, угрозу отчисления и т. п.).

Общие черты подростков с компьютерной зависимостью представлены в рис. 1.

Рис 1. Общие черты подростков с компьютерной зависимостью

Наиболее выражено негативное влияние компьютерной зависимости на социальные качества подростка: дружелюбие, открытость, желание общения? чувство сострадания.

В подростковом возрасте формируются ценностные ориентации: понятия добра и зла, милосердия и жестокости, дружбы и предательства, любви и ненависти. Под влиянием компьютерных игр у подростка возникает эмоциональная холодность, замкнутость, неспособность к сопереживанию, психологический инфантилизм — неумение брать на себя ответственность, контролировать свои поступки. Адекватная личность формируется только в живом общении с другими людьми.

Необходимыми качествами подростка для успешной его социализации являются общительность, эмпатия, активность, спокойствие, которые соответственно при компьютерной зависимости замещаются изоляцией, агрессией, бездействием, раздражительностью, замкнутостью.

Если вовремя не предупредить компьютерную зависимость, взрослея, подросток, выросший «в сети», будет всё чаще и чаще сталкиваться с реалиями настоящего, а не иллюзорно-виртуального мира, ему придётся решать различные проблему, нести ответственность за свои поступки. Годы, отведённые природой для становления личности, различия психики и интеллекта, могут быть потеряны. Не имея опыта общения «глаза в глаза», подросток не умеет слушать собеседника, и потому чувствует себя чужим в окружающем его мире.

Библиографический список

- 1. Янг К. С. Диагноз интернет-зависимость // Мир Интернет. № 2. 2000.
- 2. Бутенко И. А. Подростки: чтение и использование компьютера // Социс. № 12. 2001.
- 3. Организация работ по профилактике аддиктивных форм поведения: методические рекомендации. – Самара: ГУСО «Перспектива», 2006.

ЦЕННОСТНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СО ВЗРОСЛЫМИ

И. М. Городецкая, С. Г. Конюхова Казанский государственный технологический университет, г. Казань; Институт экономики, управления и права, г. Нижнекамск

Summary. Results of socio-psychological empirical research of interpersonal relations between teenagers with deviant behavior and adults are given in the article. The research revealed profound misunderstanding between these social groups and low degree of contentment as a result. Conclusion is made that the goal of correction programs is elimination of disagreements and deficits in the system of interpersonal and intergroup relations between teenagers and adults.

Key words: teenagers, deviant behavior, adults, interpersonal relations.

Проблема девиаций в поведении становится особенно актуальной в периоды социальных кризисов, глубинных общественных преобразований и изменений. По существу девиантное поведение является индикатором стабильности и здоровья общественной системы. Структурные проблемы отражаются на социально-психологическом уровне, на поведении людей. Особенно чувствительными в этом отношении являются молодёжь и подростки. Подростковый и юношеский возраст характеризуется наиболее активным формированием системы ценностей и мировоззрения. Если говорить о подростках, то для них, как известно, характерны такие социально-психологические особенности, так бунтарство, критичное отношении к нормам и правам «взрослого» общества, зависимость от мнения сверстников и статуса в группе.

Изучение социально-психологических особенностей подростков с девиантным поведением позволяет выявить особенности характера общения в девиантной группе, которое оказывает влияние не только на формирование направленности личности подростка, но и на особенности их взаимоотношений с социальным окружением. Эти исследования помогут понять, какие именно изменения образа жизни и отношений помогут преодолеть проблему девиантного поведения, или, по крайней мере, свести её к минимуму.

Сама проблема девиантности может рассматриваться именно через призму отношений, так как подростки причисляются к группе девиантных социальным окружением. С одной стороны, это говорит о том, что взрослые не могут построить конструктивные отношения с данными подростками и поэтому относят их к маргинальной группе «трудных», с другой стороны, сами подростки сопротивляются предъявляемым требованиям, активно отстаивают свои права на самостоятельность.

По мнению В. Н. Мясищева, про трудных детей «можно сказать, однако, что их отношения недостаточно развиты; те условия, которые не воспитали у них организованности, явились источником недоразвития отношений, т. е. их недостаточной сознательности, устойчивости и т. п.» [1, с. 90].

С целью изучения отношений девиантных подростков и взрослых в современном российском обществе было проведено исследование механизмов межличностных отношений.

В исследовании Р. Х. Шакурова, М. Г. Рогова, Б. С. Алишева [3, с. 14] отмечается, что в формировании межличностных отношений особую роль играют социальные потребности, это потребности в принадлежности к социальной группе, в эмоциональном общении. Таким образом, межличностные отношения формируются на основе гибких механизмов, через определённые психологические связи. Они тесно связаны с ценностями людей и могут трактоваться как психологические. Возникающие при этом эмоциональные переживания придают качественное своеобразие отношениям личности к людям, к себе и т. д.

Для изучения особенностей межличностных отношений подростков с девиантным поведением и взрослым социальным окружением было проведено исследование, в котором приняло участие 100 человек взрослых и 165 подростков с девиантным поведением из городов республики Татарстан.

С целью исследования механизмов межличностных отношений использовался опросник, разработанный М. Г. Роговым, А. Н. Грязновым, Л. В. Грузд [2]. Данная методика качественно отличается от существующих в настоящее время тем, что позволяет изучить системное строение механизмов, определяющих формирование межличностных отношений, так как отражает их субъективную значимость для конкретной личности.

Полученные в ходе исследования результаты показали, что отношения подростков со взрослыми с разной степенью выраженности строятся на факторах, отражающих механизмы «созвучие», «содействие», «бумеранг», «дефицит», «эмоциональное эхо» (терминология Р. Х. Шакурова).

На первом месте по всей выборке подростков с девиантным поведением находится механизм «бумеранг» (4,36 балла по пятибалль-

ной шкале). Подростки привязаны больше к тем взрослым, которые доброжелательны и тактичны по отношению к ним, умеют оценить их достоинства. Механизм «содействие» – второй по значимости для подростков с девиантным поведением (4,33 балла), то есть в отношениях со взрослыми подростки девиантной группы демонстрируют прагматизм и концентрацию не на эмоциональном аспекте отношений, а на конкретно-практическом. На последнем месте по значимости для девиантных подростков стоит механизм «Эмоциональное эхо» (4,06 балла). Переживания, чувства других людей не играют ведущей роли в системе отношений подростков с отклоняющимся поведением, им трудно устанавливать близкие отношения, возможно, это вызвано недостатком заботы и привязанности со стороны близких людей.

Поскольку отношения нельзя оценивать только с позиций одной стороны, нами было проведено исследование среди взрослых. Им было предложено оценить своё отношение к подросткам с девиантным поведением.

Показатель удовлетворённости взрослых отношениями с девиантными подростками составляет 3,54 балла и занимает 16 место в ранжированном ряду из 20 факторов, обусловливающих отношения. Действительно, подростки с девиантным поведением не являются той социальной группой, с которой взрослые стремятся поддерживать тесные отношения.

Значимыми механизмами в отношении взрослых к подросткам с девиантным поведением являются «дефицит» (средний балл – 4,18) и «эмоциональное эхо» (средний балл – 3,92).

По сути, выраженность механизмов отношений взрослых к подросткам является зеркальным отражением выраженности отношений подростков к взрослым. Это наглядно демонстрирует наличие глубокого непонимания между этими группами. То, что важно для подростков, оказывается на периферии ранжированного ряда взрослых, и наоборот. Причём подростки достаточно чутко отслеживают это непонимание и заявляют о нём при оценке трудностей во взаимоотношениях.

Прослеживается желание общества «не связываться» с девиантными подростками, поскольку бытует мнение, что с такими подростками лучше не ссориться, так как повлиять на них очень сложно, а вызвать на себя агрессию, напротив, очень легко. На вопрос «Чем отличаются девиантные подростки от других?» — в 65 % случаях взрослые ответили «поведением», а именно: агрессивностью, неуравновешенностью, отстранённостью в поведении. При этом на вопрос «Смогли бы вы найти с ними общий язык?» только 30 % взрослых респондентов ответили «да», 40 % затруднились дать ответ на этот вопрос и 25 % ответили, что этим должны заниматься только специалисты.

То есть мы можем сказать, что взрослые понимают, как нужно строить отношения с девиантными подростками, но на деле используют совершенно другие механизмы формирования отношений.

Проведённый анализ системы взаимоотношений девиантных подростков и взрослых показал наличие непонимания между этими группами, их консолидированности в антагонизме друг с другом и, соответственно, низкой степени удовлетворённости отношениями. Во взаимоотношениях подростков к взрослым большее значение приобретают конкретно-практические факторы, а не эмоциональные, подростки ждут взрослых помощи и содействия. Тогда как взрослые относятся к подросткам с неприятием и осторожностью.

Сложность действия коррекционных программ состоит в потере доверия и невысокой восприимчивости к воспитательным воздействиям со стороны подростков с девиантным поведением. И поэтому можно сформулировать основную цель прсихокоррекционных программ с девиантными подростками, как устранение рассогласований и дефицитов в системе взаимоотношений подростков и взрослых.

Библиографический список

- 1. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Московский психологосоциальный институт; Воронеж: издательство НПО «МОДЭК», 1995. – 356. с.
- 2. Рогов М. Г. Ценностные ориентации наркозависимой личности: монография. Набережные Челны: Институт управления, 2005. 132 с.
- 3. Шакуров Р. Х. Рогов М. Г., Алишев Б. С. Социально-психологические особенности сплочения педагогического коллектива среднего ПТУ. Казань, 1991. 138 с.

НЕГАТИВНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В ДИНАМИКЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

С. Ю. Девятых, М. Мухадов Витебский государственный медицинский университет, г. Витебск, Беларусь

Summary. In article results of empirical research of features of adaptation of students-foreigners to study at medical university are presented.

Keywords: academic mobility, higher medical education, psychological adaptation, students-foreigners.

В новых для него условиях жизнедеятельности иностранный студент испытывает необходимость в адаптации. Адаптация – атрибут любого живого существа, который проявляется всякий раз, когда в системе его взаимоотношений со средой жизнедеятельности возни-

кают значимые изменения. Выделяют социальную, физиологическую, психологическую адаптацию, которые в реальности между собой переплетаются. Референтными показателями психологической адаптированности являются отсутствие или низкий уровень тревожности, положительные эмоции в отношениях с окружающими, удовлетворительное самочувствие и ощущение душевного комфорта. Вхождение в новую систему отношений выражается в большом и противоречивом многообразии чувств, которые и образуют чувственный тон. Чувственный тон - неотъемлемая часть внутреннего мира личности и одновременно доминирующая составляющая актуального и доминирующего психического состояния (настроения); он в большей степени обусловлен индивидуальными и личностными причинами, хотя признаётся и влияние социально-политических, экономических, культурных особенностей жизни на настроение личности, переживание удовлетворённости или неудовлетворённости жизнью [1]. Процесс вхождения в новую социальную среду – болезненный процесс, который сказывается и на модальности настроения. Возникает вопрос, какова динамика негативных элементов настроения на начальных этапах адаптации студентов-иностранцев к новым социально-культурным условиям.

В качестве испытуемых выступали 32 юноши и 21 девушка, студенты первого курса, выходцы из Туркменистана, впервые приступившие к учёбе в вузе с 1 сентября. В качестве инструмента исследования использовалась проективная методика «Рисунок человека» К. Маховера [2]. Из всей совокупности признаков рисунка, отмеченных в методике, были отобраны только семь, наличие которых в рисунке могло свидетельствовать о негативных элементах в настроении испытуемого. Эти показатели следующие: 1) линии неравномерны по нажиму и толщине - напряжённость, неуверенность и эмоциональная нестабильность; 2) штриховка – эмоциональное напряжение, тревожность; 3) «сокращение рисунка» - чувство неполноценности, депрессия; 4) смещение рисунка относительно центра – чувство одиночества, недостаток надёжной опоры; 5) выражение лица растерянное, грустное - неуверенность, тревога, сниженное настроение; 6) руки, вытянутые по бокам – тревожность в социальных контактах, нерешительность; 7) ноги неустойчивые – неуверенность вообще, отсутствие базового чувства защищённости.

Отбор эмпирического материала осуществлялся дважды: через неделю после начала занятий и за неделю до начала экзаменационной сессии. Анализ показал, что если на начальном этапе исследования в рисунках юношей обнаруживалось в среднем по 2,56 единиц оценки негативных элементов настроения, а у девушек – 1,66, то на заключительном его этапе таковых было отмечено соответственно 3,46 и 2,33 (см. таблицу).

Таблица 1 Показатели проективного теста «Автопортрет» в начале и по окончании первого семестра, в %

Наименование	Юноши		Девушки			Д-Ю, р<		
параметра оценки	1	2	p<	1	2	p<	1	2
Линии неравномерны	31,2	43,7	н/з	19,0	19,0	н/з	н/з	0,0
								2
Штриховка	34,4	31,2	н/з	4,8	23,	0,0	0,0	н/з
					8	3	О	
«Сокращение про-	37,5	40,	н/з	28,	52,4	0,0	н/з	н/з
странства»		6		6		5		
Смещение рисунка	59,4	68,	н/з	57,1	52,4	н/з	н/з	н/з
		8						
Выражение лица	40,	40,	н/з	4,8	23,	0,0	0,0	н/з
	6	6			8	5	0	
Руки, вытянутые по	25,	53,1	0,01	23,	57,1	0,0	н/з	н/з
бокам	О			8		5		
Ноги неустойчивые	25,	71,9	0,0	19,0	19,0	H/3	н/з	0,0
	О		О					О
Объём выборки, N =	32	32	X	21	21	X	X	X

Примечание: 1 — показатели в начале семестра; 2 — показатели по окончании семестра; p< — уровень достоверности различий между группами.

Итак, в процессе адаптации и у юношей, и у девушек увеличивается число негативных элементов настроения; у юношей это увеличение происходит по двум параметрам оценки — возрастает их тревожность в социальных контактах, возрастает неуверенность вообще, снижается базовое чувство защищённости; у девушек также происходит увеличение негативных элементов настроения — возрастает их эмоциональная нестабильность и так же, как и у юношей, снижается базовое чувство защищённости. Вместе с тем полученные данные позволяют говорить о том, что у девушек процесс психологической адаптации проходит лучше, чем у юношей.

Библиографический список

- 1. Девятых С. Ю., Кравченко М. Ю. Иностранный студент в вузе: психологические проблемы адаптации. Витебск: ВГМУ, 2010. 32 с.
- 2. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2003. 80 с.
- 3. Куликов Л. В. Психогигиена личности. СПб.: Питер, 2004. 464 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ В ОТВЕТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

К. В. Сидельников, В. В. Макашов Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва, Россия

Summary. Article is devoted an information condition in public health services of Russia. To new information technology in public health services of Russia. To economic benefit of introduction of new information systems in public health services, on an example of the Moscow region.

Key words: medicine, information, economic benefit, a demography, new medical technologies, cardiology

В настоящее время, при современном уровне развития медицины, исходы заболеваний во многом зависят от эффективности деятельности системы отечественного здравоохранения, особенно качества деятельности медицинских учреждений первичного звена, оказывающих помощь населению, и доступности этой помощи, и в меньшей степени от уровня квалификации медицинских работников.

Большое давление на организацию медицинской помощи, как впрочем и на всю экономику России, оказывает демографическая проблема — один из главнейших вызовов России в XXI веке. Общее сокращение численности населения, снижение его плотности до параметров почти в три раза меньше среднемировых создаёт опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире, возможность дополнительных притязаний на территорию Российской Федерации со всеми вытекающими последствиями.

По оценкам, процесс старения населения страны выражается в ухудшении соотношения возрастных групп моложе и старшего трудоспособного возраста. Изменение соотношения в трудовой структуре населения приводит к тому, что численность выходящих за пределы трудоспособного возраста к 2015 году будет почти в два раза превышать численность вступающих в трудоспособный возраст. Уменьшение численности молодёжи, вступающей в трудоспособный возраст, вызовет опасность обострения проблемы комплектования вооруженных сил, правоохранительных органов и иных силовых структур, что представит собой угрозу сохранения оборонного потенциала страны, охраны государственных границ и проведения других мер, связанных с национальной безопасностью. На основании прогнозов, по сравнению с 2000 годом численность мужского населения в возрасте 17–19 лет сократится к 2016 году с 3,46 млн человек до 1,99 млн человек.

Также, что важно отметить, общее сокращение численности населения, сопровождающееся сокращением численности отдельных этнических групп, особенно коренных малочисленных народов, может привести к их полному исчезновению. В связи с демографическими проблемами страны возникает дефицит рабочей силы в здравоохранении, резко повышается нагрузка на систему здравоохранения в целом, обостряется проблема с финансированием всей системы, будет изменен масштаб и структура заболеваемости, только по этому фактору потребность в расходах на здравоохранение возрастёт в 2020 г. более чем на 20 %. Уже сейчас, испытывается недостаток медицинских кадров в стране, вызванный различными причинами, в том числе и демографическими, так, например, в Омской области всего 4 врача кардиолога приходятся на 886 800 сельских жителей, что составляет 0,005 врача — на 1000 жителей.

В конце 2007 года в России в 45 участковых больницах и 94 амбулаториях не было ни одного врача. 56 сельских больниц и 94 врачебных амбулаторий совсем не укомплектованы врачами. В том же году, в муниципальных учреждениях имелись вакансии 20 тысяч врачебных должностей. Мы говорим о необходимости уменьшения нагрузки на врача. На сегодняшний день в поликлинике, по нормативным документам, в зависимости от специальности врача, эта нагрузка должна колебаться от 1500 до 1800 человек. Но по данным Федерального регистра на каждом четвёртом участке численность населения составляет более 3000 человек, прикреплённых к одному врачу. В Москве, где действуют пять высших учебных медицинских заведений, на каждом третьем участке численность прикреплённого контингента превышает 3500 человек. Укомплектованность первичного звена оказания медицинской помощи врачами-кардиологами — 72,6 %.

Усиливается региональная дифференциация по уровню первичных доходов, порождающая тенденцию к различию в возможности получения медицинской помощи...

В результате повышение качества оказания медицинской помощи невозможно без развития и внедрения новых, в том числе медицинских, технологий, расширяющих возможности раннего выявления заболеваний и лечения больных, особенно если они позволяют перераспределять финансовые потоки, т. е. удовлетворять соотношению цены и качества.

Одним из инструментов, позволяющих поддержать нашу систему здравоохранения в русле современного интеллектуального развития, служит развитие информатизации на базе системы электронных коммуникаций.

Система электронных коммуникаций упрощает и оптимизирует связь между отдельными людьми, людьми и организациями, врачом и пациентом и бизнес-потоками в системе здравоохранения. Представляя всё многообразие коммуникативных средств, многообразие предоставляемых возможностей для врача, приходиться только удивляться их практическому отсутствию в повседневной жизни

врача первичного звена, включая врача общей практики, да впрочем, и любого другого... Исключение представляет разве что использование электронной истории болезни в 7,7 % всех лечебнопрофилактических учреждений страны.

Нами в отделе по изучению проблем семейной медицины НИЦ Первого МГМУ им. И. М. Сеченова изучается состояние компьютеризации первичного звена в России, в частности в системе врачей общих практик. Произведено обследование с помощью анкетирования 53 региона — состояния врачей общей практики, в том числе изучено положение с информационным обеспечением, компьютеризацией врачебных практик.

Анкетирование производилось избирательно, опрашивались руководители региона, руководители муниципального уровня и руководители лечебно-профилактического учреждения (ЛПУ). По результатам анкетирования видно, что компьютеры у врача имеются в 86 % ЛПУ, а коммуникационные возможности, т. е. наличие интернета внутриучрежденческих сетей, степень использования компьютеров настолько разняться, что их сложно сравнивать: от случаев отдельно стоящих компьютеров, не связанных сетью и без выхода в Интернет или его наличия только у руководителя ЛПУ, когда компьютер стоит в виде «мебели», до полноценного, ежедневного использования в практике врача, например в Татарстане с 12 000 компьютерами в ЛПУ и практически повсеместным подключением к Интернету, с заполнением электронной истории болезни, статистическими выкладками, электронным управлением назначений, регулированием потоков пациентов по специалистам учреждения и внешних консультаций, получением результатов лабораторных исследований в режиме реального времени, связью с медицинскими приборами, лабораторией и выходом в интернет, с возможностью дистанционного обучения. Такое соотношение по ЛПУ примерно шесть к одному не в пользу Интернета.

Нас же, в нашем исследовании, также интересовал качественный состав информатизации ЛПУ первичного звена, позволяющий выявить общие ошибки в информатизации и понять, в каких рекомендациях нуждаются руководители первичного звена.

Изучение показало, что стоящие системы, в основном, носят узконаправленный характер, ориентированы на обеспечение частных функций, чаще всего бухгалтерской направленности и статистики, представляют комплекс разрозненных, часто не связанных между собою, автоматизированных рабочих мест, и, как следствие, ограничены в возможности интеграции в единый информационный комплекс. Нигде в обследованных регионах нам не удалось выявить наличия системы удаленного мониторирования основных показателей организма человека, позволяющей проводить анализ поступающей витальной информации дистанционно, в режиме реального

времени, и на анализе получаемых показателей оповещать об опасных для здоровья состояниях пациента медицинские службы, например «Скорую помощь», лечебное учреждение, обмениваться актуальными медицинскими данными — с согласия пациента — с другими медицинскими учреждениями.

Нами проведён расчёт экономического эффекта от реализации проекта дистанционного мониторирования основных жизненных показателей человека в здравоохранении для Московского региона:

1. От сокращения пребывания больных в стационаре путём перевода больных на дневной стационар или амбулаторно-поликликлиническое обследование.

В среднем в московских стационарах лежит в год 550 тыс. чел. из них 90 тыс. чел. с диагнозом заболевания сердечнососудистой системы (ССС) (16,4 %). Средняя продолжительность пребывания больных с подобным диагнозом в стационаре — 17,3 дней.

Средняя стоимость койко-дня подобного больного составляла – 1616 руб. Норматив на одно посещение кардиолога – 247 руб. на 6 посещений в среднем потребуется – 1482 руб. Таким образом эффект на одном пациенте составит – 26475 руб. (1616*17,3 – 1482). По фактическим результатам внедрения новой технологии в здравоохранении в Европе количество больных, госпитализируемых с данным диагнозом, может сократиться на 15-20 %, по отдельным источникам даже на 25 %. Уже при 15 % сокращении эффект составит – 357,4 млн руб/год (90 тыс.чел.*15 %* 26,475 тыс. руб.)

2. От уменьшения количества ложных, либо не необходимых, вызовов скорой медицинской помощи. Консультация по телефону с лечащим врачом, который может в режиме реального времени оценить состояние больного, позволит сократить количество ложных вызовов и, наоборот, позволит оказать экстренную помощь в действительно критической ситуации, которую больной мог недооценить.

Стоимость одного вызова «скорой» с предполагаемым диагнозом ССС составляет с среднем — 0,9 тыс. руб. В Московском регионе ежегодно осуществляется около 6 млн вызовов «скорой», из них почти 2 млн (32 %) с проблемами ССС. По экспертным оценкам применение новой технологии позволит снизить количество вызовов на 3—5 %. Даже при минимальном снижении количества вызовов на 3 % годовой эффект составит — 54 млн руб. (2000 тыс. выз.*3%*0,9 тыс. руб.)

3. Условная экономия на инвестициях в аппаратное обеспечение непрерывного мониторирование состояния пациента.

В настоящее время в поликлинических условиях для суточного мониторинга – Холтеровского мониторирования – используют дорогостоящие аппараты (средняя стоимость одного аппарата – 200 тыс. руб.). Сопоставимые же по характеристикам аппараты дистанционного мониторирования на мировом рынке, в розницу стоят – в

среднем 40 тыс.руб. Экономия на замещении одного прибора новой технологией составит 160 тыс. руб. Если принять, что минимальная потребность в данном аппарате на одно ЛПУ составляет 3 аппарата, то, внедряя новую технологию в Московский регион в количестве 2 тыс. аппаратов, получим разовую экономию на инвестициях в 320 млн руб. (160 тыс. руб.* 2 тыс. шт.).

- 4. Появится и ряд дополнительных социально-экономических эффектов, которые пока трудно оценить количественно:
- экономия за счёт повышения общего уровня качества лечения больных ССС;
- экономия за счёт уменьшения времени на подбор схемы медикаментозного лечения и уменьшения расходов на медикаменты, экономии за счёт снижения побочных негативных эффектов при подборе препаратов для медикаментозного лечения;
- возрастание доступности госпитализации за счёт снижения койко-дней на одного больного и медпомощи в удалённых от райцентров районах;
- повышение роли пациента в процессе его лечения, возрастание его возможностей для выбора и контроля.

Также нами просчитан экономический эффект от реализации проекта для экономики страны в целом.

1. Прирост ВВП за счёт снижения потерь рабочего времени трудоспособной части населения, которая не попадёт в стационар за счёт внедрения новой технологии.

В 2009 г. ВВП РФ составил 39 063 600 млн руб. Производимый за один день одним средним работающим прирост ВВП составляет 1,7 тыс. руб. Среди больных ССС 90 % составляют больные в возрасте от 40 до 60 лет. В этой возрастной группе 78,2 % населения заняты в экономике. Если взять данные для Московского региона приведённые в расчёте отраслевого эффекта от сокращения пребывания больных в стационаре, то получим прирост ВВП по региону в размере — 279,4 млн руб. (90 * 15 % * 90 % * 78.2 % * 17,3 дн. * 1,7 тыс. руб./дн.).

2. Экономию за счёт снижения прироста инвалидности пока трудно оценить количественно.

Ежегодный прирост инвалидности в стране среди трудоспособной части населения в результате болезней ССС составляет 430,8 тыс. чел. Если снизить его только на 1%, то при средних выплатах по инвалидности в размере 10 тыс. руб./мес. Экономия на этих выплатах составит 517 млн руб./год.

3. Эффект за счёт снижения смертности количественно оценить также трудно.

Ежегодно в РФ от болезней ССС умирает 1186 тыс. чел, 26 % из них в трудоспособном возрасте.

Если сократить смертность хотя бы на 1%, то возможный прирост ВВП мог составить 1 258,1 млн руб.

Высвободившиеся средства могут быть направлены на другие неотложные задачи здравоохранения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

М. Ю. Ханхунова Восточно-Сибирский государственный технологический университет, г. Улан-Удэ, Россия,

Summary: It is necessary to recognize the processes of global integration taking place all over the world. Globalization and integration processes will lead to significant changes in our society, which arise because of information and communication problems. The nature of these changes is controversial and lead to tensions in international relations that are destroying society as a whole and the relationship between peoples with common geographic, political, social and other relations.

Key words: identity, ethnic identity, historical memory, globalization.

Глобализационные и интеграционные процессы, происходящие в современном обществе, неизбежно приводят к значительным изменениям в государственно-общественном устройстве, вследствие которых возникают различные проблемы – размывание традиционных идентичностей и способов идентификации в социуме, утрата устойчивой коллективной идентичности, трансформация исторического сознания и т. д. Характер этих изменений носит противоречивый характер и приводит к напряжению в межнациональных отношениях, которое разрушает как общество в целом, так и взаимоотношения между народами, имеющими общие географические, исторические, политические, социальные, духовные и другие связи. Поэтому здесь, прежде всего, главным остаётся вопрос решения проблемы традиционной этнической идентичности, целостного восприятия субъектом самого себя как личности, представителя этноса в обществе, в коммуникационном пространстве.

Историческая память в сочетании с этнической идентичностью являются относительно новыми объектами социологических исследований, получаемая с их помощью информация позволяет принимать более взвешенные, обоснованные решения в деятельности по формированию патриотического воспитания, сохранения языка, культуры, искусства, образования и формирования национальной политики России.

История в узком понимании этого термина – факты и события, происходившие в прошлом. Цель истории состоит в процессе установления последовательности событий, объективности описанных

фактов и анализе прошлого и поиске ответов о происходивших причинах. История выступает наставницей жизни, с этой точки зрения она помогает учиться на ошибках предков.

Память, в свою очередь, тесно связана с психологией отдельного человека, вследствие чего в сознании различные исторические факты могут искажаться или неправильно трактоваться. В этом плане память может быть лишена точных фактологических данных, но эти данные могут представлять историческую ценность. В памяти эти данные накапливаются, сохраняются и затем воспроизводятся в последующем. Пример такой памяти — культура, которая выступает коллективной памятью человечества, своеобразным социокультурным опытом.

Если говорить о социальной памяти, то, по Морису Хальбваксу, она является некой социальной конструкцией, то есть понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием общественных и социальных институтов, «конституирует систему общественных конвенций, в рамках которой мы придаём форму нашим воспоминаниям» [1].

Историческая память выступает как бы фиксирующим материалом, который обеспечивает связь времен и поколений. Способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим является фундаментальным свойством человека и общества в целом. Эта способность представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность с историческими предками, общие воспоминания, коллективные гордость и унижение, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом.

Историческая память — не просто канал передачи сведений о прошлом, это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем»[2].

По мнению М. Соколовой, важна именно «идентификационная» функция исторической памяти. Она объясняет это тем, что в последнее время возник интерес к прошлому, особенно в стремлении облечь это прошлое в символические и ритуальные формы. Характерным примером такого рода, М. Соколова отмечает утверждение 4 ноября в качестве праздничной даты. Наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для российского народа, по мнению социологов, отмечает Соколова, имеет историческая память о Великой Отечественной войне — как память о Победе, а также попытки возродить память о расстрелянной царской семье, переосмысление памяти об Октябрьской революции и годах большевизма [3].

В исторической памяти нуждаются те группы, чьи устремления, в том числе этнические, религиозные, культурные, прежде подавлялись. Совершенно неслучайным в этом отношении является празднование в 2011 году 350-летнего юбилея добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства. Эта юбилейная дата — условна. Сначала предполагалось отметить юбилей в 2009 году, опираясь на тот факт, что в 1959 году уже праздновали 300-летие добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства. Но из-за политических изменений, дата была перенесена, за точку отсчёта было принято основание в 1661 году Иркутского острога как символа власти «белого царя» в «землях братских». При этом необходимо понимать, что процесс вхождения Бурятии в состав России был продолжительным и не может быть локализован во времени с точностью до конкретной даты [4].

Особенности сегодняшнего российского понимания идентичности обусловлены вполне конкретными историческими обстоятельствами. Понятия «этничность» и «этническая идентичность» вошли в наш обиход с середины XX в. Впервые в 1953 г. американский социолог Д. Рисман определил термин этничность. Идентичность в данном случае понимается как принадлежность человека к той или иной устойчивой группе людей (этносу). Этническая идентичность — это представление человека о себе как о члене определённой этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству [5].

История на сегодняшний день становится инструментом политики, а в контексте этнической идентичности она приобретает еще социально-психологическую природу. Коллективная память суть представления прошлого, разделяемые группами или сообществами людей, а этническая идентичность приобретает качества индивидуальной памяти в современных условиях.

Библиографический список

- 1. Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 116.
- 2. История и память / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 23–24.
- 3. М. В. Соколова. Что такое историческая память // Научно-теоретический и методический журнал. 2008; http://pish.ru/articles/articles2008/142
- 4. «Номер один» от 29 декабря 2010 года http://pressa.irk.ru/number1/2010/51/038001.html
- 5. Психология: учебник для гуманитарных вузов / Издательство «Питер», 2009. С. 97.

СИНГАРМОНИЗМ В ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Н. М. Гаджиева Институт языкознания НАНА, г. Баку, Азербайджан

Summary. The harmony of the sounds in the polycemantic phrazeological units as in the polycemantic words is a noteworthy problem. Alliteration and assonance are often used in the pharasological units, especially in folklore and fales and in modern literature. Besides the closeness of the meaning, the combination of the sounds exists in the phraseological units.

Key words: phraseology, sound harmony, assonans, alliteration, polysemy.

Как известно, звуковой знак имеет определённое содержание. Это проявляется как лексико-семантический признак конкретных слов при выражении их определёнными лексическими единицами. Выделение полисемии звуковых знаков в пределах слова с помощью семантической связи в парадигматике и лексической связи в синтагматике невозможно. При выборе и употреблении языковых единиц важную роль играет многозначность слов.

Полисемия не может считаться универсальным языковым явлением, она – один из ярких признаков национальной лексики. М. Березин отмечает, что наиболее сложные проблемы универсалий возникают в области семасиологии. Он, в частности, пишет, что большинству языков мира характерно изменение значений слов, однако между их значениями имеются различия. Это объясняется отсутствием генетических связей между языками [1, с. 120]. Изменения в общественной жизни отражаются в лексико-семантической области языка. Появление новых понятий соответственно обусловливает появление новых слов и выражений. В результате внутриязыковых процессов значения некоторых слов утрачиваются и заменяются новыми. При появлении новых значений учитываются такие факторы, как особые условия, место употребления слова, его структурно-семантические особенности, отношение с другими словами, стилистические нюансы и т. д.

Д. Н. Шмелёв, рассматривающий изменения в семантике слова как развитие самого языка, указывает, что основной закон этого развития – «экономия силы», тенденция к регулирования [2, с. 16].

Наличие у одного слова разных значений позволяет рассматривать полисемию как особую структуру, состоящую из отдельных частей [3, с. 16].

В трудах, посвящённых многозначным фразеологизмам, они всесторонне исследуются. Отмечается, что в азербайджанском и русском языках они составляют меньшинство [4, с. 158–160; 5, с. 79–82; 6, с. 257].

А. П. Жуков же считает, что многозначность характерна многим фразеологизмам [7, 40]. Проведённые нами наблюдения над

источниками показывают, что в азербайджанском языке многозначных фразеологизмов не мало. Хотя сингармонизм в многозначных фразеологизмах представляет большой интерес, он до сих пор не являлся объектом специального исследования.

Сингармонизм, аллитерация в многозначных фразеологизмах свидетельствуют об их древности. Впервые эту научную значимость аллитерации отметил проф. М. Адилов [8]. Г. Юсифов, затрагивающий проблему сингармонизма в фразеологизмах, указывает на их принадлежность к древнему пласту языка [9]. Г. Байрамов, говоря об архаичных фразеологизмах азербайджанского языка, выделяет среди них фразеологизмы с сингармонизмом [10]. Такого типа фразеологизмы, начиная с древнего устного народного творчества до современных литературных произведений, широко употреблялись в языке. Имея различные значения, формируясь путём аллитерации и ассонанса, они сохранились в языке. Хотя явления аллитерации и ассонанса в языке современных азербайджанских писателей исследовались, однако данная тема не затрагивалась [11]. М. Адилов отмечает, что выражения, сформировавшиеся по принципу аллитерации и ассонанса, имеют богатую семантику и ясное содержание [7, с. 148].

Аллитерация — это в основном сингармонизм начальных звуков, согласных в слове. Именно этим сингармонизмом определяется преобладание конкретных звуков в слове. А. П. Журавлёв отмечает, что весьма важно, каким звуком начинается слово [12, с. 38]. В этом отношении начальные звуки многозначных фразеологических сочетаний, создавая сингармонизм, имеют несколько семантических вариантов и употребляются в различных стилистических целях.

- 1) ассонанс, создаваемый звуком «А»:
- а) фразеологизм «Ağız açmaq». Данный многозначный фразеологизм является одним из наиболее употребительных. Хотя варианты этого выражения выступают в разных значениях, все они имеют общее семантическое ядро – открыть рот. Нижеприведённые примеры показывают, что эти многозначные фразеологизмы создают ассонанс: Əgər bircə dəfə də ağzını açsan, cəllad çağırıb elə bu başdan boynunu vurduracağam – «Ещё раз откроешь рот, я позову палача, чтобы он отрубил тебе голову»; Qarı ağzın açıb gözün yumdu, gözün açıb ağzın yumdu, əlinə gələn daşı, kəsəyi keçəlin təpəsinə vurdu – «Старуха открыла рот, закрыла глаза, закрыла рот, открыла глаза и первым же попавшимся под руку камнем ударила лысого по голове»; Gülzar xanım əlini tərpədən kimi qeybdən bir məclis düzəldi ki, hamının ağzı acığa qaldı – «Как только Гюльзар ханум шевельнула рукой, откуда ни возьмись закатился такой пир, что все рты раскрыли»; Ağzını açdı, gövhər saçdı – «Открыла рот и красиво заговорил»; Tülkü kefi kök yola düşüb gedirdi, gördü, paho, budu, atlıların ağzı açıldı - «Лисица весьма довольная тронулась в путь и вдруг увидела, что прибыли всадники»; Sən yazıq-yuzuğun, heyvanların belini dəlirsən,

аğzını həmişə bədliyə açırsan – «Ты нападаешь на несчастных животных, убиваешь их и никогда ничего хорошего не скажешь».

- б) фразеологизм «**Ağzına almaq**». Vəzir, bir də elə sözü ağzına alsan, boğazını cücə boğazı kimi üzəcəyəm «Везир, ещё раз такое скажешь, я перережу твоё горло как горло цыплёнка»; Qırat ildırımdan qanad taxıb yolu ağzına aldı, dağlar aşdı, dərələr keçdi «Гырат, надев крылья из молнии, отправился в путь, перелетел через горы, через моря».
- в) фразеологизм «Ayaq açmaq». Yaxşılıq ayaq açıb gəzəndir «Добро не лихо бродит тихо»; Düşmənlər üstümüzə ayaq açar «Враги повадятся к нам»; Bu arvad bura yaman ayaq açıb «Эта женщина зачастила / повадилась сюда».
- г) фразеологизм «**Ara açmaq**». Söz tamam olacaq Nigar xanım saqiyə göz elədi; Ara açıldı, süfrə döşəndi «Нигяр ханум моргнула виночерпию; Накрыли на стол; постелили скатерть»; О, gəlinlə aranı açmaq istəmirdi «Он не хотел выяснять отношения с невесткой»; Sən bura ayran içməyə gəlirsən, yoxsa ara açmağa? «Ты сюда приходишь айран пить или отношения портить?».
- д) фразеологизм «Araya almaq». Dəlilər o saat Koroğlunu araya aldılar «Богатыри тотчас же окружили Кероглы»; Uşaqlar onu araya alıb gülürdülər «Дети смеялись и издевались над ним».
 - 2) ассонанс звука «О»:
- a) фразеологизм «Odla oynayan». Namusla oynamaq odla oynayar «Тот, кто играет с честью, играет с огнём»; Od ilə oynamaq olmaz «Нельзя играть с огнём».

Maşa özünü cəsur, Cəsarətli sayırdı. Soxulub ocaqlara, Od ilə oynayırdı.

- «Шипцы считали себя смелыми, отважными, лезли в костёр и играли с огнём».
 - 3) ассонанс звука «Ö»:
- a) фразеологизм «Özünü öldürmək». Vəzir and içib özünü öldürürdü «Везир клялся, убивался»; Qadın uşaqlara baxır, özünü onlar üçün öldürürdü «Женщина смотрела за детьми, убивалась из-за них».

Иногда в многозначных фразеологических сочетаниях, образующих ассонанс, наблюдается синонимическая паронимия, например: ayaq almaq и ayaq açmaq «наступать, нападать на кого-то», например: Şir lələ, sən gedərsən, yenə xanlar mənim üstümə ayaq açar – «Дядюшка лев, если ты уйдёшь, то ханы снова на меня нападут»; Pəhlivanlar pusqudan çıxıb yavaş-yavaş ayaq aldılar dəlilərə tərəf – «Богатыри вышли из засады и начали медленно наступать на бойцов».

Как видно из примеров, в многозначных фразеологизмах чаще всего наблюдается сингармонизм гласных a, o, ö.

Наряду с ассонансом аллитерация как средство фонетического стилистического выражения принимает участие в формировании

многозначных фразеологизмов. В таких фразеологизмах преобладает аллитерация звуков b, q, d, y, g, r, t, ç, c.

- 4) аллитерация звука «В» «Б»:
- a) Barmağı bala batmaq «букв. палец окунулся в мёд» «кататься как сыр в масло»; Biz evləndik, gülünü dərdik, sən evləndin barmağın bala batdı «Ну и что? Мы поженились, нам очень стало хорошо? Можно подумать, что ты женишься и будешь как сыр в масле».

Ayının laqeydliyi Sərf edirdi çaqqala. Sayəsində barmağı Hər gün batırdı bala.

- «Шакалу было выгодно безразличие медведя: он каждый день катался как сыр в масле». Во втором фразеологизме инверсия batırdı bala ещё более усиливает стилистический нюанс.
- б) фразеологизм «Bel bağlamaq»: 1. Возлагать надежды на кого-то; делать ставку на кого, что-то; верить кому, чему-то. 2. Надеяться на кого, что-то. Nə fələyə bel bağla, nə özgəyə güvən gəz «Не надейся ни на судьбу, ни на кого-либо»; Хап tayfasına bel bağlamaq olmaz «Нельзя надеяться на ханский род»; Abrını yeyib həyasını belinə bağlayıb «Потерял стыд и совесть».
- в) фразеологизм «Boyun burmaq» «Иметь жалкий вид» «повесить нос». Bənövşə boynunun balacalığından xiffət çəkdi, boynunu burdu «Фиалка очень страдала из-за того, что была маленькой»;

Boynunu bururdu Tulanı görəndə.

Bığını bururdu siçanı görəndə.

- «Когда видел легавую, принимал жалкий вид, когда видел мышь, лихо закручивал усы (о коте)».
- г) фразеологизм «Bata bilmək» «одолеть, пересилить коголибо, справиться с кем-либо». Axırda da gördülər ki, heç biri digərinə bata bilmir «В конце концов они увидели, что не могут справиться друг с другом»; Heç bir düşmən onlara bata bilməzdi «Ни один враг не смог одолеть их»; İlan gördü ki, kirpiyə bata bilməyəcəkdir «Змея увидела, что не сможет справиться с ежом».
 - 5) аллитерация согласного «Q» «Г»:
- а) фразеологизм «Quşu qonmaq» «букв. сесть (о птице)». Dəli başına dövlət quşu qonub «букв. сумасшедшему на голову села птица богатства»; Dəmirçi oğlunun müştəriyə quşu qondu «Сыну кузнеца понравился покупатель»; Könül quşu uçar, bir budaqdan o birinə qonar «букв. птица сердца летает, садиться с ветки на ветку».
- б) фразеологизм «Qiymət qoymaq» «1. Назначить цену чемуто. 2. Ценить кого-либо по достоинству».

Bayquş dedi: – Doğrudan, Caqqal sərraf heyvandır, –

Bilirsiz, ulamağa necə qiymət qoyandır – «Сова сказала: – Действительно, Шакал – очень умный. Знаете, как он ценит вой».

Təzə qiymət qoydular Qiyməti qalxmış ətə, Eşşək qorxuya düşüb getdi mühacirətə.

- «Цена на мясо вновь повысилась. Осёл перепугался и эмигрировал».
- в) фразеологизм «Quyu qazmaq» букв. «рыть колодец» «рыть яму (кому-то)».

Özgəyə quyu qazan özü düşər – «Тот, кто роет колодец другому, сам в него упадёт».

д) фразеологизм «Qiyamət qopmaq» – «1. Поднялся шум (скандал, суматоха). 2. Произошло что-то необыкновенное».

Koroğluyam mən çaparam, Qiyamət olub qoparam.

- «Я - Короглу, я помчусь и подниму шум».

Qiyamət o gün qopar, biri yeyər, biri baxar – «Скандал разразится, если один будет есть, а другой смотреть»; Hər nə qiyamət qopdusa, kəndir-qayış kimi yerindən tərpənmədi ki, tərpənmədi – «И хотя поднялся, страшный шум, он даже не шевельнулся».

Müdir Dələ anbardan Başqası əl dəyəndə Hər gün dən aparırdı. Qiyamət qoparırdı.

- «Заведующая Белка каждый день таскала со склада зерно. А когда кто-то другой дотрагивался до зерна, она устраивала скандал».
- е) фразеологизм «Qulp qoymaq» «1. Умничать. 2. Придираться к чему-либо, указывая на какие-то недостатки».

El oğlu yumurtaya qulp qoyar – «Выходец из народа придирается ко всему»; Yüz qulp qoydu şairin bir şeirinə – «Высказал сто придирок к стихотворению поэта».

ж) фразеологизм «Qanı qaynamaq» — «1. Кровь кипит, 2. Проявлять чувство симпатии к кому-либо». Elə Koroğlunu görsək quşu qondu, Qanı qaynadı — «Как только он увидел Кёроглы, он сразу же почувствовал к нему симпатию»;

Hiss etdilər güclüdür, Arxalı quzu ilə yaman qaynayır Qanı. Məhv etdilər aslanı.

- Они почувствовали, что он очень доволен собой, кровь у него кипит. Ягнёнок, имеющий покровителей, погубил льва; Hirs oğlanın beyninə vurdu, qanı qaynadı «Парень пришёл в ярость, от злости кровь в нём закипела».
- з) фразеологизм «Qan qatmaq» «убить, перебить, пролить чью-то кровь».

Nəsihətlərin tutaram Qanım qanlara qataram

- «Я последую твоим советам и всех перебью».

и) фразеологизм «Qazan qaynatmaq» – «заварить кашу; завести интригу».

Qaynayan qazan qapaq saxlamaz — «Трудно удержать крышку кипящей кастрюли»; Şərikli qazan gec qaynar — «Общая кастрюля поздно закипит»; İki baş bir qazanda qaynamaz — «Две головы в одной кастрюле не сварятся»; Qazanmayınca qazan qaynamaz — «Без труда не вынешь рыбки из пруда».

к) фразеологизм «Qabiq qoymaq» — лезть из кожи. Bunun üstündə mən bir qat qabiq qoymuşam — «Ради этого я из кожи лез вон»; Ata, çox kasıb dolanırsan, bir parça çörək qazanınca qabiq qoyursan — «Отец, ты очень бедно живёшь, ради куска хлеба ты из кожи лезешь вон»; Mən sənin qapında can çürütdüm, ilan kimi qabiq qoydum, saç-saqqal ağartdım — «Я жизнь свою угробил у твоего порога, как змея из шкуры лез вон, поседел весь…».

İlan dedi ki, Qoymuşam qabıq, Bütün torpaqlar Mənimdir artıq.

 - «Змея сказала: «Я не жалела сил, из шкуры лезла вон и все земли принадлежат мне».

В последнем примере «qabiq qoymaq» может пониматься в прямом смысле. Так, этот фразеологизм действительно связан именно со змеей, однако общее содержание предложения показывает, что он употребляется и в метафорическом значении.

- 6) аллитерация звука «D»:
- a) фразеологизм «Daş düşmək» «проклятие на голову». Yaman arvadlı evə daş düşər «Проклят тот дом, где плохая жена»; Daş düşər başına, ömrü zay olur «Пусть он будет проклят»; Daş kimi düşüb qalmışdı «Он лежал как камень».
- б) фразеологизм «Dizə döymək» «букв. бить себя по коленям» «кусать (себе) локти».

Özünü atan dizinə döyər

- «Кто лезет на рожон, тот потом себе локти кусает»; Qızını döyməyən dizini döyər – «Кто не бьет свою дочь, тот потом локти кусает».
 - в) фразеологизм «Dünya dağılmaq» «весь мир перевернется»

Tiyanın altından bir zəbanə çıxdı, bir zəbanə çıxdı ki, İbrahim dedi: bu saat dünya dağılar — «Из-под чугунного котла вырвался такой язык пламени, что Ибрагим сказал: «Сейчас весь мир перевернётся»; Dəmirçioğlu, qorxma, dünyanı dağıdaram, səni ölməyə qoymaram — «Не бойся, сын кузнеца, весь мир переверну, но не позволю тебе умереть»;

Qapı deyirdi, Dəmir darvaza Dünya dağılar Əgər olmasa?

– «Говорила дверь: «Что, мир перевернется, если не будет железных ворот?».

г) фразеологизм «Dilə düşmək» – «быть предметом разговоров, быть у всех на устах» – «быть притчей во языцех».

Eşqə düşən dilə – dişə düşər, bağça-bağa yox – «Тот, кто влюблен, у всех на устах»; Adı dillərə düşmüş arvad dilənçiyə bir az pay verdi – «Женщина, которую все уважали, подала милостыню нищему».

- д) фразеологизм «Daşa dönmək» «1. Стать чёрствым, бессердечным, жестоким; 2. Застыть, окаменеть». Eybi yoxdur, ürəyimi daşa döndərib qırx gün dözərəm «Ничего, я соберу свою волю в кулак и потерплю сорок дней»; Şirzadın namərdliyi onu daşa döndərdi «Она [птица] окаменела от предательства Ширзада».
 - 7) аллитерация звука «Т»:
- a) фразеологизм «Тər tökmək» «проливать пот; вспотеть, трудиться до седьмого пота». Şah utandığından tər tökürdü «Шах от стыда вспотел»;

– Держа подарок подмышкой, он отправился на именины. От стыда он весь вспотел – оказывается, дела обстояли иначе.

Ay qonşu, mən görürəm sən gecə-gündüz işləyirsən, alın təri tökürsən, əllərin qabar olur, gəl sənə asan yolla var-dövlət qazanmağın yolunu öyrədim — «Сосед, я вижу, ты днём и ночью трудишься до седьмого пота, все руки у тебя в мозолях. Давай-ка я тебе покажу путь лёгкого и быстрого обогащения».

Yollarında – yüksəlişdə, puçur-puçur alın təri tökmüşəm də, tökürəm də

 - «Всю жизнь я трудился и тружусь, не покладая рук, до седьмого пота».

В последнем примере повтор компонентов глагола усиливает эмоциональность. Форма настоящего времени приближает его к реальности. Несмотря на это, он выполняет функцию фразеологизма.

б) фразеологизм «Tük tökmək» – «букв. линять» – «трусить, бояться»

Paşalar titrəyər, şahlar tük tökər. Yetmiş yeddi dəli başı Koroğlu

- «Паши задрожат, шахи перепугаются до смерти, увидя Кероглы с его героями».
- в) фразеологизм «Тоу tutmaq» «1. Сильно отругать, наказать кого-либо (дать жару / задать пару / задать перцу / дать нагоняй); 2. Нанести жестокое поражение противнику (всыпать по первое число)».

Sənə bir toy tutaram ki, əlindən it əppəyini alar – «Ну, я задам тебе такого перцу, что останешься ни с чем»; Gərək Bolu bəyə bir toy tutam

ki, qiyamətə qədər yadından çıxmasın – «Болу бека следует так проучить, чтобы всю жизнь помнил».

- 8) внутренняя аллитерация звука «R» «Р»:
- а) фразеологизм «Kürkünə birə düşmək» «испытывать дискомфорт, встревожиться, беспокоиться».

Vəzirin kürkünə birə düşdü – «Везир не на шутку встревожился»; Elə bil kürkünə birə düşürdü, pipiyi qızarıb yerə düşürdü – «Он очень беспокоился, места себе не находил»;

- 9) аллитерация звука «у» [j]:
- а) фразеологизм «Yaxa yırtmaq» «приходить в отчаяние, рвать на себе волосы».

Nigar kimi oğul deyib yaxa yırtmaq hər kəsin işi deyil – «Не каждый сможет, как Нигяр, причитать: «Сынок, сынок» и рвать на себе волосы от горя»;

Koroğlu deyiləm, yırtma yaxanı, İnan Bolu, mən Koroğlu deyiləm

- «Я не Кёроглы, успокойся, не бойся, поверь мне, Болу, я не Кёроглы».
- б) фразеологизм «Yandırıb-yaxmaq» бередить рану, бередить душу, сыпать соль на рану (причинять нравственную боль, страдание)».

Övlad həsrəti Buludu yandırıb-yaxar – «Тоска по ребёнку сжигала сердце Булуда»; Toyuğun lələyində yanıb-yaxıldı birə – Dağa qalxa bilmirəm, Qartalı çəkim girə. «Блоха, сидевшая на гребешке курицы, сказала: «Жаль, что я не могу взобраться на орла»».

- 10) аллитерация звука «С» «дж»:
- 1) фразеологизм «Canı çıxmaq» «1. Испускать дух, умирать 2. Делать что-то неохотно, нехотя».
 - ж) Аллитерация звука «Ç» «Ч».

Фразеологизм «çiçəyi çırtlamaq» – «1. Букв. распуститься, расцвести (о цветке) 2. Радоваться, расцвести от радости».

Gəzdi, dolandı, axırda hələ çiçəyi çırtlamamış cavan bir qız aldı – «Он долго ходил–бродил и наконец выбрал себе молоденькую девушку, прекрасную, как бутон»; Qəssab Alının çiçəyi çırtladı – «Мясник Алы от радости расцвёл».

Burnunu sıxsalar canı çıxar – «Если его наказать, он тут же испустит дух»; Canın çıxardı bunu etsəydin? – «Ты что, сдох бы, если сделал это?».

- 11) аллитерация звука «g» г:
- а) фразеологизм «göz görmək» «видеть, увидеть».

Göz görüb, könül sevib, atam min deyə, mən səninəm ki, sənin — «Я увидела тебя и влюбилась от всей души. Что бы мой отец ни говорил, я — твоя и только твоя»; Bolu bəyi görəsi gözü yox idi — «Глаза бы его не видели Болу бека».

«Yeyilən», «yeyilməyən» – fərq qoymaq nə deməkdir?

Bizi bir gözlə görün, göbələk göbələkdir – «Какая разница – «съедобный или несъедобный»? Смотрите на нас одинаково – гриб есть гриб».

Bütün bu işləri iki əl görürdü, adamlar özləri gözə görünmürdülər – «Все эти дела делались, но сами люди на глаза не показывались»; Göz görə-görə bu cavanın ölməsinə necə razı olaq? – «Как же мы можем согласиться с тем, чтобы на наших глазах умер этот молодой человек?»

б) фразеологизм «Gözə gəlmək» – «1. Сглазить, 2. Предстать перед взором, перед глазами».

Qaz dedi: «Qarğa gəlmişdir gözə, «qa-qa» etməyi tərgidib nəsə» – «Гусь сказал: «Ворону сглазили. Что-то она перестала каркать».

Ötən günlər gözünün qabağına gəldi – «Перед глазами предстали минувшие дни».

в) фразеологизм «göyə götürmək» – «букв. поднять на небо; перен. разозлить, рассердить».

Söz qoruqcunu lap götürdü göyə — «Эти слова разозлили сторожа»; De yeddi min, yeddi yüz yetmiş dəli, xanımlar, mehtərlar onları hopp... götürdülər göyə — «Вдруг семь тысяч семьсот семьдесят богатырей, женщин, конюхов вознесли их до небес».

г) фразеологизм «gözə girmək» – «стараться быть на виду; стараться обращать на себя внимание; подслуживаться».

Kölgə gözə girərək. Harda olsa bitirdi

– «Тень постоянно лезла на глаза, появлялась повсюду»; Qəflət yuxusu ürfan əhlinin gözünə girməz – «Умных людей неожиданный сон не сморит»; Yaxşı məsəl gözə girər – «Хороший пример у всех на виду».

В заключение отметим, что фразеологизмы, являющиеся единицами древнего пласта языка, прошли долгий исторический путь. На протяжении многих лет они сохранялись благодаря различным средствам, среди которых можно выделить аллитерацию и ассонанс компонентов. Ассонанс и аллитерация в фразеологизмах являются не только стилистическими факторами, но и гарантом их длительного сохранения.

Библиографический список

- 1. Березин Ф. М. К постановке проблемы языковых универсалий. Семантика и восточные языки. М.: Наука, 1967. 204 с.
- 2. Шмелёв Д. Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 4–17.
- 3. Мамедов И. Введение в азербайджанскую семасиологию. Баку: Изд. АГУ, 1988. 82 с. (на азербайджанском языке).
- 4. Байрамов Г. Основы фразеологии азербайджанского языка. Баку: Маариф, 1978. С. 158–160 (на азербайджанском языке).
- 5. Мирзалиева М. Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков. Баку, 1995. С. 79–82 (на азербайджанском языке).

- 6. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983. 257 с.
- 7. Жуков Б. П. К вопросу о многозначности фразеологизмов // Вопросы фразеологии. Изд. «Фан» Узб. ССР, Ташкент: Наука, 1965.
- 8. Адилов М. Аллитерация // Стилистика азербайджанского художественного языка. Очерки. Баку, 1970 (на азербайджанском языке).
- 9. Юсифов Г. Лексико-стилистические особенности азербайджанских пословиц. Баку, 1969. 23 с.
- 10. Байрамов Г. Архаичные фразеологические единицы азербайджанского языка // Материалы научной сессии, посвящённой итогам научно-исследовательских работ за 1970 г. профессорско-преподавательского состава АГПИИЯ, 1971, с. 21 (на азербайджанском языке).
- 11. Гусейнов М. Поэзия звука. Баку: Элм ве техсил, 2010. 317 с. (на азербайджанском языке).
- 12. Журавлёв А. П. Звук и смысл. М., Просвещение, 1981. С. 180.

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СФЕРЫ КУЛЬТУРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ю. В. Грицков, Е. Н. Сюткина Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия; Национальный евразийский университет экономики международных отношений, г. Екатеринбург, Россия

Summary. The author considers culture as a system of regulatory norms and symbols in various spheres of human life and activity in conditions of mass society and mass culture, focusing on issues of mediation and interpretation of symbols in a system of cultural control.

Key words: culture, cultural norms, symbol.

Культура как многофункциональная система выступает в качестве нормативного механизма, регулирующего различные стороны общественной и личностной жизнедеятельности людей. В сфере труда, познания, межличностных отношений она оказывает значимое влияние на поведение людей и регулирует их поступки, действия и даже выбор тех или иных материальных и духовных ценностей. Анализируя регулятивные функции культуры в философском и социологическом аспектах, необходимо подчеркнуть важность двух сегментов культуры: нормативного и символического. Нормативная культура определяет способы действий, принятых в рамках конкретной культуры, а также действий, не характерных для неё или запрещённых в ней. Значимость нормативного сегмента культуры подчёркнута в трудах Ф. Знанецкого, который огромное значение придавал «ценностно-нормативной системе» общества, а также Т. Парсонса, который считал, что решающим моментом для идентичности и стабильности общества является «консенсус относительно ценностей». Второй сегмент культуры, который осуществляет задачи культурного регулирования — это символическая культура, охватывающая принятые в обществе идеи и символы, определяя, тем самым, характерные способы мышления, устанавливая те смыслы событий и явлений, разделение которых становится обязательным. В данном случае культура трактуется как система значений и символов, регулирующих общественную деятельность (К. Гирц).

В формате развития массмедиа и углубления глобализационных тенденций регулятивный потенциал нормативного и символического сегмента культуры проявляется в векторах преобразования массовой культуры. Ж. Бодрийяр высказал идею, что с широким распространением массмедиа возникает некая новая реальность или гиперреальность, включающая конгломерат человеческих поступков и медиаобразов, принимающих на себя функцию культурного регулирования. Мир гиперреальности образован симулякрами-образами, которые наполняются смыслом только благодаря другим образам и не имеют основы во внешней реальности. Так, известная реклама сигарет «Силк Кат» (Silk Cat) имела отношение не столько к самим сигаретам, сколько отсылала к предыдущим рекламным роликам [1, с. 406]. Фактически здесь встаёт проблема двойного опосредования сфер культурного регулирования. Т. Парсонс такую амбивалентную направленность коммуникативных процессов в сфере культурного регулирования определяет как двойную контингентность: «Вследствие этой двойной контингентности коммуникация, являющаяся необходимым условием для культурных образцов, не может существовать как без обобщения и отвлечения от частного в конкретных ситуациях (которые никогда не бывают идентичными для Ego и Alter), так и без стабильности значения, которое могут гарантировать только «конвенции», соблюдаемые обеими сторонами» [5, с. 436-437]. В наши дни принцип двойной контингентности получает дальнейшее развитие и модификацию. Реальностью становятся не только отражаемые объекты, но и образы, создаваемые человеком, рекламой, средствами PR. Образуется дуга опосредствованной контингентности: объект – образ – образ образа – восприятие в массовом сознании образов (образов образов) - следование векторам регулирования поведения, содержащимся в образах (образов образов) - взаимодействие с объектом на новом уровне.

Н. Луман предложил иной подход к разрешению проблемы двойной контингентности. Он обозначил своё расхождение с Парсонсом относительно его допущения ценностного консенсуса, наличия «общей символической системы», имеющей нормальный характер, в соответствии с которой «общества передают культуру по традиции», что приводит к тому, что «культура предшествует любой социальной ситуации» [4, с. 153]. Опираясь на трактовку Лумана, можно предположить, что решение проблемы двойной контингентности в коммуникациях массовой культуры лежит не только в соци-

альном, но во временном измерении: двойная контингенция – круговое явление: «Если ты сделаешь то, что я хочу, я сделаю то, что хочешь ты» Но кто инициирует разрыв этого круга? Кто создает ассиметрию? Ответ следующий: время или тот, кто действует первым» [3, с.153]. Вводя предметно-практическую последовательность и социальную детерминацию, исследование сферы культурного регулирования обнаруживает неразрывную связь изменчивости и стабильности значений, практики и симулякров, медиаобразов и вариативной нормативности социального поведения.

Важные идеи проблематики сфер культурного регулирования содержатся в работах З. Фрейда и К. Г. Юнга. Исследуя символы сновидений, Фрейд пришёл к выводу о существовании универсальных символов, одинаково интерпретируемых в сновидениях разных людей, а Юнг вслед за ним зафиксировал в сновидениях отдельные сюжеты, соответствующие древним мифам, архетипические матрицы, которые определяют строй человеческой мысли и заданы традицией более глубокой, чем освоенная обществом культурная традиция.

Обращаясь к проблемам культурного регулирования, следует отметить, что 3. Фрейд отрицал различие между психологической и социологической областями познания и постоянно подчёркивал, что индивид и группа схожи между собой [6, с. 189]. Он полагал, что в массе слабеет регулирующая психологическая надстройка, которая весьма развита у отдельного индивида, и приводится в действие бессознательный фундамент, который одинаков для всех людей. Юнг же для характеристики феномена толпы вводит понятие «коллективного бессознательного», основы которого заложены в глубокой древности. Он рассматривает такое обратное движение к коллективному человеку, «человеку-массе» (в терминах X. Ортега-и-Гассета) как компенсаторное, как реакцию на увлечение идеями индивидуализма и демократии. Сам феномен толпы, реализующейся в «массовой культуре», предстаёт у него как "юность человечества", которой свойственно стремление воплотиться в идеале. Опираясь на исследования К. Г. Юнга, можно считать, что базовыми в понимании культурного регулирования являются принципы учета бессознательной основы массовой культуры. При этом Юнг выделял в структуре бессознательного два слоя: слой личного бессознательного, которое базируется на втором, коллективном бессознательном, содержания, которые «никогда не были в сознании и отражают архетипические процессы» [8, с. 49], сюжеты и символы.

Философские и социологические аспекты культурного регулирования рельефно видны в том, как реклама использует архетипы, архетипические символы и социокультурные паттерны, извлекая их из «библиотеки» коммуникативной памяти человечества. Это позволяет говорить об ориентированности рекламы в сфере культурного регулирования на иррациональные, бессознательные компоненты

массовой культуры. С этой точки зрения роль архетипического символа в рекламе заключается в том, чтобы способствовать сублимации энергии бессознательных сфер психики, т. е. направлению её в объективную реальность. Архетипы коллективного бессознательного являют себя миру посредством символов. Фактически символ в сфере культурного регулирования является формой репрезентации архетипа в сознании, выполняя роль «моста из рационального мира в мир мистический» [2, с. 240], в мир бессознательного.

В ходе исследования интерпретации символов рекламы в сфере культурного регулирования необходимо провести различие между истиной в интерпретации вообще и истиной в любой определённой интерпретации. «Интерпретация не может быть истинной в силу того, что за исключением редких случаев, всякий или почти всякий текст может быть прочитан более чем одним образом. <....> На практике мы сталкиваемся с возможностью множественности прочтений определённого текста, каждое из которых имеет по крайней мере некоторые очевидные подтверждения, почерпнутые из определённого варианта текста» [7, с. 485]. Интерпретация символов в системе культурного регулирования может быть предопределена следующими его свойствами. Во-первых, по мысли П. Рикёра, символ непрозрачен, так как даётся с помощью аналогий на основании буквального значения, придающего ему материальность. Во-вторых, символ варьируется в зависимости от различных языков и культур и в этом отношении является случайным. В-третьих, отмечается зависимость от проблематичной дешифровки, т. е. «символы заставляют думать только благодаря интерпретации, которая всегда проблематична» [6, с. 436].

В условиях глобализации и активизации культурных контактов процесс интерпретации символов в системе культурного регулирования реализуется на основе своеобразного перетекания, обмена культурными духовными ценностями и продуктами через рынок и средства массовой информации. Этот процесс можно охарактеризовать как «культурный империализм», результатом которого становится повсеместное внедрение ценностей и регулятивов «западной культуры», независимо от того, происходит ли принятие этой культуры вследствие её привлекательности или под воздействием экономических рычагов воздействия (маркетинг, PR, реклама и т. д.), которые стоят за этой культурой.

Библиографический список

- 1. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолла: пер. с англ. –Изд. 2- е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- 2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПБ, 2004.
- 3. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос», 2007.
- 4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

- 5. Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ.; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М., 2002.
- 6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.
- 7. Рокмор Т. О знании, философской антропологии и интерпретации // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон + ОИ «Реабилитация», 2002.
- 8. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Юнга / пер. с англ. В. Зеленского. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009.

АКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ

И. В. Проскурин Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

Summary. The article reviews the influence of new communication medium on the contemporary art. The author considered the new forms of art related with the internet. The article illustrates the social vector of art development.

Keywords: contemporary art, internet, internet art, democratization of art, philosophy of art, vehicle of communication, media.

Продолжающийся уже несколько десятилетий прорыв в области коммуникативных средств, затронувший почти все сферы человеческой активности, не мог не затронуть фундаментальный культурный пласт — искусство. И действительно, все новейшие веяния в современном искусстве неизбежно подчинены тем информационным преобразованиям, которые испытывает общество сегодня. Связаны все эти изменения прежде всего с возрастающим числом медиа, которые становятся всё доступнее для широких масс, что делает их всё сильнее и влиятельнее. Так, едва ли стоит кому-нибудь доказывать, что самым быстро развивающимся на сегодняшний день информационно-коммуникативным полем является сеть интернет.

На искусство «всемирная паутина» стала оказывать влияние сравнительно недавно, хотя интернет-искусство появилось практически одновременно с её возникновением, однако носило поначалу весьма элитарный характер. Важнейшим явлением, которое возникло во второй половине 90-х годов прошлого века, стало появление и широкое распространение «нет-арта» (internet art), т. е. искусства, созданного и способного существовать только в рамках сети интернет. Это явление охватывает довольно широкий спектр деятельности, но суть их сводится к тому, чтобы самовыражаться, используя многочисленные возможности, предоставляемые интернетом. Нет-арт может являться сайтом, использующим все средства, предоставляемые современными веб-технологиями (статическое

изображение, видео, аудио, текст, скриптовые технологии и др.), для достижения эстетических или концептуальных целей, может быть е-mail-проектом (использующим в качестве медиа электронную почту), интернет-программой, реагирующей на действия пользователей (что осуществляет мечту художников хэппенинга о вовлечении случайных людей в создание произведений искусства), интерактивные видео, аудио или радио-работы, сетевые многопользовательские перформансы и др.

Все художники нет-арта обошли довольно жёсткую галерейную и кураторскую структуру, освободив искусство от «гнёта» существующей артистической элиты. Эти художественные практики, ввиду своей лёгкой переносимости и репродукционности, не имеют оригинала как такового, а посему не могут быть проданы или музеефицированны. Такое положение дел даёт сетевому искусству небывалую прежде для искусства автономию от искусствоведческой канонизации, скорость распространения и величину аудитории (носящую транснациональный характер). Всё это уже сегодня дало свои плоды на мировой художественной сцене, однако существует и другая сторона развития интернета, выходящая далеко за пределы виртуального пространства.

Интернет, кроме своего информационного поля (которое привело, кроме прочего, к широкому распространению традиционных видов искусства в массах), имеет ещё и широкие коммуникативные возможности. Каждый художник имеет сегодня возможность организовывать многочисленные акции, курируя их через интернет. Именно поэтому мы сегодня наблюдаем рост числа флеш-мобов, всевозможных массовых политических художественных акций и перформансов с большим числом участников. Сегодня интересно искусство не производящее вещи, а производящее события как процесс, в который может быть вовлечён художник и зритель. Такой значительный переход к социальному искусству, невозможный ранее, представляется мне очередным шагом в череде революций, освобождающих человечество. Сперва Маркс требует от пролетариата заняться политическим творчеством и выйти из состояния пассивности. Затем революция 1968 года, призывающая преодолеть в себе машинное и стать творцом своей собственной жизни. Теперь «социальная революция», предсказанная социологом Говардом Рейнгольдом [1], в ходе которой общество начинает самоорганизовываться, используя новые коммуникационные технологии. Этот шаг является переходом к «истории после искусства», если продолжать логику концептуалиста Джозефа Кошута (утверждавшего конец философии и уход её в искусство) в работе «Искусство после философии» [3].

Действительно, если ранее искусство следовало стратегии инновативности, имея далеко не массовый характер, то теперь положение начинает меняться. Каждый человек может создать свой веб-сайт и завести аккаунт в социальных сетях, тем самым производя некоторый материал, способный, порой, конкурировать с работами известных современных художников. Массы начинают интересоваться авангардом искусства, да и любая социальная сеть сама по себе уже является готовой выставкой постконцептуального искусства. Так, массы впитывают в себя накопленный художественный опыт человечества, чтобы дальше с ним делать будущее.

Сегодня мы уже наблюдаем за тем, как художественно «самоорганизованные массы» влияют на реальный мир. Ввиду широкого распространения интернета все крупные организации вынуждены иметь сайты, которые зачастую подвергаются «атакам» различных художественных групп, соединивших сетевое искусство с политическим активизмом. Наиболее яркой из них является группа Electronic Disturbance Theatre, уже на протяжении многих лет атакующая различные организации путём многократного запроса одной и той же страницы сайта (что приводит к временной приостановке работы серверов). Самым недавним примером такой деятельности стала атака на сайты организаций, которые предали журналиста Джулиана Ассанжа.

Другим примером такой деятельности может стать практика «взламывания» веб-сайтов и внедрение в их контент информации, резко противоречащей политике организации, либо имеющей некоторую художественную ценность. Так же широка нива пародирования существующих веб-сайтов на других доменных именах. Кроме того, сейчас очень распространена практика пародирования официальных информационных потоков, ярким примером чего может послужить популярный мини-блог @KermlinRussia, пародирующего официальный блог президента России @KremlinRussia. В таких практиках я усматриваю реализацию призыва Ролана Барта к борьбе с официальной мифологией посредством её вторичной мифологизации, создания искусственного мифа на базе существующего [2].

Конечно, такой выход в массы не мог не сказаться на общем качестве искусства, которое, конечно же, упало. Однако этот прорыв в искусстве, обеспеченный интернетом, подарил, кроме профанизации, возможность ему жить в широких массах, выходить на социальный уровень, а значит, и влиять на многие политические и общественные вопросы. Такая невиданная доселе для искусства демократизация уже сейчас приносит значительные плоды. В связи с этим становится очевидно, что процесс обратного перехода общества из виртуального пространства в реальное всё более неизбежен (как минимум из диалектических правил). Воспользовавшись коммуникационной средой интернета, человек нашёл себе подобных, с которыми он может дальше творить реальный физический мир. Такой переход к социальному дизайну стал бы важнейшим шагом как для искусства, так и для человечества в целом.

Библиографический список

- 1. Рейнгольд Г. Умная толпа. Новая социальная революция М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
- 2. Барт Р. Миф сегодня / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994.
- 3. Kosuth J. Art After Philosophy and After, Collected Writings, 1966–1990. Ed. by G. Guercio, foreword by Jean-Francois Lyotard // MIT Press, 1991.
- 4. Гройс Б. Топология современного искусства // Художественный журнал. № 61/62. 2006. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна М.: Алетейя. 1998. 160 с.
- 5. Grau O. Virtual Art, from Illusion to Immersion // MIT Press, 2004. Pp. 237–240.
- 6. Greene R. Internet Art. Singapore: Thames Hudson, 2004. 224 pp.

СЕТЕВОЕ ИСКУССТВО (NET ART): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА

Е. И. Каленкевич Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь

Summary. Article devoted to the peculiarities of the genesis of this phenomenon of contemporary art-process as Net Art. The author identifies two basic sources – the general paradigm and artistic tradition and examines the range of phenomena that influenced the specificity of Net art.

Key words: postmodernism, net art, genesis, new media art.

Стратегия тотального эксперимента, предложенная ещё в рамках модернизма, в конце 20-го — начале 21-го столетия проявляет себя с новой силой. Затрагивая не только уровень художественного языка, но и собственно онтологию, фундаментальные особенности того или иного вида искусства, она становится той силой, которая формирует арт-процесс и способствует рождению новых арт-феноменов.

Традиция рэди-мейда и связанная с ней актуализация контекста, проложила путь девальвации традиционных эстетических установок (уникальность авторского видения, позиция зрителя-созерцателя и т. д.) и переориентировало художественный выбор на альтернативные, с точки зрения классической эстетики, нетрадиционные, не пригодные для искусства «материалы», предложив новый постулат: языком выразительности может быть всё. Как и любая инновация, это спровоцировало скептическую реакцию со стороны арт-критиков, на что удачным ответом, на наш взгляд, могут быть слова Поля Клоделя: «Должен появиться на свет словарь, который в поисках точности не пожелает исключить ни единого толкования» [1, с. 202].

Собственно этот новый язык искусства, всё время расширяющий свой тезаурус, только сейчас начинает поддаваться научной рефлек-

сии и становится тем наиболее адекватным «нарратором», описывающим темпоральность, пластичность, ритм современных реалий.

«Расширенное» экспериментальное художественное сознание позволило сформировать совсем иную, отличную от предыдущих эпох, морфологическую «картину мира» искусств 20-го, начала 21-го веков. В ней приобретают новые формы и очертания традиционные виды — изобразительное искусство, литература, музыка, театр, превращаются в искусство арт-объекта, инстялляции, акционизм (акции, перформансы, хэппенинги) и т. д. Семейство техногенных видов эволюционирует в сторону освоения коммуникационных (медиа) и новых дигитальных технологий, что значительно расширяет его базу, дополняя медийным искусством и группой Digital Art.

Одной из областей последних художественных «интервенций» становится виртуальное пространство сети Интернет, на базе которой развивается феномен «сетевое искусство» или Net Art. Представленные, как правило, в виде «неутилитарных» веб-страниц, вебпроекты рассматривают художественные возможности сетевых телекоммуникационных технологий и анализируют законы, специфику, метафизику и семантику новой знаковой среды, сформированной киберпространством.

Новизна средств, материализация идеи виртуального произведения (такую возможность обеспечивает сама интерактивная среда), спровоцировали, сперва, научный скептицизм в отношении сетевого искусства, а после – признание и интерес, что сделало этот феномен актуальным и открытым для исследований.

Одним из необходимых аспектов в изучении уникальной природной организации того или иного феномена становится обнаружение специфики его генезиса — наличие связей или отсутствие таковых с предшествующими ему явлениями одного порядка. В данном случае аналогия и сравнение являются одними из методов фиксации различий, а соответственно — инновационных свойств.

Освоение нового пространства всегда сопряжено с поиском новой методологии, но на первом этапе его апробации используются уже знакомые методы и приёмы, что, соответственно, позволяет говорить об определённой преемственности и «наследственности», но, безусловно, являющей себя в относительном состоянии, сквозь призму нового. Поэтому можно констатировать наличие аккумулированного предыдущего опыта, имеющего лишь определённую степень проявления в виде тех или иных черт.

В случае арт-феномена, на наш взгляд, можно выделить два основных источника: *парадигмальное поле* (парадигма), определяющее во многом особенности мышления, сознания, эстетические параметры; и *художественная традиция*, понимаемая широко как на уровне вида (морфологические данные), так и на уровне сформировавшихся методологических установок того или иного стиля, направления.

Сетевое искусство, возникая в середине 90-х гг. ХХ века, развивается в рамках постмодернистской парадигмы, к тому времени сформировавшей свои основные постулаты и концепты. Надо сказать, что сама сеть Интернет явилась технологическим воплощением многих постмодернистских идей: образ ризоматичного, децентрализованного мира материализован посредством гипертекстуальной формы организации с системой узлов и ссылок, осуществляющих нелинейное ветвление. Стало возможным не номинальное, а формальное создание интерактивного, процессуального и открытого для трансформаций произведения. Однако закономерным образом подобное материальное воплощение основных парадигмальных концептов одновременно создаёт все условия для осуществления их деконструкции и появления на этой базе некой инновации. Что, собственно, и позволяет, наряду с влиянием постмодернистского мышления, зафиксировать в сетевом искусстве новаторские черты.

Парадигмальные установки, безусловно, формируют определённую художественно-стилевую методологию и эстетику. Так как художественный стиль постмодернизм был охарактеризован Н. Б. Маньковской следующим образом: «Ему свойственны: интертекстуальность, языковая игра, цитатность как метод художественного творчества; неопределённость, культ неясностей, ошибок, пропусков; фрагментарность и принцип монтажа, иронизм, пародийность, деканонизация традиционных эстетических ценностей, аксиологический плюрализм; телесность, поверхностно-чувственное отношение к миру; гедонизм; эстетизация безобразного, смешение жанров, высокого и низкого, высокой и массовой культуры и т. д.» [2, с. 140]. Всё это порождает, как отмечает автор, «постмодернистское настроение, психологическую и эстетическую установку, сочетающую цинизм и ностальгию по утраченной гармонии и красоте мира искусства» [2, с. 140].

Подобные признаки можно обнаружить во многих сетевых проектах. Так, например, образ ошибки, такой типичный в сетевой компьютерной коммуникации становится эстетически значимым в проекте группы Jodi «404» (1997; http://404.jodi.org). Принцип монтажа с элементами деконструкции лежит в основе сетевого проекта Дж. Зеллена «Визуальный хаос» (2001; www.visualchaos.org), где автор, посредством коллажа, создаёт образ призрачного города-хаоса.

Но вместе с тем, несмотря на наличие элементов постмодерниской эстетики и методологии, сама новая среда сети Интернет с её спецификой пространственно-временной организации (время зависимо от пользователя и не имеет направления — онлайн-режим постоянного настоящего; пространство — имитируется нелинейной структурой и движением по ссылкам) формирует инновацию непосредственно на уровне произведения и его зрительского восприятия, тем самым позволяя фиксировать рождение новой морфологической единицы (Net Art является разновидностью New Media Art) и, соответственно, языка.

Вопрос о влиянии художественной традиции на сетевое искусство затрагивался в специальных исследованиях, посвященных этому феномену (И. Гурулёв «Типология и художественные стратегии сетевого искусства: 1994–2004», R. Greene «Internet Art», J. Stallabrass «Internet Art The Online Clash of Culture and Commerce» и т. д.). Наряду с постмодернизмом учёные отмечают влияние модернизма, авангарда, художественных практик второй половины XX века и т. д. Так, например, ранние сетевые проекты ориентированы на авангардное стремление создать нечто абсолютно новое, не существовавшее ранее. Концептуальным тому подтверждением служат различные манифесты художников, где высказываются подобные радикальные убеждения (манифест А. Шульгина, в котором можно встретить подобные слова: «Художники! Постарайтесь забыть само слово и понятие "искусство"...») [3].

Дадаистическое видение мира с его культом «случайного», «дематериализация» формы, предпринятая в концептуализме, как нельзя более явно выражены в самой виртуальной природе сетевого артефакта, весьма чувствительного к любому воздействию. Использование образов масс-медиа и популярной культуры, сам механизм их художественной актуализации является типичным приёмом поп-арта. Подобные приёмы встречаются в работах сетевой группы ®TMARK «Barbie Liberation Organization» (1997), «SimCopter Hack» (1997).

Источник акциональности многих сетевых проектов (британской группы MONGREL http://www.mongrel.org.uk/about, Heath Bunting http://irational.org/cgi-bin/cv2/temp.pl и др.) можно обнаружить в соответствующих видах творчества 2-й половины XX века – хэппенинг, акция, перформанс, являющие собой синтетические модификации сценического искусства.

Сам по себе интерес к исследованию телекоммуникационного пространства, эстетических возможностей новых технологий 2-й половины XX века был предложен в рамках видео-арта, который многие исследователи называют прямым предшественником сетевого искусства.

Рассмотрев ещё далеко не все влияния, уже можно заметить, что разнообразная художественная традиция XX столетия не могла не оказать влияния на возникновение новых арт-феноменов (в частности Net Art) и, безусловно, подготовила почву, передав в «заархивированном» виде свои основные приёмы.

Таким образом, можно проследить, что в основе генезиса такого феномена современного мирового арт-процесса как сетевое искусство или Net Art лежат два источника — постмодернистская парадигма, которая оказалась спроецированной в виде определённых эстетических установок и приёмов, а также обширная художественная традиция XX столетия, сформировавшая своего рода художественную «базу» для подобных инновационных практик. Однако наряду с наличием преемственности и «наследственности» сетевое искусство, безус-

ловно, предлагает свой специфический художественный язык для образного выражения вечного и сиюминутного.

Библиографический список

- 1. Клодель П. Глаз слушает. M.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. 379 с., илл.
- 2. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб: Алетейя, 2000. 347 с.
- 3. Тетерин С. Манифест Алексея Шульгина: Искусство, Власть и Коммуникация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.guelman.ru/slava/manifest/shulgin.htm. Дата доступа: 06.03.2011.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ И КРЕАТИВНОГО УРОВНЯ РЕКЛАМЫ

Е. В. Кузьменко Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина

Summary. This article focuses on identifying institutional arrangements that reduce information content of advertising messages, and thus reduce the positive impact of the advertising industry on the economy as a whole.

Key words: advertising, institutional factors, consumer surplus, informative advertising message.

Основной экономической целью рекламы является снижение трансакционных издержек поиска информации. По нашему мнению, рекламная активность экономических субъектов способна оказывать положительное влияние на работу экономической системы только в том случае, если целевая аудитория оценивает стоимость содержащейся в рекламе информации выше, чем ту часть рекламных расходов, которая заложена в цену товара. При недостаточной информативности рекламных сообщений реклама теряет способность снижать трансакционные издержки потребителя и её позитивное экономическое влияние изменяется на негативное.

С точки зрения неоинституционального направления экономической теории информация, содержащаяся в рекламном сообщении, может быть разделена на две составляющие, которые оказывают диаметрально противоположное влияние на экономику – «информационную» составляющую и составляющую «оппортунистическую» (1).

Примером рекламы с преобладающей «информационной» составляющей служат многочисленные сайты типа Ebay и Amazon, примером «оппортунистической» рекламы – реклама Кока-колы, потребительские качества которой не изменяются, следовательно, новые данные о продукте априори отсутствуют, однако целевая ауди-

тория вынуждена оплатить полностью или частично стоимость рекламной кампании. В большинстве случаев «оппортунистическая» реклама смещает влево кривую спроса и уменьшает потребительский излишек, что является общепризнанным индикатором негативного влияния на экономику.

Однако существует ситуация, когда негативное влияние «оппортунистической» рекламы нивелируется. Идёт речь о рекламе так называемого «товара Веблена». Его отличие от обычного товара состоит в том, что с возрастанием цены спрос на товар не падает, а наоборот, увеличивается, поскольку для потребителя товар имеет в первую очередь знаковую, а не утилитарную ценность (символ принадлежности к определённому социальному слою). В этом случае именно реклама, особенно «оппортунистическая», имиджевая реклама является одним из основных факторов создания потребительской ценности, следовательно, её экономическое влияние будет положительным.

С другой стороны, мы допускаем, что существует ряд ситуаций, при которых любое рекламное обращение, даже чисто информативное, не будет в состоянии увеличить потребительский излишек.

Рассмотрим подробнее факторы, которые влияют на соотношение двух вышеназванных составляющих рекламного сообщения, а также определяют влияние рекламы на трансакционные издержки целевой аудитории и рекламодателя.

1. Вложения фирмы – рекламодателя в модернизацию своей продукции.

Фирма, вкладывающая значительные средства в повышение качества продукции, имеет стимулы к широкой рекламной активности, поскольку с помощью рекламы становится возможным быстрое донесение до целевой аудитории информации о потребительских качествах модернизированного товара. Конкурентные преимущества подобной фирмы будут основываться не на массированной рекламе как таковой, а на более высоком качестве продукции. В данной ситуации, на наш взгляд, реклама снижает трансакционные издержки потребителя и не может считаться причиной возникновения монополии, поскольку крупная доля рынка данной фирмы – награда за высокое качество и новаторство. Если же потребительские свойства товара на протяжении длительного времени не меняются, то количество новой информации в рекламном сообщении неизбежно падает. В этом случае затраты на проведение рекламной кампании, которые производитель включает в цену товара, могут превышать полезность полученной потребителем информации, следовательно позитивное влияние рекламной активности данной фирмы на экономику снижается.

2. Ценовая эластичность спроса на рекламируемый товар.

В том случае, если при ценовых скидках процентное увеличение объёмов реализуемой продукции превышает процентное

уменьшение цены, повышается вероятность того, что информация, заложенная в рекламном сообщении, имеет меньшую ценность для потенциального покупателя, чем та часть стоимости рекламы, которая заложена в цену товара. При снижении покупательной способности населения большинство товаров и услуг становятся эластичными по цене, за исключением экономических благ первой необходимости (коммунальные услуги, хлеб, крупы, молоко и т. д.)**. Многие домохозяйства, при наличии доступа к земле, частично или практически полностью переходят на самообеспечение продуктами питания***, что значительно снижает возможность внешнего воздействия на состав их потребительской корзины. Если доходы большей части населения приближаются к прожиточному минимуму, исчезает возможность потребительского выбора как такового. Потребность в рекламной информации падает до нуля.

3. Приближение государства, как экономического субъекта, к «контрактной модели»,* существование эффективного механизма легальной защиты бизнеса.

дизайнера время работы качестве наружной В полиграфической рекламы, маркетолога автор постоянно сталкивалась украинских предпринимателей нежеланием распоряжение профессиональных экономистов, предоставить сотрудников рекламного агентства реальные данные об объёмах продаж, ценах реализуемых товаров и услуг. Многие заказчики прямо объясняли свой отказ опасениями, что эта информация попадёт в руки налоговой инспекции. Прослеживается следующая закономерность: чем чаще фирма рекламирует себя, тем чаще сталкивается с дополнительными проверками со стороны контролирующих органов.

Положительная связь между затратами на рекламу и усилением силового давления на бизнес не является исключительной особенностью украинского рынка. Она отмечена также проректором Высшей школы экономики Вадимом Радаевым в статье «Entrepreneurial Strategies and the Structure of Transaction Costs in Russian Business» (2), написанной по материалам интервью с российскими предпринимателями.

В условиях значительного развития «теневой» и «серой» экономики, ограничения свободной циркуляции информации в экономической системе и/или неэффективной работы легальных структур защиты коммерческой деятельности рекламная активность может привести к нежелательным результатам как для рекламодателя, так и для общества в целом. Ярким примером этого факта может служить структура трансакционных издержек малых и средних российских фирм. По данным В. Радаева, при отсутствии рекламного «засвечивания» более двух третей (69 %) предприятий не имеют настоятельной потребности выделения значительных средств на охрану бизнеса. Если же рекламные затраты достигают значительной

для фирмы величины, только 31% фирм может себе позволить отсутствие целевых затрат на безопасность. Чем чаще фирма обращается к рекламе, тем с большей вероятностью у неё имеется опыт столкновения с насилием в бизнесе.

Подобное поведение работников контролирующих органов, а также криминальных структур глубоко рационально, учитывая ситуации, в которых преобладающая часть украинских предпринимателей прибегает к рекламированию. В подавляющем большинстве случаев деньги на рекламу выделяются либо в начальном этапе работы новой фирмы («раскрутка»), либо в момент, когда у фирмы появляется достаточно ресурсов для обеспечения роста, расширения круга клиентов. Имея более чем пятилетний опыт работы дизайнером и маркетологом в рекламных агентствах, постоянно контактируя с заказчиками, автор только однажды сталкивалась с ситуацией, когда с помощью рекламы предприниматель пытался решить проблемы падения объёмов продаж, стимуляции спроса во время рецессии. Напротив, расходы на маркетинг в «сложное время» урезаются первыми. Таким образом, рекламная деятельность становится отличительным признаком наличия у фирмы достаточного количества ликвидных активов.

Нежелание раскрывать перед посторонними лицами реальные данные о деятельности фирмы зачастую приводит к тому, что профессиональные услуги маркетологов становятся недоступны многим украинским предпринимателям.

Дополнительным фактором, снижающим информативность и креативный уровень украинской рекламы, является глубоко укоренившееся в сознании руководящего состава мнение о работе копирайтера, графическом дизайне, дизайне интерьера как о второстепенных, «женских» занятиях, не требующих серьёзной профессиональной подготовки. Даже в достаточно крупных фирмах процветает порочная практика, когда разработка текста и визуального ряда рекламы, выбор носителей, медиапланирование, оформление упаковки, дизайн торговых точек отдаётся на откуп рядовым офисным работникам, вкус и художественная культура которых в большинстве случаев оставляют желать лучшего.

Итак, на наш взгляд, основными институциональными факторами, влияющими на потребность целевой аудитории в рекламной информации, и, следовательно, на способность рекламы снижать трансакционные издержки поиска информации, являются (в порядке снижения влияния):

- 1. Поведение государства как экономического субъекта (предпочтительно приближение к «контрактной» модели, то есть минимизация оппортунистического поведения властных структур).
 - 2. Уровень благосостояния населения.

Уровень вложений фирмы – рекламодателя в повышение качества/расширение ассортимента производимой продукции.

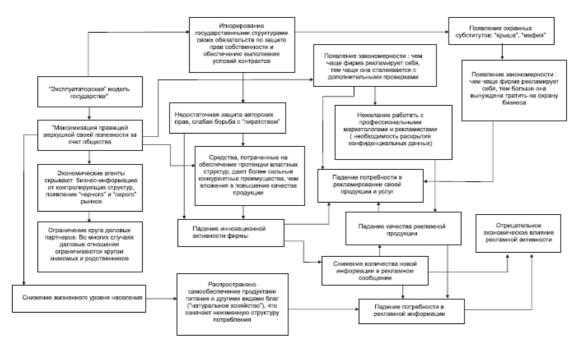

Рис. 1. Каузальная схема влияния институциональных факторов на качество рекламной продукции и на потребность в рекламной информации

*Авторство применяемой в статье типологии государства, как экономического субъекта, принадлежит американскому экономисту Дугласу Норту (3). Данная типология подробно изложена в учебном пособии «Институциональная экономика» (автор – доцент ГУ-ВША Олейник А. Н. (4)).

**Подобные блага в экономической литературе носят название «товары Гиффена». Термин происходит от фамилии британского статистика XIX века, обратившего внимание на возросший спрос на картофель несмотря на непомерное его подорожание во время голода в Ирландии в 1845—1849 гг. Все товары Гиффена — малоценные товары, занимающие в бюджете потребителя значительное место, и для которых отсутствует равноценный товар-заменитель.

***12 из 23 преподавателей кафедры живописи и рисунка Национального авиационного университета (г. Киев) регулярно занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции для собственного употребления (состояние на июнь 2010 года). В ассортименте возделываемых культур лидирующее положение принадлежит картофелю – классическому «товару Гиффена».

Библиографический список

1. Калягин Г. В. Реклама и потребительский излишек: неоинституциональный подход // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2000. – № 6. – С. 46–55.

- 2. Radaev V. «Entrepreneurial Strategies and the Structure of Transaction Costs in Russian Business // Problems of Economic Transition. Vol. 44. No. 12. April 2002. Pp. 57–84.
- 3. North D. Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981. P. 81.
- 4. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие. –М.: ИНФРА-М, 2000. 416 стр. (Серия «Высшее образование»).

II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В. Н. Гончаров Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Summary. Development of information technology, information of all parties of ability to live of a modern society have led to formation of certain terms framework which urged to reflect intrinsic and substantial characteristics of an event in sociopolitical aspect. One of the terms, allowing to comprehend the maintenance of modern transformations to information areas, the term «information field» is. Information process develops promptly, as avalanche and is unpredictable, advancing theoretical judgement of its consequences, putting set of problems of sociopolitical character before the world community.

Key words: information field, information, an information society, social identification, political tolerance, cultural memory, the individual, the person, a society, the state.

Как отмечает отечественный исследователь А. В. Шевченко, «информационное пространство» представляет собой совокупность множества информационных полей, создаваемых средствами массовой коммуникации и информации [1]. Он вполне правомерно считает, что изначально понятие «информационное пространство» раскрывалось в технократических параметрах и соотносилось с категориями информатики. Более того, в различных научных работах по отношению к одному явлению использовались различные понятия. В частности то, что понимается сейчас в качестве информационного пространства, иногда определялось в качестве «информационной сферы». Под информационной сферой понимают совокупность информационных ресурсов, системы формирования, распространения и использования информации, информационной инфраструктуры [2]. Такое понимание информационной сферы сводится к восприятию лишь чисто технической части такой среды и исключает из неё человека как основного потребителя информации [3].

Информационное пространство не устанавливает каких-либо жёстких рамок для происходящих в нём взаимодействий и способствует выработке обычаев и ценностей гражданского общества. Фактически можно говорить о появлении новых транснациональных социальных страт, о новом способе социальной идентификации. Если ос-

нованием традиционной стратификации было социальное неравенство, обусловленное объективными параметрами жизнедеятельности людей, то в виртуальной среде на первый план выступают факторы, связанные с идейно-политическими позициями индивидов. Резко повышается социально-политическая и экономическая роль информации в современных условиях. Растут информационные потребности людей, информация превращается в массовый продукт, становится экономической категорией, возникает информационный рынок, расширяются инвестиции в данную сферу. В условиях неравномерного доступа к информации одни субъекты получают преимущество перед другими, а это преимущество, в свою очередь, влияет на распределение экономических и политических ресурсов.

Формирование на данном этапе общественного развития информационного общества порождает реальные и весьма серьезные вызовы для современных государств, ставя их перед необходимостью пересмотра оснований своей национальной идентичности, отношения к демократическим институтам и принципам, к национальному суверенитету и национальным границам. Высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и вовлечённость стран в мировую коммуникационную сеть принято рассматривать как фактор политической толерантности в международных отношениях. Действительно, распространение информационно-коммуникационных технологий ведёт к прозрачности и предсказуемости государственной политики. Масштабы использования новых технологий, а значит и степень интегрированности страны в мировое сообщество значительно влияют на их статус.

Главная угроза национальному суверенитету и национальной идентичности исходит сегодня от тех групп, которые в состоянии выходить, минуя национальные ограничения, в мировое экономическое, политическое, информационное пространство (помимо медийной элиты к ним относятся влиятельные финансово-экономические круги). Отрыву современных элит от национальной почвы, национальных интересов и традиций способствуют и некоторые сдвиги в системе современного информационного производства, обмена и распределения, в том числе всё большие расхождения между знаковой (семиотической) и содержательной (семантической) функциями образов и как следствие увеличение числа образов и понятий, не отражающих ни культурную память, ни социально-политический опыт.

Все более важным компонентом национальной и международной безопасности становится безопасность информационная. Её можно определить как такое состояние социума, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества и государства от воздействия особого вида угроз, выступающих в форме организованных или стихийно возникающих информационных потоков, осуществляемых в интересах определённых деструктивных,

дезинтегрирующих сил и направленных на умышленную деформацию общественного и индивидуального сознания, а также на разрушение инфраструктуры, имеющей ключевое значение для существования личности, общества и государства.

Вопрос о том, как совместить автономию индивида, гарантирующую ему свободу выбора, с необходимым для общества уровнем контроля и безопасности, пока не имеет ответа. Несомненно, что для его решения требуются всесторонний научный анализ влияния информационно-коммуникационных технологий на внутреннюю и международную политику, социальную трансформацию общества, выявление нетрадиционных рисков и угроз, связанных с увеличением роли информации и коммуникации в современном мире.

Само информационное пространство в социально-политическом аспекте не является однородным системным образованием. В его структуре принято рассматривать определённые компоненты, которые, являясь весьма сложными системами, представляют собой уровень подсистем системы информационного пространства. В качестве основных среди этих компонентов представляется необходимым назвать следующие: информационные ресурсы; информационно-коммуникационная инфраструктура; средства массовой информации; рынок информационных технологий, средств связи, информации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг; система взаимодействия информационного пространства с глобальным информационным пространством; система обеспечения информационной безопасности (защиты); система информационного законодательства [4].

Библиографический список

- 1. Шевченко А. В. Информационная устойчивость политической системы. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 146.
- 2. Абдурахманов М. И., Баришполец В. А., Баришполец Д. В., Манилов В. Л. Геополитика, международная и национальная безопасность. М.: Пробел, 1999.-375 с.
- 3. Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М.: СИНТЕГ, 2003. С. 32.
- 4. Малькова Т. П. Информатизация: тенденция изменения-психологии, сознания, политической культуры // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: МГТУ, 1993. С. 25–36.

THE FIRST POST-SOVIET GENERATION – NEW ELITE NON-STEREOTYPED, BUT TRIED TO BE MADE REMYTHOLOGIZED – IS READY TO COMMUNICATE AS AN EQUAL

N. Ivanova People's Friendship University of Russia

Summary. The first post-soviet generation – new elite non-stereotyped, but tried to be made remythologized – is ready to communicate as an equal. They are ready to research the past together with the methods of multicultural communication because post-soviet space is also the space of the common historical memory, sometimes tragic, cruel and terrible.

Key words: stereotype, myth, Commonwealth of Independent States, multicultural communication.

This year the firs post-soviet generation will be twenty – active, certificated and practicing specialists. Their mentality is already free of soviet stereotypes of mental equality, which damages individuality, initiative and creativity, destroys sense of necessity of personality's developing, of critical way of thinking. Post-soviet generation lives out of the destructive feeling consisting in illusion that the government has to provide their citizens with everything, they survive according to the rules of capitalism.

On the other hand, when the Soviet Union collapsed, enormous quantity of opposite to soviet version of history historical literature became legal, was edit o simply was invented by historians. It was used in order to remythologize the mind of those who was born in sovereign states in post-soviet space. Each country develops their own historical version with typical pan-ethnic attitude, which continues entailing invention of new historical myths and historical extremes.

However, besides mass-media and Internet, which are also persuading their objectives, the considered generation has an alternative source of history knowledge – stereotype-minded, but believable grandparents and parents, who have been living since USSR. Comparing distinct presentation of the same facts critical thinking of young contemporaries is being developed. Those, who analyses the surroundings, are expected to convert in new elite – non-stereotyped and misremythologized. Respecting their countries, they rationalize value of their states' contribution to USSR, while in Soviet Union was accepted to estimate USSR's contribution to regions. This synecdoche, when the value of the part forms the power of the whole, might be used when the strategies of development of the nowadays Commonwealth of Independent States (CIS) are being elaborated. In this case has to be recognized the fact that the first post-soviet generation – new elite nonstereotyped, but tried to be made remythologized – is ready to communicate as an equal. It is obvious that the language of the international communication in the space of CIS have to be Russian, consequently, it is possible till it is taught at national schools and till students from the post-soviet states are coming to study at Russian universities.

The elite of post-soviet generation is "hungry" to trustworthy knowledge, is got exhausted with the "glossy", "sugary" modern pop"culture" and TV, is waiting to "immaterial touch", reached in intercultural communication as an equal. Educated according to liberal world outlook, they are ready to research the past together with the methods of multicultural communication because post-soviet space is also the space of the common historical memory, sometimes tragic, cruel and terrible.

ОБРАЗ ВЛАСТИ КАК ПРОДУКТ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. В. Санников Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск, Россия

Summary. The article is devoted to semiotical analysis of the phenomena of image of authority. The image is considered as a product of social communication, a transmission of particular idea. Semiotical definition of a term "image of authority" is suggested, depending on R. Barthes' concept of myth.

Key words: image of authority, political myth, political psychology, semiotics, definition.

В последнее десятилетие в работах российских исследователей получила распространение трактовка понятия «образ власти» в контексте достижений политической психологии - «в качестве обозначения результата процесса восприятия и социального познания такого элемента социального мира, как политическая власть» [2, с. 54]. Образ власти понимается как «система представлений о власти в обществе, включающая понятия о её сущности, функциях, структуре, а также ожидания от власти определённых социальнополитических действий» [3, с. 169]. Признавая правомерность подобного подхода, отметим, что он обладает как очевидными достоинствами, так и определёнными недостатками. В числе достоинств необходимо назвать известную функциональность подобного понимания «образа власти», возможность использовать его при проведении прикладных социологических и социально-психологических исследований. В числе недостатков необходимо отметить некоторую методологическую ограниченность данного подхода, обусловленную рассмотрением образа власти лишь в контексте комплекса представлений реципиента, в то время как содержательные характеристики образа, формируемые его создателями и носителями, далеко не всегда соответствуют складывающимся представлениям реципиента, не попадают в категорию образа власти.

Для выработки более полного понимания такого явления, как «образ власти», целесообразно обратить внимание на то, что любой образ представляет собой результат и продукт социальной коммуникации, феномен, о существовании которого мы узнаём только в процессе взаимодействия между создателем и реципиентом (а в отдельных случаях также исследователем) образа. Сформировавшиеся в результате восприятия политической власти представления становятся доступны для рефлексии в качестве образа власти только в том случае, если получат некоторое знаковое выражение, как правило, вербальное (в форме речи, нарратива) или визуальное (в форме изображения, видеоряда, жестов и т. д.). Образ власти существует постольку, поскольку он может быть воспринят из совокупности знаков, транслирующих определённую смысловую нагрузку. В этом смысле психологическая реальность образа неотделима от его материального и содержательного выражения, а сам образ власти должен рассматриваться именно как продукт социальной коммуникации или передачи определённой идеи.

В качестве наиболее яркого примера, иллюстрирующего подобную связь, можно привести портреты королевы Марии Антуанетты, проанализированные в работе М. Б. Ямпольского [5]. Рассматривая данные изображения, вряд ли возможно утверждать, что они сами по себе являются совокупностью представлений, поскольку они являются лишь совокупностью символов, знаков, которые нуждаются в прочтении и интерпретации. В данном случае исследователь анализирует не абстрактно существующие представления, а продукт творчества мифолога власти — создателя этих гравюр, формирующего соответствующий образ.

Постулируя неразрывную связь означающего и означаемого в рамках образа власти, формируемого в процессе социальной коммуникации, отметим, что подобное понимание образа власти сближает его с семиологической концепцией мифа, представленной в работах французского структуралиста Р. Барта [1]. Данный подход позволяет рассматривать образ власти как семиологическую (семиотическую) систему, покоящуюся на «вторичных кодах» (кодами первого порядка являются те, которыми строится сам язык) [4, с. 22]. С использованием данного подхода можно предложить семиологическое определение понятия «образ власти» - под образом власти мы предлагаем понимать вторичную семиологическую систему, включающую в себя связь между совокупностью знаков первого порядка, отражающих содержательные характеристики системы отношений легитимного социального господства и подчинения, и комплексом психических переживаний (феноменов), порождённых восприятием этих знаков.

Библиографический список

- 1. Барт Р. Мифологии. M., 2008. 351 с.
- 2. Вершинина Н. С., Мирицкая Е. А., Муравьёва О. И. Сознательные и бессознательные компоненты образа политической власти // Сибирский психологический журнал. Выпуск 27. Томск, 2008. С. 54–59.
- 3. Романович Н. А. Образ власти как отражение российской политической культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. N° 1. Воронеж, 2010. С. 169–172.
- 4. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011. 212 с.
- 5. Ямпольский М. Б. Королёва и гильотина (Письмо, очищение, телесность) // Новое литературное обозрение. № 65. 2004. С. 93–130.

КОМИЧЕСКОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИМЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

А. В. Рожкова Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск, Россия

Summary. This article addresses the notions of political discourse, discourse technology, comical discourse, the management of produced impressions and reveals how they function in modern political communication. The author argues that the comical senses incorporated in political discourse contribute to the impression management, that is, they influence and manipulate the social addressee.

Key words: political discourse; comical discourse; discourse technology; impression management; communicative expectations, social addressee.

Политический дискурс — это явление, с которым общественное сознание сталкивается каждый день. Политический дискурс определяется как сложное многомерное образование, в качестве адресантов которого выступают не только профессионалы, но и другие представители общества, например, журналисты, общественные деятели, рядовые граждане [5]. В целом разнообразные аспекты политического дискурса достаточно широко изучены в лингвистике: определены основные концепты, механизмы порождения и функционирования политических текстов, проанализированы политические метафоры как способ осмысления мира политики, охарактеризовано речевое поведение политика, изучены вербальные и риторические стратегии в политической коммуникации, определены особенности реагирования на дискурс политика со стороны социального адресата [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

В настоящее время ставятся новые проблемы в изучении политического дискурса, в частности, проблемы его технологизации. Глобализация и возникновение информационного общества повлекли

формирование системы социально-политических и дискурсивных технологий, регламентирующих политическое поведение отдельных индивидов и больших социальных групп. За термином «технология» закрепилось значение осознанного, обдуманного и спланированного управления партнёрами по коммуникации при помощи дискурса [1]. Дискурсивные технологии определяются как разновидности технологий управления: стратегии и техники, с помощью которых различные силы пытаются реализовать свои проекты и программы [6].

Целью данного исследования является рассмотрение технологии внедрения комического дискурса в политический дискурс. К настоящему моменту уже существует ряд работ, посвящённых анализу разных жанров комического в политическом дискурсе, таких как анекдот, шутка, каламбур, карикатура, комикс, шарж, частушка и т. д.

Предлагаемым нами новым подходом является исследование технологии внедрения комического как способа управления производимыми впечатлениями. Термин «управление производимыми впечатлениями», который в настоящее время всё чаще употребляется в коммуникативистике, восходит к трудам Э. Гоффмана, который утверждает, что в процессе коммуникативного взаимодействия люди становятся объектами и продуктами всевозможных манипуляций, а самой основой общественной жизни становится «производство впечатлений». Создание «видимости» как показателя своей приверженности организации, демонстрация символов престижа приобретают первостепенную важность [7].

Согласно драматическому подходу к социальной жизни Э. Гоффмана, общающийся человек — это социальный актёр, который искусно управляет впечатлениями, что является неотъемлемой принадлежностью успешного выполнения им своей характерной социальной роли. Степень профессионального «актёрского» мастерства общающегося, его контроль за производимыми впечатлениями определяют дальнейший успех его «жизненного представления». Создавая желаемое мнение о себе, общающийся может обеспечить достаточную согласованность для поддержания взаимодействия или обмануть, отделаться, привести в замешательство, ввести в заблуждение, вызвать вражду или нанести оскорбление. Независимо от конкретного намерения индивид заинтересован в осуществлении контроля за поведением других [7].

Применяя эти положения к анализу политического дискурса, мы обнаружили, что, управляя производимыми впечатлениями при помощи комического, политик осуществляет коммуникативный менеджмент своего соприсутствия с социальным адресатом и тем самым структурирует вместе с ним общую коммуникативную ситуацию, то есть сокращает расстояние между собой и социальным адресатом (народом), сближается с ним.

В качестве примера приведём отрывок из речи В. В. Путина от 10.12.2010, в которой он сказал, что считает арест Джулиана Ассан-

жа, предавшего гласности документы из американской дипломатической переписки, в которых содержится критика ситуации с демократией в России, нарушением демократии: «Если демократия тогда полная, зачем же господина Ассанжа в тюрьму упрятали? Это демократия? У нас в деревне так говорят: чья бы корова мычала, а ваша бы молчала. Вот какую я хочу нашим американским коллегам послать ответную шайбу».

Благодаря употреблению метафор (чья бы корова мычала; послать ответную шайбу) и просторечного выражения (в тюрьму упрятали) политик внедряет в свой дискурс комические смыслы. На наш взгляд, он делает это на основе прогнозирования коммуникативных потребностей социального адресата, одной из которых является потребность в эмоциональном контакте с политиком. Несомненно, что потребность удовлетворения информационного «голода» здесь не прогнозируется: политик говорит уже об известных фактах.

Управляя производимыми впечатлениями, политик позиционирует себя как остроумную коммуникативную личность со всеми присущими ей качествами: это сильная, интеллектуальная, развлекающаяся, критикующая, энергичная личность. Используя комическое, политик демонстрирует свою силу, легитимность и значимость: производит впечатление, что он имеет полное право говорить подобным образом о своих «американских коллегах». К числу производимых впечатлений относится также демонстрация таких качеств, как способность схватывать противоречия действительности, живой ум, заостряющий эти противоречия, весёлость. Политик демонстрирует свой интеллект, проявляя, в то же время, свою доминирующую установку на выражение близости с простыми людьми. Таким образом, управляя производимыми впечатлениями, политик вовлекает социального адресата в своё коммуникативное пространство, создаёт яркий политический имидж («человек остроумный»), а также, что чрезвычайно важно, использует остроумие как дискурсивное оружие в борьбе с критикой в свой адрес.

Библиографический список

- 1. Плотникова С. Н. Технологизация дискурса. Процесс и результат // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. N^0 4. 2008. С. 138–147.
- 2. Плотникова С. Н. «Дискурсивное оружие». Роль технологий политического дискурса в борьбе за власть // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. \mathbb{N}^{0} 2. 2008. С. 138–144.
- 3. Плотникова С. Н., Домышева С. А., Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. № 27. С. 103–108.
- 4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 2000). Екатеринбург, 2001. 256 с.
- 5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

- 6. Fairclough N. Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. N.Y.: Routledge, 1996. P. 143–159.
- 7. Goffman E. Strategic Interaction [Text] / E. Goffman. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1969. 145 p.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Е. Р. Сергеева

Днепропетровський университет экономики и права, г. Днепропетровск, Украина

Summary. The basic characteristics of use and need for information in the activity of organs of public authority. The main problems of information support of the organs of local self-government legal, organizational, methodological character.

Key words: information security, organs of local self-government, informatization, territorial communities, the information.

В настоящее время значение информации в развитии любой сферы деятельности является общепризнанным. Анализ научных источников и ресурсов Интернет свидетельствует о существовании проблемной ситуации в сфере информатизации местного самоуправления в Украине. Она заключается в противоречии между значимостью информации в эффективном функционировании системы местного самоуправления и современными возможностями удовлетворения информационных потребностей, отсутствием новых научно обоснованных подходов к созданию адекватной системы информационного обеспечения.

В соответствии с Законом «О местном самоуправлении в Украине» самоуправление осуществляется на основе принципов гласности, коллегиальности, отчётности и ответственности перед территориальным сообществом, а нормативные акты, которые принимаются органами местного самоуправления, следует обнародовать, доводить до сведения населения [1]. Отметим, что процедуры, устанавливающие порядок подготовки этих актов, практической реализации, контроля исполнения, осуществления иных управленческих действий и являются, по сути, процессом обработки и взаимного обмена информацией.

В настоящее время информационное обеспечение местного самоуправления всё больше приобретает атрибуты самостоятельности — со специфическими отношениями, субъектами (объектами) этих отношений, их правами и обязанностями, наиболее значимые элементы которого уже нашли правовую регламентацию. Закон Украины «Об информации», в частности, определяет информацию государственных органов и органов местного самоуправления одним из основных объ-

ектов информационных отношений в обществе и государстве, а обязанность этих органов информировать о своей деятельности и принятых решениях определена как гарантия права на информацию [2].

Обмен информацией в органах местного самоуправления зависит от функционального наполнения их полномочий. С учётом этого можно выделить шесть основных блоков информационных отношений: накопление и обработка данных о реальном состоянии административно-территориальной единицы; бюджетный процесс; функционирование и координация деятельности исполнительных органов местного самоуправления и коммунальных предприятий; процесс подготовки, принятия управленческих решений и контроль их реализации; информационный обмен с территориальным сообществом и средствами массовой информации; деятельность в мировом информационном пространстве. Если учитывать, что в условиях становления гражданского общества в Украине на первый план выходит понимание сущности местного самоуправления не столько как низового звена публичной власти, а как института гражданского общества, первоочередным в этом перечне является определение объёма информации, которую необходимо предоставлять гражданам. Действующее законодательство не даёт исчерпывающего ответа, какие конкретно сведения о работе органов местного самоуправления, решения по каким вопросам должны в обязательном порядке доводиться до сведения населения. Не конкретизированы также формы и средства информирования граждан. Таким образом, обеспечение информационных процессов в местном самоуправлении зависит от решения, в частности, проблемы выбора из объёма сведений именно тех, которые должны предоставляться гражданам в обязательном порядке с целью создания условий для их компетентного участия в процессах самоуправления, а также от совершенствования форм и методов их распространения.

Несогласованность и ситуативный подход при формировании законодательства Украины об информации обусловили наличие ряда проблем правового характера в сфере регулирования информационных отношений, в частности неоднозначного понимания понятий и категорий и применения их на практике; концептуальной несогласованности новых правовых актов в сфере общественных информационных отношений с ранее принятыми и др.

Следует отметить также, что в сфере информационного обмена доминирующую роль играют современные компьютерные технологии, заменяя обычные, традиционные подходы и методы в системе местного самоуправления, во многом облегчая его, но одновременно и усложняя в некоторых вопросах. В первую очередь это происходит благодаря лавинообразному увеличению объёма обрабатываемой информации. Принятие качественных управленческих решений становится возможным в случае использования и обработки больших информационных массивов. Очевидно, что обработка большого количе-

ства информации в сфере местного самоуправления становится невозможной без использования современной компьютерной техники и коммуникационных сетей. Однако в Украине наблюдается торможение процессов использования компьютерных технологий в органах публичной власти. И это не потому, что информатизация не нужна местным руководителям. Просто местные бюджеты настолько бедны, что органы местного самоуправления не в состоянии позволить себе такие расходы. Кроме того, ряд государственных правовых актов, принятых в конце 90-х годов, практически запрещал органам местного самоуправления приобретать компьютерную технику за счёт бюджетных средств. Ещё одной причиной является то, что многие управленцы, особенно старшего поколения, недооценивают роль применения компьютерных технологий в процессе функционирования органов местного самоуправления. Уровень их компьютерной грамотности достаточно низкий, К тому же традиции административнокомандного менеджмента, носителями которого они являются, предусматривал другой стиль работы [3].

В общем виде перспектива улучшения информационного обеспечения функционирования системы местного самоуправления в Украине связана с решением целого комплекса вопросов правового, организационного, методического характера. И прежде всего – это необходимость централизации информации на основе создания единой для всех структур местного самоуправления информационной системы банков данных. Целесообразным является разработка и функционирование системы, позволяющей охарактеризовать информационный «образ» территории – специфику структурных особенностей производства, его объемы, уровень экономического и социального развития, состояние экологической ситуации, качества жизни населения. Также важным является унификация веб-сайтов органов местного самоуправления с точки зрения предоставления информации, позволяющей населению оценивать эффективность и результативность публичной власти.

Библиографический список

- 1. Про місцеве самоврядування в Україні: закон України від 21 трав. 1997 р. № 280 / 97-ВР. Режим доступу : http://zakon1.rada.gov.ua.
- 2. Про внесення змін до Закону України «Про інформацію»: закон України від 30 жовт. 2010 № 2724-VI. Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua.
- 3. Куйбіда В. С. Принципи і методи діяльності органів місцевого самоврядування : монографія. К. : МАУП, 2004. 432 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. В. Фомичёв, Б. С. Кондратьев ЗАО Эр-Телеком Холдинг, Санкт-Петербургский Государственный Политехнический Университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The paper raises the issue of the use of artificial intelligence, intelligent systems, artificial intelligence systems in the area of policy researches.

Authors support the position, stating that in policy researches it is virtually impossible to ignore modern methods and techniques that use natural language, descriptive information, algorithmic approaches.

The papers mentions the need to model the political situation, to resolve problematic tasks of various nature by the means of artificial intelligence systems, taking into account the number of factors: uncertainty of available information, lack of the proven solving algorithm, some unavoidable problems in the process of using and understanding of the natural language.

Summarizing, the need for common, often heuristic, knowledge in resolving problems based on a means provided by artificial intelligence systems, is stated.

Key words: intelligent systems, policy researches, algorithm.

Введение и постановка задачи. Главной задачей данного исследования является выявление особенностей и преимуществ использования основ искусственного интеллекта (ИИ) и систем искусственного интеллекта (СИИ) в проведении политического исследования.

В настоящее время исследователями в области теории игр накоплен большой опыт в разработке различных стратегий, позволяющих проигрывать множество ситуаций поведения политических акторов, делать прогноз и в некоторой степени манипулировать политическим процессом.

Основными представителями теории игр, применявшими (с различной полнотой) свои модели к политике, можно назвать: Джона фон Неймана и Оскара Моргернштерна (игры с нулевой суммой), Рейнхарда Зельтена (игры с полной информацией), Джона Харшаньи (игры с неполной информацией) и других. Можно отдельно подчеркнуть монографию Томаса Л. Саати «Математические модели конфликтных ситуаций», где автор показывает возможность применения количественных методов анализа в таких трудно формализуемых областях, как социология и политика.

В политике (области политики) игровые модели нашли широкое применение. Особенно в международных отношениях: политике сдерживания и кризисного реагирования (Брюс Буэно де Мескита и др.); соглашениям по контролю над вооружениями (Дональд Виттман, Джордж Даунс и др.); двухуровневому (внутреннему и международному) процессу принятия решений (Йонгрин Мо); формированию международных альянсов (Джеймс Морроу); международно-

му лидерству (Джеймс Эльт), сложных конфликтных ситуациях в области международных отношений (Томаса Л. Саати) [1–3].

Важно, что в моделях указанных авторов учитываются такие факторы, как: особенности среды, ресурсы акторов, цели и задачи акторов и пр. – т. е. моменты, которые на сегодня ЭВМ может «просчитывать» достаточно уверенно, давая, в среднем, достоверный результат.

Преимуществами использования таких моделей является большая достоверность при выполнении хорошо формализованных задач: «Ценность этих моделей заключается в отчётливой формулировке критериев и основных особенностей моделируемой ситуации. Это важно для правильного подхода к задачам и для чёткого определения ограничений в виде «возможных ходов... Сама необходимость сформулировать правила игры заставляет исследователя задать себе целых ряд весьма существенных вопросов, выясняющих сущность задачи» [2].

К недостаткам следует отнести: относительную ограниченность и негибкость современных моделей: «Главная проблема здесь не в отсутствии рациональности поведения государств на международной арене, а, скорее, в правильной оценке альтернатив со стороны различных государств. Зачастую шкала ценностей одного государства не совпадает со шкалой другого, — например, вместо вполне осязаемых торгово-экономических преимуществ на первое место становятся соображения имиджа, моральные нормы, другие обстоятельства, которые должен увидеть исследователь» [2].

Имеются и игровые модели с учётом отдельных аспектов из проблематики моделирования творческого мышления, которые входят в область интересов научно-практического направления «Искусственный интеллект» (ИИ) [4–7]. Они оказывают важное влияние в решении (точнее разрешении) ряда сложных проблемных ситуаций реальной политики и социальной политики.

Укажем, что главной особенностью обычных игровых моделей (которое выступает и как достоинство, и как недостаток) можно назвать необходимость чёткой формализации задачи. С позиций же разрешения задач творчества области ИИ (а к ним относятся те самые различные области, где мы действуем, не имея точного алгоритма и классического метода решения), они обладают, в общем, двумя характерными особенностями:

- 1. В них используется информация в символьной форме (буквы, слова, знаки, рисунки). Это отличает область ИИ от традиционных, где компьютерам доверяется обработка данных в числовой форме;
- 2. В них предполагается наличие выбора: действительно, сказать, что не существует алгоритма это значит сказать, по сути дела, только то, что нужно сделать выбор между многими вариантами в условиях неопределённости информации. И этот недетерме-

низм носит фундаментальный характер или свобода действия является существенной составляющей интеллекта как такового.

В связи с тем, что в ИИ особое значение придаётся символьной, а не числовой информации, начальными областями исследований стали математика и различные игры. Как отмечает, например, Ж.-Л. Лорьер «...Обе эти сферы оказались хорошо формализованы, а кроме того, сами эти области являются примерами высших достижений человеческого разума» [4].

Следует указать «первичные модели», от которых отталкиваются исследования в науках. Например, если «дрозофила» является таковой для генетики, то «шахматы» (игра в шахматы) является таковой для искусственного интеллекта.

Вообще же представлениям, моделям и особенно самому моделированию сложных, динамических систем с человеком, причем с учетом собственно творческой деятельности(и опыта творчества) человека в ракурсе ИИ, интеллектуальных информационных технологий и систем уделяется особое внимание исследователей [4–8]. Укажем лишь, что интерес представляет язык образов, выраженный, например, на естественном языке.

Отметим сжато наиболее общие моменты. В области ИИ, при исследованиях применимости моделирования ЖСЧ (живых систем с человеком) с позиций ИИ (с позиций «человекосходства»), основным методом выступает логико-лингвистическое моделирование и программирование, так сказать «окрашенные красками семантического уровня информации». Это исходит из составляющих информации как «сообщения».

Однако не следует понимать информацию в зауженном техническом лишь смысле «сообщения». Также «...совершенно необязательно связывать с понятием «информация» требование её осмысленности, как это имеется в виду при обычном, житейском понимании этого термина», – как говорил академик В. М. Глушков в книге «Кибернетика. Вопросы теории и практики. 1986 г.» [8]. Следует также различать информацию, данные и знания, как подчеркивается многими авторами. В популярном изложении это поясняется Д. Мичи в книге «Компьютертворец» [6], а также в более специализированных работах.

Установлены такие основные составляющие информации: количественная (оценивается мерой), семантическая и прагматическая составляющие.

Относительно термина «информация» только заметим, что информация – это общая категория, входящая в современное миропонимание, и, как подчёркивается сейчас, категория, парная с материей. Надо здесь иметь в виду, что «язык» информации входит в любое наше описание реальности. В этом смысле наш естественный язык (ЕЯ) – не единственный «язык», хотя и необходимый, исключительно важный при любом общении людей (входит в представле-

ние о «ноосфере» и/или является важным в информационнокоммуникативном смысле с учётом специфики человека). Однако он не является единственным способом достижения, например, взаимопонимания людей. Из практики жизни, позитива опыта успешной жизни цивилизации и социумов известно, что в понимание политики, реальной политики, социальной политики обязательно входит культурное сотрудничество, достигаемое разными информационными подходами, средствами и методами. Здесь большая роль в достижении позитивов общения и согласия отводится именно ЕЯ. В общем же смысле, в ИИ и СИИ специально выделена проблемная область – проблема понимания естественного языка.

II. Как уже упоминалось во введении, использование современных моделей обеспечивает получение достаточно достоверного результата. Однако в условиях необходимости чёткой формализации задачи и ограниченности производимых операций в современных моделях, удаётся моделировать «усредненного» актора: «...Уровень человека средних способностей был ими (игровыми моделями) быстро превзойдён, однако уровень хорошего математика не достигнут до сих пор....» [6]. Здесь стоит подчеркнуть более обобщённо, что анализ современного этапа развития ИИ (точнее области синтеза наук и направлений объединённых идеологией ИИ) говорит нам о том, что «..Моделировать человека, деятельность человека во всей его полноте, мы ещё не можем, а моделировать его творческую, профессиональную его деятельность мы обязаны» [5].

При всей успешности использования лишь игровых моделей они пока не могут помочь исследователю в разрешении проблемной ситуации со следующими характеристиками:

- 1. Условия и правила ситуации до конца не определены;
- 2. Если мы имеем дело с более сложным вариантом (с точки зрения поведения актора), который невозможно решить методами, предложенными в моделях игр даже с неполной информацией;
 - 3. Алгоритма решения проблемы ещё не придумано;
- 4. Трудность в чёткой постановке вопроса исследования, как этого требуют игровые модели, т. к. мы сталкиваемся с 4 недостатками ЕЯ.
 - «ЕЯ неполон, неточен, недостаточен и избыточен» [7].
- 5. Необходимость решения проблемы донесения (понимания, интерпретации знаний, формализации и представления), где проблемы умолчаний-соглашений в ЕЯ типичны, как и для информационного (системного) алгоритмического подхода;
- 6. Необходимость учета в модели аспектов, оказывающих влияние на результат: скрытые знания, интуиция, опыта творчества (это особо сложный случай, включающий переосмысление самого понятия «знания» в ракурсе ИИ);

7. Решение задачи в условиях недостатка времени и ресурсов. В современном понимании – ограниченности ресурсов.

В ряде работ специально рассматривается информация как ресурс. Следует, однако, иметь в виду две позиции: пассивное (фиксирующее событийность, данностно-фактное) и активное отношение (творчески созидательное и более отвечающее идеологии и задачам ИИ). И то и другое базируются на системном видении и на системном или общесистемном, с учётом информации, подходах. Отношение к проблеме интеллекта и его ядру — творчеству (творческому мышлению и деятельности) как таковому, как известно, не ограничивается лишь ориентацией на потребление объектов, интерпретируемых как «продукты», в том числе и информационные. Если продолжить, то несложно увидеть разность позиции «выживания, приспособления» и «возрождения как активного преодоления», особенно важных при рассмотрении социумов и интеллектуальнодуховных, свойственных им приоритетов развития.

Как преодолеть эти проблемные ситуации?

Применение алгоритмического подхода в игровых моделях даёт свои плоды. Однако не позволяет исследователю решить проблему, включающую в себя вышеперечисленные 7 пунктов. Причём, обычно, под алгоритмом понимается вся последовательность заданных действий, которые хорошо определены, выполнимы на современных ЭВМ, а решение задачи должно получаться в приемлемое время (разумного порядка). Так, например, неизвестен алгоритм для игры в шахматы. И хотя эта игра имеет конечное число ситуаций, рассмотрение их всех потребовало бы тысячелетий. Аналогичным образом не существует общего алгоритма медицинской диагностики, составления резюме текста или перевода его на иностранный язык.

В противовес этому в области ИИ достигнуты уже впечатляющие результаты фундаментального свойства. Так, в современной практике уже достигнуты успехи в шахматной игре «блиц» с участием Каспарова (состоялась игра: компьютер с «элементами ИИ» и гроссмейстер). Машина победила гроссмейстера.

III. Что нужно чтобы решить эти 7 проблем как творческие задачи?

Нужен новый инструментарий, использующий не алгоритмический (и фактно-описательный системный) подход, а созидательно-творческий (системообразующий), одновременно в «конструктивном» метаматематическом смысле. Это вытекает из работ по основаниям математики (области металогики). Так, для «школы интуитивистов от Брауэра», «конструктивная математика» была уточнена А. Н. Колмогоровым (А. Н. Колмогоров. Теория информации и теория алгоритмов. — М.: Наука, 1987). Он обосновал трактовку ин-

туиционистской логики как «конструктивной логики», принятой научным сообществом и получившей в дальнейшем свое развитие.

Кроме того, говоря об инструментарии моделирования ЖСЧ необходимо учитывать собственно человека, его информационную атрибутику. В частности процессы мышления также относят к области информационных процессов. Языки символов, образов, различных геометрических, графических, помимо собственно ЕЯ, входят в эту область. Общая правомерность применения ИИ в ракурсе интеллектуальных или новых информационных технологий, интеллектуальных систем и систем ИИ считается признанной.

Говоря о проблеме творчества, исследователь сталкивается с проблемой анализа и разрешения проблемы интеллектом, с помощью интеллекта, точнее при раскрытии его возможностей и механизмов.

Интеллект же помогает исследователю решать задачи (разрешать творческие задачи), если он не знает алгоритма. То есть в общем смысле имеет место ситуация разрешения творческой задачи в условиях неопределённости информации. При этом он же использует скрытые знания, опыт и интуицию и иногда создаёт новое, «генерирует» новые знания. И, как мы знаем из опыта жизни, ему часто удаётся успешно решать задачу (разрешить творческую задачу).

Ответ на вопрос «Почему область ИИ подходит для разрешения даже сложнейших социумных вопросов?», выявляет интеллектуальный «языково-инструментальный» аспект возможностей и потенциал, а также раскрывает новые познавательные и мировоззренческие проблемы. Это «формирует» представления и системно организационные аспекты ряда проблем мышления.

Проясним некоторые моменты с учётом формализмов системности подхода и с учётом представлений об информации. Так, инструментарий понимается здесь как система, или, говорят, представляет, определяет (def. — дефиниция, обозначается знаком равенства «=») собой систему (S) взаимодействующих элементов, связанных по разному (в модельном смысле) с учётом введения тех или иных дополнительных описательных характеристик. Например, приняты такие формализмы записей. Это первичная, формализованная, запись системы S = (A, R) и/или запись Π . фон Берталанфи: Π 0 или более расширенно Π 1 учетом Π 2 иножество элементов, Π 3 связей, целей Π 3 характера отношений и наконец «участия» человека Π 4 и других компонент. В несколько обобщённом виде инструментарий очевидно включает: Люди & Средства.

Входящие в скобки члены A, R и т. д., где A – это элементы (или комплексы), представляют из себя множества в математическом смысле. Например, A это множество {Ai}. С познавательных позиций это существенно. Особенно исходя из специфик математических объектов – множеств. Множества бывают: счётные, несчётные, конечные,

бесконечные, плотные и неплотные, измеримые и неизмеримые (введённые с учётом общей теории меры и её современного развития).

Теория множеств (и теория чисел) составляют фундамент, являются основаниями всей современной математики и любых областей применения её языка (как в гуманитарных, естественных, так и технических областях знаний). На этом существенно базируются матлогика, металингвистика и другие области метазнаний. В том числе составляющие основы ряда теоретических положений ИИ и СИИ. Интересно отметить, что до сих пор остаётся значимой, имеющей крайне высокую общепознавательную ценность, известная классификация основных математических школ (из оснований математики) на логистов (от Б. Рассела), интуитивистов (конструктивная математика) от Брауэре, и формалистов от Гильберта.

Логично теперь задаться целевым требованием-назначением системы, или тем, что и как она должна обеспечивать. Для этого потребуется определённая модель организации системных взаимодействий с включением человеко-машинного (Ч-М) взаимодействия, т. е. с включением в общее информационное пространство всё расширяющегося подмира Ч-М взаимодействий. Можно показать, что формальным описанием систем, как приведено выше, нельзя обойтись. Кроме того, мы здесь имеем дело с так называемыми живыми системами (моделями систем с человеком), или сокращенно ЖСЧ. Эти системы относятся к динамическому типу в классификации моделей. Моделирование таких систем в ракурсе метафор познания становится всё более определяющим подходом и общим методом познания, особенно с учётом быстрого развития компьютеростроения и роли ИИ в архитектурах сверхкомпьютеров (интеллектуальные или семантические машины это и машины параллельного действия, которые базируются на задачах человекосходства, области ИИ).

В методологическим смысле всё более осознаётся необходимость применения комплексных и системообразующих подходов при изучении практически всех жизненно важных областей деятельности и знаний с учётом актуальности тезиса «ближе к человеку, а человека к природе» (вытекающих из принципов экологии жизни, актуальности современного антропоподхода, учёта единости природы-человека-общества).

Всё более осознаётся реальная ограниченность человеческих возможностей (с учётом времени и иных аспектов). Эта проблема становится всё более актуальной именно теперь. При этом постановки задач без выявления творческой задачи об осознаваемой социумной ответственности (включая социальные, психологические, поведенческие, экономические, политические, управленческие и другие аспекты), представлений и даже рабочих «однородных» моделей – явно не достаточно.

Однако одно дело «говорить» об этом или писать на ЕЯ, другое – создавать и испытывать модели, уменьшая прямые испытания на людях (это, кстати, является одной из актуальнейших социальных задач ИИ). Здесь, конечно, кроме собственно «решателей» творческих задач весьма нужными и даже необходимыми становятся представители ряда общественных, политических и институционально государственных организаций. Большую роль играет также донесение сказанного до общества. Очевидно, что здесь потребуется осознание новых черт «созидательной перестройки» мышления. Например, в области общего и специального образования – условно называемой «социумностью образования», говоря словами одного из авторов данной работы (мы здесь, с позиций главной задачи исследования, не касаемся специальных работ, посвящённых этому аспекту).

Вышесказанное в определённой степени является своеобразным отображением восприятия «опыта жизни», «обобщением позитива опыта ищущих Истину как Правду», зреющим самоосознанием своих возможностей в единстве с жизнью и развитием социума (проблемой социумного возрождения). Однако отметим, что в большинстве случаев попытки сопоставления видения (ракурса) и оценок себя в сопоставлении с реалиями жизни практически не делаются или не делаются вовсе. У нас и здесь проявляется своеобразие. Например, наблюдается своеобразие некомпетентности власти и ставящихся ею «острых» политических задач – при явном выраженном негативе идеологии вещизма, уже отторгаемого многими народами и социумами. Это вызывает естественное отторжение большинством людей, осуждается и факт превращения «удовлетворения потребностей» в потребительство всего. Фактически, в фетишизацию товара, овеществление или в идеологию «глобализма потребительского вещизма». Идущие при этом процессы сопровождаются «обслуживателями» таких интересов, да ещё с учётом намеренной гиперполитизацией, часто и приятием чисто идеальных моделей-фетишей, являющихся всего лишь карикатурами – при научном рассмотрении явлений социальной реальности. Здесь велика роль «трактователей» мнений, описателей разного рода, множества «любителей слова в принципе, а скорее, потребителей», множественности по сути идеологического информационного шума. Важно, что серьёзных исследователей языка политических знаний, причём ответственно стоящих и действующих на позициях общих знаний (куда всегда включаются и эвристические знания) объективно становится всё меньше.

Очевидно, что для преодоления указанного негативизма требуется качественные изменения в отношении к роли языка политики, учёту научных основ моделирования, выявлению особенностей ЖСЧ, разработке соответствующих информационных интеллектуальных моделей (на основе ИИ), как известно предполагающих семантический уровень работы с информацией при создании интеллектуаль-

ных (творческих) систем, основанных на знаниях. Это приводит нас к задачам актуализации «политических практик», к ответственности, к повышению осознания исходов политической деятельности. Однако мы здесь сталкиваемся со сложностями трактовок определений политики, политических наук и политологии. Это обусловлено в значительной степени общей интерпретационной сложностью при использовании ЕЯ (о чём говорилось ранее), что в ряде случаев делается спекулятивно или намеренно. В ряде работ по политологии специально подчёркивается это обстоятельство, но соответствующих выводов о языке, особенно его инструментальной части не делается.

В связи с этим всё более очевидным становится привлечение возможностей и потенциала интеллектуальных систем, опирающихся на моделирование опыта творчества высококвалифицированных специалистов, экспертов и, что важно, с учётом особого, принципиально нового, по сравнению с использованием обычных информационных систем, характера коммуникативных взаимодействий. В ряде случаев имеет место особая форма взаимодействия — «взаимосодействие» (судя по всему, этот термин, впервые введён академиком Анохиным, и используется в «языке» интеллектуальных систем).

Как известно, в сфере деятельности ИИ, при создании (здесь имеется ряд системно связанных этапов) СИИ и даже их эксплуатации, особенно экспертных систем (ЭС) нового поколения (ряда обучающихся и самообучающихся систем Ч-М взаимодействий) творческая связь не прерывается. Это связано с живой формой общения на ЕЯ (или ограниченном ЕЯ, ОЕЯ), наличием подсистемы объяснений, входящей в ЭС, и «диалогом». Причём на фазе создания (здесь специально, исходя из главной задачи работы, мы не касаемся широкого спектра современных информационных систем САПП и САПР, в которые также входят ЭС) происходит творческое соучастие при ответственности всех сторон. К участвующим сторонам относят, обобщенно говоря: заказчика и/или пользователя, эксперта, когнитолога («инженера» по знаниям) и программиста. Раскрывающийся смысл таких взаимодействий в значительной степени характеризуется нами и как новый этап развития социумности взаимодействия в информационном пространстве. Он носит распределённо-системный и открытый характер.

Не сложно понять, что объективно уже идёт процесс общего формирования нового характера коммуникационности и, в связи с этим, это требует качественно новой концепции политики и поведения власти, а также и адекватного восприятия этого людьми и обществами. Это требует также своего языка донесения. Язык же области политики, особенно политических знаний, остро требует переосмысления, прежде всего с учётом преодоления фактноданностного и утилитарно потребительского, часто спекулятивного, «настроя», во многом давящего и «пассивирующим» интеллект со-

циумного сознания. Не дающим возможности осознать деятельную важность роли творчества и помогающих ему (сопряжённых с ним) инструментальных аспектов.

Отношение к творчеству (и реализуемое в ракурсе ИИ) теперь приобретает особый, новый смысл и на деле становится движущей силой. Однако совершенно необходимым становится вопрос «образованности». Он осложняется традиционностью «образования без нацеленного внимания на проблему мышления». Это отмечается многими специалистами из области ИИ и специально рассматривается рядом авторов (со списком работ можно ознакомиться на официальном сайте Фомичёва А. В.: www.avfomichev.ru).

Отметим ряд моментов. Современное образование традиционно строится на программах. Например, Ж.-Л. Лорьер отмечает на примере математики: « ...учащимся преподают математику по программам, а не учат математическим навыкам и умениям...Лишь немногие стоят на позициях «активного» обучения, учат индуктивным рассуждениям, изучают способы мышления, эвристику в педагогике...(речь идёт об изучении самого преподавания как явления, его познавательных аспектов с точки зрения техники преподавания с учётом оценки этого явления во всех его сложностях)... Имеется очень мало публикаций, где математики объясняли бы как именно они пришли к какому-то выводу...В ИИ исследователи из разных сфер деятельности интересуются именно этим эвристическим этапом».

Занимаясь этими фундаментальными аспектами нашего образования, один из авторов обратил внимание на эти и другие обстоятельства. Он показал, что требуется переориентация мышления, по сути обеспечивающая интеллектуально-творческую, социумновозрожденческую направленность. Возможность этого продемонстрирована в работах и апробациях, а также в модели, касательно новой общей системы образования, обеспечивающей принцип «социумности образования». Можно показать общую и историческую преемственность этой модели. Например, можно показать, что это находится в соответствии с общегуманистическими положениями, ролью «антропознаний» (область антропсихологии), в ракурсе общезначимых проблем человекознания (материалы представлены в сборнике Б. Г. Ананьева «О проблемах современного человекознания». – СПб.: Питер, 2001).

С позиций открытости и доносимости политики и политологических знаний следует отметить следующее. Использование инструментальных возможностей ИИ позволит повысить открытость и доносимость (и тиражируемость) результатов исследований, например, различных политиков и политологов. Это означает и нивелирование характерной позиции политологии: «Будучи наукой для избранных, реальная политология является недоступной для большинства населения земного шара» [9]. При этом реальные задачи

области политики становятся творческими задачами ИИ и СИИ. Тем самым уменьшается элитарная замкнутость идеальных политических моделей и политических аспектов отмечается в [10, 11].

С позиций же основ ИИ и адекватного понимания творческих задач в ИИ, модельно, прогностически и инструментально реализуемых в СИИ (особенно ЭС), можно воспользоваться здесь соответствующими разъяснениями из уже цетированного ранее Ж.-Л. Лорьера:

«Всякая задача, для которой не известен алгоритм решения, априорно относится к ИИ... Отметим, что понятие «решение» в данном случае используется в самом широком смысле. Речь идёт, скорее, о постановке, анализе и представлении конкретных ситуаций, чем о самом решении... Речь идёт о задачах, встречающихся в повседневной жизни, в исследовании операций или в математике, для которых требуется изобретательность и способность к обобщению. В частности, например, роботы, должны быть способны решать такие задачи, решение которых мы получаем непроизвольно, например встать на что-нибудь, чтобы достать некоторый предмет, или зажечь свет, чтобы лучше видеть.... А также повторим, что к сфере ИИ относятся те весьма различные области, где мы действуем, не имея абсолютно точного метода решения проблемы, и которые обладают в общем двумя характерными особенностями:

- в них используется информация в символьной форме: буквы, слова, знаки, рисунки. Это отличает область ИИ от областей, в которых традиционно компьютерам доверяется обработка данных в числовой форме;
- в них предполагается наличие выбора; действительно, сказать, что не существует алгоритма, это значит сказать, по сути дела, только то, что нужно сделать выбор между многими вариантами в условиях неопределённости, и этот недетерминизм, который носит фундаментальный характер, эта свобода действия являются существенной составляющей интеллекта».

Часто задаётся вопрос «Что есть интеллект и как работает именно человеческий интеллект?» — другой, крайне сложный вопрос, на который исчерпывающего, полного, ответа пока что не дал никто. Но то, что процессы работы интеллекта можно моделировать — доказано.

Системы, основанные на моделировании творческой деятельности человека — это системы ИИ и в том числе ЭС (относящимися к интерактивным СИИ). Моделирование творчества человека (точнее человека-эксперта, высокого профессионала особенно) чрезвычайно актуально само по себе. Иногда иронично говорят «на каждого — гуру не напасёшься». Это не так, как видно из работ по СИИ (здесь требуется, однако, и осознание больших сложностей и «передачи» творчества, накопленного опыта создателям и разработчикам СИИ). Моделирование помогает нам не только находить интересные и нестандартные решения по интересующим проблемам, но и помогает лучше понять

работу самого интеллекта тем самым концентрирует наше внимание на большем осознании себя «человеком». При этом, в общем то, «освоение темы интеллектуального моделирования» оценочно проверяет нас не только с узко профессиональных интеллектуальных позиций, как кажется с первого взгляда, но и развивает нас, снабжая самооценкой (об этом свидетельствует многолетний опыт исследований). Благодаря ему мы расширяем и углубляем познание человеческой сущности в мироздании и уже более осмысленно можем создавать собственно творческих помощников как-то «интеллектуальных интерфейсов» представленных в реализации Ч-М системами, например в системе Пользователь-ЭС.

А вопрос о том, может ли машина, созданная на основе моделирования творческой деятельности человека, мыслить - в максимально доступной форме даётся ответ рядом крупных специалистов в области ИИ (проблематики ИИ, по своему смыслу являющейся общенаучной, междисциплинарной или говорят иногда «метаобластью знаний»). Так, Д. Мичи в книге «Компьютер-творец» высказывает мысль: «Не стоит бояться, что в обозримом будущем всё, что нужно, сделают за нас роботы. Да и нет особой надежды на то, что машины обретут способность к высокому («уровня гениев» – уточнение авторов) творчеству. И было бы ошибкой тратить много времени на обсуждение вопросов: «Могут ли машины мыслить?» и «Могут ли они творить в истинном смысле слова?». В тех рамках, в каких это нужно нам для практических целей, безусловно, могут... Чтобы мы могли понять работу машин, нужно научиться организовывать её по образу и подобию работы человеческого мозга» отвечает ряд исследователей ИИ.

метафоричность При этом, однако, следует иметь в виду научно-практического, общезначимого ИИ как направления человеческой мысли. «Искусственный интеллект это метафорическое научно-практического направления название занимающегося моделированием творческой деятельности человека»[5], неоднократно подчёркиваемое одним из основателей школы моделирования и основ ИИ профессором С. Л. Кондратьевым. Так, определение, включающее «....функциональное моделирование творческой деятельности человека...» отмечалось ещё до принятия научным сообществом самого термина «искусственный интеллект» профессором С. Л. Кондратьевым в 60-70-х гг. ХХ века.

Исследования, продолженные после 60–70-х гг. им и его научной школой, проявились и в сложных 90-х годах XX века. Они нашли отражение в современных научных исследованиях и работах в различных областях, в разработках и лекционных материалах как его, так и его продолжателей.

Следует здесь подчеркнуть ещё раз, что ряд аспектов проблемы «человекосходства» в основах ИИ исключительно важен. Он

фактически впервые был обоснован в работах проф. С. Л. Кондратьева (имеются ссылки в Интернете, а также в сборнике «Профессора СПб ГТУ. – СПб.: СПБГТУ, 1996», отмечено в лекционных материалах одного из авторов данной работы).

Сжато изложим отдельные особенности метода функционального моделирования для интересующихся более серьёзным уровнем научных знаний.

В ракурсе использования языка математики, проблематики моделирования сложных систем общего типа, ЭТИ материалы затрагивают основы (основания) математики, аспекты метаматематики, а также основы теории и практики информационного Это осуществляется путём введения моделирования. утверждений и затем их доказательства. В частности это касается обоснования применимости принципов теории необходимости их введения в сами основы метода функционального моделирования. Из анализа материалов и ряда обсуждаемых тем вытекают основания функционального моделирования и приложения его к практике. При этом уточняется само понятие «функциональное моделирование». Оно всегда, в динамическом реальном приближении говоря, (современно процессном представлении В динамических систем) выступает и как «структурно-функциональное» представление. Однако, как подчёркивается С. Л. Кондратьевым, с функциональности vчётом первичности (для обеспечения «жизнедеятельности» систем) ЭТО особенно актуально для общезначимой проблемной области систем обработки информации.

В материалах монографии важнейшей частью выступает сопоставительный анализ типов сходства (ot толерантности, эквивалентности, изоморфизма, подобия К тождеству). обосновываются положениями теории отношений, в свою очередь применёнными с учётом языка множеств и ряда положений о отображений (используется функциональности аппарат операторной и матричной форме) для практически положений теории групп (в данном случае обоснуется применения непрерывных групп Ли). Подчеркнём здесь, что этот метод особенно полезен и до сих пор практически реализуем информационно, информационно- технически (не «бумажно») на ЭВМ (компьютерах). В монографии специально исследуются вопросы теории групп, общегрупповых особенностей (например: дискретные, непрерывные свойства). При ЭТОМ показывается необходимость использования именно непрерывных групп Ли.

Эти и другие фундаментальные основания были непосредственно отображены в основах введённого метода функционального моделирования и затем успешно проверялись на практике.

Роль Ч-М систем особенно важна. Так, именно ЭС наиболее адекватны основным идеям и задачам ИИ, хотя в классификацию

СИИ входят информационно-поисковые (семантические) и расчётно-логические (семантические) системы.

Конечно, их нельзя тождественно сопоставлять (отождествлять) с мозгом человека (работой мозга) по многим параметрам. Но то, что машина, используя соответствующий язык программ с заложенными эвристическими механизмами, способна выдавать и даже генерировать новые знания и оригинальные решения – это известный и достоверный факт. Так, нахождение и формализация этого заняли бы огромную часть физического времени, что практически невозможно в условиях его цейтнота. Это обстоятельство является одной из общих задач всех информационных систем, и одновременно одной из важных задач ИИ, реализуемых СИИ. Умножим интеллектуальные возможности ЭС на мощность ОЗУ и ПЗУ – и получим универсального помощника. Но таким универсальным и неоценимым он станет для нас, если мы научимся с ним эффективно взаимодействовать. Поэтому встают творческие коммуникационные задачи, которые должны выполнять СИИ, особенно интерактивные или, обобщённо говоря - ЭС. Здесь мы обобщенно так обозначаем спектр интерактивных СИИ, например: ЕЯ систем общения, и собственно различные ЭС, как и ряд других систем Ч-М взаимодействий. При этом, акцентируя внимание на обязательной для всех творческой черте – интеллектуальной интерфейсности.

Системы Ч-М взаимодействий должны отображать сами целевые установки и задачи - для чего создаются и используются СИИ. В работе [5] отмечается, что под системами искусственного интеллекта (СИИ) понимаются системы способные:

- 1. Обучаться, то есть приобретать, накапливать и использовать знания либо от человека, либо самостоятельно, получая информацию из внешней среды.
- 2. Принимать решение хотя бы при некоторых условиях и (или) на определённых интервалах времени. Возможно, совместно с человеком, но по возможности самостоятельно.
- 3. Взаимодействовать с человеком (пользователем, исследователем) на ЕЯ или хотя бы на ОЕЯ (ограниченном ЕЯ).

В развитие сказанного укажем, что под пользователем здесь пока (к настоящему времени) понимается специалист общего уровня. Он характеризуется как «интеллектуальный пользователь информации», отмечен в лекциях, подготовкой которых и занимается один из авторов.

Отметим также иные аспекты Ч-М взаимодействий с учётом СИИ:

– удобный и гибкий интерфейс между исследователем и ЭС, т. е. чтобы машина «понимала» что мы хотим от неё, а мы понимали её формальные выводы и её «логику» на ЕЯ или хотя бы ОЕЯ (ограниченном естественном языке).

– в ракурсе отлаженной схемы работы самой исследовательской группы и преодолении множества проблем во взаимодействии на ЕЯ.

Таким образом, общим информационным моделям систем (что кратко разъяснено) и в частности игровым моделям систем, использующим в целом алгоритмический подход, приходят на смену интеллектуальные системы. Предпочтительны ЭС (нового поколения, например, самообучающиеся), которые в чистом виде являются интерактивными СИИ, способными заниматься моделированием творчества человека с учётом обязательной подсистемы объяснений и иных возможностей). В свете указанных выше 7 проблем обычные игровые модели не могут действовать интеллектуально. У систем Ч-М интеллектуальных взаимодействий, ЭС во взаимодействии с человеком – на порядок больше шансов преодолеть эти трудности.

Выводы:

Современные общественные проблемы и процессы усложняются. Существующие модели, нацеленные на анализ, прогнозирование и разрешение политических и социальных вопросов, не справляются в полной мере с их разрешением. Следовательно, они нуждаются в преобразовании. Как с содержательной, так и с формальной (системно-организационной) точек зрения. По мнению авторов и ряда специалистов в области ИИ такими преобразованиями должны быть: использование языка ИИ, и интеллектуальных систем, экспертных систем в жизни и деятельности. При этом происходит наполнение информационного коммуникативного пространства содержательной мощью знаний (с обязательным учётом опыта их получения и открытого их донесения), идеально модельно представляемой уменьшением «информационного шума». А организация Ч-М взаимодействий с включением «интеллектуального интерфейса» в значительной степени позволит прогнозировать, более разумно использовать социумные возможности. Повысит возможности творческой самореализации с учётом социумного единения, обеспечит большую предсказательность нашей деятельности в социально-политическом смысле.

Библиографический список

- 1. Вильямс Дж. Д. Совершенный стратег или букварь по теории стратегических игр / пер. с англ. М.: Советское радио, 1960.
- 2. Дегтерёв Д. Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. 2009. N° 2. С. 58—72.
- 3. Саати Л. Томас. Математические модели конфликтных ситуаций. М. Сов. Радио, 1977.
- 4. Поспелов Г. С. Искусственный интеллект основа новой информационной технологий. М.: Наука, 1988.

- 5. Кондратьев Б. С. Введение в общую проблематику новых информационных технологий. Основы искусственного интеллекта. Курс лекций / под общ. ред. проф. Кондратьева С. Л. СПб.: СПбГТУ, 1997.
- 6. Мичи Д., Джонсон Р. Компьютер-творец. М.: Мир, 1987.
- 7. Лорьер Ж.-Л. Системы Искусственного Интеллекта. М.: Мир, 1991.
- 8. Глушков В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. 1986.
- 9. Политология: сборник / под ред. проф. В. А. Ачкасова и В. А. Гуторова. СПб.: СПбГУ, 2006.
- 10. Фомичёв А. В. Использование системного подхода и моделирования в изучении политических процессов. http://www.avfomichev.ru/public/science/8-ispolzonanie-sistemnogo-poghoda.html
- 11. Фомичёв А. В. Организация политического исследования с учётом использования интеллектуальных технологий. http://www.avfomichev.ru/public/science/6-organizacia-s-ii.html

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Богученков, А. В. Захаров Государственный университет-УНПК, г. Орёл, Россия

Summary. The article reviewed the current understanding of information and communication activities involve the scope of subjects related to the creation, transformation and consumption of information and processes of its transmission. Specificity of the information resource, but its inexhaustible, can manifest itself in its relationship with other economic resources and production factors.

Key words: information and communication activities, information resources, information and communication services.

Процессы информатизации экономики и управления в постиндустриальном обществе сопряжены с тремя видами объектов, которые являются результатом информатизации и объектом куплипродажи в новых условиях: информационные ресурсы, информационные продукты и информационные услуги.

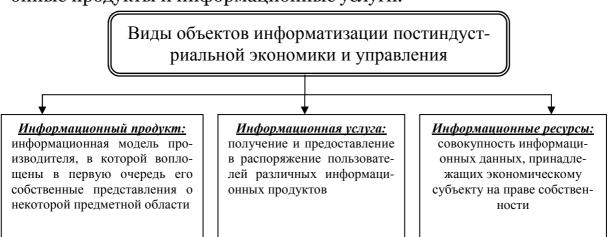

Рис. 1. Виды объектов информатизации постиндустриальной экономики

Первоначально информационно-коммуникационные услуги предоставляли на коммерческой основе предприятия, располагавшие большими вычислительными мощностями для собственных нужд — авиационные, электротехнические фирмы. В дальнейшем, с распространением персональных компьютеров, этот сегмент информационного бизнеса потерял былое значение. Другой вид этого бизнеса — развитие специализированных коммерческих банков данных, услугами которых могут пользоваться различные отрасли, а также предприниматели. В начале 2000-х годов в США насчитывалось 3457 баз данных, общий объём оказанных на их основе услуг оценивался в 7,5 млрд долл. Производство средств программного обеспечения — третий сегмент отрасли информационного бизнеса, значение которого растёт постоянно [1].

Современное понимание информационно-коммуникационной деятельности предполагает сферу деятельности субъектов, связанную с созданием, преобразованием и потреблением информации и процессами её передачи. Таким образом, информационно-коммуникационная деятельность — экономически целесообразное использование и изменение информации в интересах экономических субъектов [4].

Деятельностный подход к определению значимости и разработке понятийного аппарата сегодня реализуется в контексте «экономики знаний».

Информация активно участвует в процессе производства, существенно влияя на производительную силу труда. Воздействие информации на производство связано с её овеществлением в факторах производства, прежде всего, в используемой квалифицированной рабочей силе.

Одним из главных качеств информационного ресурса является его практическая неисчерпаемость. По мере его использования, потребления, по мере развития общества запасы информационного ресурса лишь возрастают. Информационный ресурс не исчезает в процессе производственного использования, а сохраняется и даже увеличивается за счёт конструктивных изменений с учётом накапливаемого опыта и местных особенностей применения.

Специфика информационного ресурса проявляется и в его соотношении с другими экономическими ресурсами и факторами производства. В наши дни информация всё больше выступает не только в качестве дополняющего ресурса, но и как замещающий ресурс, способный замещать материальные и трудовые ресурсы, снижать абсолютные и относительные потребности в последних. Благодаря этому происходит оптимизация общественного производства, изменяется характер и структура общественного труда, растёт его производительность.

По поводу информационных ресурсов (продуктов) в обществе возникают и развиваются экономические отношения. Эти отношения многообразны и совершаются в различных сферах и на различных уровнях: на микро- и макроуровнях, в различных секторах рыночной экономики, между различными субъектами хозяйствования.

В системе экономических отношений по поводу информационных ресурсов (продуктов) основными являются отношения между производителями (продавцами) и потребителями (покупателями) этих информационных ресурсов (продуктов), в том числе по коммуникационным каналам.

Купля-продажа информационных продуктов и услуг осуществляется на специализированных рынках информационных продуктов и услуг, которые принимают товарную форму. Рынок информационных продуктов и услуг представляет собой систему экономических от-

ношений, совокупность товарного и денежного обращения по поводу и в процессе купли-продажи информационных продуктов и услуг.

Основными субъектами информационно-коммуникационной деятельности являются:

- производители баз данных организации, осуществляющие сбор информации и перевод её в машиночитаемую форму;
- интерактивные службы организации, осуществляющие интерактивный доступ к базам данных, т. е. разрабатывающие и эксплуатирующие автоматизированные базы данных, являющиеся основным структурным элементом рынка информационных продуктов и услуг;
- шлюзы, или межсистемные интерфейсы организации, представляющие доступ к другим автоматизированным базам данных;
 - телекоммуникационные службы;
- пользователи, которые в свою очередь делятся на конечных и промежуточных пользователей, или посредников, оказывающих своим клиентам услуги по информационному поиску.

Предприятия, осуществляющие информационнокоммуникационную деятельность, имеют ряд важных особенностей деятельности в рыночных условиях (рис. 2), в том числе:

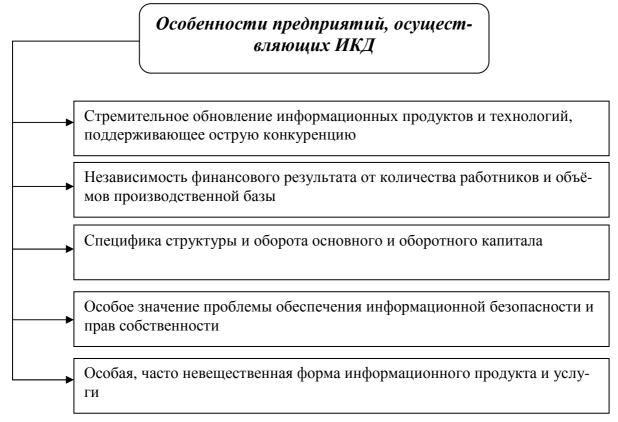

Рис. 2. Особенности предприятий, осуществляющих информационно-коммуникационную деятельность

Информационный бизнес занимает заметное место в структуре экономики промышленно развитых стран. К числу предприятий, специализирующихся на обработке информации, относятся различ-

ные исследовательские центры, институты научно-технической информации, консультативные фирмы, агентства, вычислительные центры и др.

Информационно-коммуникационная деятельность как элемент информационного комплекса — это сфера бизнеса, занятая использованием Интернета и других систем связи для создания, сбора, передачи, хранения, обработки социально значимой информации и т. д.

О. А. Попов выделяет в структуре информационнокоммуникационной деятельности следующие институциональнокоммуникационные компоненты (рис. 3) [3, с. 11].

Рис. 3. Компоненты информационно-коммуникационной деятельности

Таким образом, важнейшим признаком информационной экономики и информационного комплекса является существование собственной институционально-коммуникационной базы, при помощи которой осуществляется проникновение информационных технологий во все сферы и сектора национальной экономики, производящие товары и услуги с использованием достижений современной информатики и компьютеризации.

В информационно-коммуникационной деятельности можно выделить четыре ведущих сектора: производство оборудования, разработка программного обеспечения, услуги в области информационных технологий и телекоммуникационные услуги.

Первоначально информационно-коммуникационные услуги предоставляли на коммерческой основе предприятия, располагавшие большими программными и аппаратными мощностями для собственных нужд — авиационные, электротехнические фирмы. В дальнейшем, с распространением персональных компьютеров, этот сегмент информационного бизнеса потерял былое значение. Другой вид этого бизнеса — развитие специализированных коммерческих банков данных, услугами которых могут пользоваться различные отрасли, а также предприниматели. В начале 2000-х годов в США

насчитывалось 3457 баз данных, общий объём оказанных на их основе услуг оценивался в 7,5 млрд долл. Производство средств программного обеспечения – третий сегмент отрасли информационного бизнеса, значение которого растёт постоянно [3].

По данным журнала «Персональный компьютер» сегодня доля потребления Северной Америки в мировом рынке информационных технологий соответственно составляет 40 % в области средств и услуг телесвязи и свыше 60 % в области микрокомпьютеров и программного обеспечения. Японский рынок, являющийся вторым по величине, потребляет 12–18 % мировой продукции отрасли информатизации, Западная Европа – 25–30 %, из которых на долю Франции, Великобритании, Германии приходится приблизительно по 20 % общего объёма. Доля Азии вместе с другими континентами составляет 5–10 % [2, с. 10].

Как лидеры компании Северной Америки постепенно сдают свои позиции (прежде всего японским фирмам), однако продолжают доминировать среди 100 ведущих компаний мира. Исключения составляют два направления: США доминируют на мировом рынке в области поставок компьютерного оборудования — 75 % и программных средств для коммуникации — 65 %, что, безусловно, связано с наличием такого признанного лидера в этих областях, как фирма «ІВМ». Число 100 крупнейших компаний в области информационно-коммуникационной деятельности в настоящее время входят 18 японских компаний. Однако в настоящее время в конкуренцию на мировом рынке активно включились фирмы Австралии, Кореи, Тайваня и других стран Океании, Юго-Восточной Азии и Карибского бассейна. Сингапур, в частности, стал признанным центром поставок программных средств и других информационно-коммуникационных услуг по всей Азии.

Таким образом, реалии современной экономики и управления подтверждают повышение значимости информационно-коммуникационной деятельности как фактора успешности бизнеса. Информационно-коммуникационные услуги обладают рядом специфических особенностей, которые определяют специфику государственного регулирования данной сферы.

Библиографический список

- 1. Концепция формирования информационного общества в России // Справочная информационная правовая система «Гарант».
- 2. Настоящее и будущее информационно-коммуникационных технологий (Интервью подг. Елманова Н. и Татарников О.) // Персональный компьютер. $2008.-N^{\circ}$ 2.
- 3. Попов О. А. Информационно-коммуникационные технологии как фактор совершенствования государственного регулирования национальной экономики в условиях информационного общества: автореф. дисс... к. э. н. Москва, 2008.

4. Шустов Н. А. Организационно-правовые основы информационнокоммуникационный политики современного Российского государства: автореф. дисс... к. ю. н. – Владимир, 2007. – 23 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПОСТРОЕНИЯ УСТОЙЧИВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. П. Захаров

Орловская региональная академия государственной службы, г. Орёл, Россия

Summary. The article deals with methodological approaches to the concept of sustainability of the regional socio-economic system and the category of Information Security.

Key words: stability of the regional socio-economic system, information security.

Российский регион — это сложная многоуровневая структура, обладающая внутренней динамикой и являющаяся важнейшим элементом национальной экономики. Для региональных экономических систем характерно сочетание социальной, экономической, экологической, информационной и других составляющих, наличие множества сложных элементов, большого числа разнообразных связей, циркуляция больших потоков материальных, финансовых и информационных ресурсов. В России, являющейся федеративным государством, ключевыми являются проблемы экономической самостоятельности, безопасности и устойчивого развития регионов.

К социально-экономическим системам относят мировое сообщество, союзы государств, государства, административные единицы внутри государств, отрасли хозяйства, отдельные предприятия, группы людей.

Теория устойчивости социально-экономических систем, будучи производной от некоторых других ветвей знания (кибернетики, теории систем и др.), вобрала в себя ряд междисциплинарных категорий. Среди них "система", которая характеризуется иерархией организованных подсистем, движением отдельных частей и, в совокупности, развитием, наличием или недостатком ресурсов развития. Важным понятием является "структура", под которой понимают части одной системы, определённым образом вступающие во взаимоотношения. В каждой системе имеется потенциал (ресурс, капитал), способствующий её развитию. Развитием называют изменения, происходящие в системе, принимающие структурную, качественноколичественную форму, либо это изменения, отражающие характер функционирования. Социально-экономическая система способна эволюционизировать из одного вида в другой, в частности в такой, при котором потреблённые ресурсы восстанавливаются, воспроизво-

дятся, заменяются на другие, минимизируется их расходование, если невозможно продолжить развитие без невозобновляемых ресурсов.

Устойчивость социально-экономической системы значительно отличается от технической, физической устойчивости. Поскольку главной характеристикой в ней выступает не некоторое равновесное состояние и способность возвращаться к нему в случае возмущающих воздействий, или сохранение заданной траектории движения в случае противодействующих сил, а способность эффективно использовать, автономно видоизменять ресурсы своего развития, непрерывно наращивать показатели своего положительного изменения, не увеличивая или минимизируя затраты базовых, невозобновляемых ресурсов.

Формирование устойчивой социально-экономической системы должно базироваться на принципах устойчивого развития, основными из которых являются:

улучшение качества жизни;

гарантированное здоровье людей;

удовлетворение основных жизненных потребностей как населения, так и будущих поколений;

борьба с бедностью;

рациональные структуры производства и потребления;

рациональное природопользование;

сохранение экосистем, защита климата и озонового слоя;

обеспечение экологической безопасности;

устранение всех форм насилия над человеком и природой (предупреждение войн, терроризма и экоцида);

глобальное партнёрство.

Анализ имеющихся определений устойчивости социальноэкономических систем в работе Усковой Т. В. показал, что общепринятого понятия современной наукой не выработано. По крайней мере, можно выделить четыре отличных друг от друга подхода (табл. 1) [6, с. 12].

Таблица 1 Подходы к определению устойчивости социально-экономических систем

Сущность подхода	Его сторонники		
Устойчивость социально-экономической систе-	Абалкин Л. И., Бобров А. Л.,		
мы связывается с безопасностью, стабильностью,	Гордиенко Д. В., Лившиц А.,		
надёжностью, целостностью и прочностью сис-	Конопляник Т. М.		
темы			
Устойчивость как относительная неизменность	Гапоненко А. Л., Ильясов С.		
основных параметров социально-экономической	М., Калашников В. Д., Крас-		
системы, способность системы оставаться неиз-	нова Т. Г., Коломийченко О.		
менной в течение определённого времени	В., Рохчин В. Е. Шеломен-		
	цев А. Г.		
Устойчивость трактуется как способность соци-	Бодряшов Е. С., Кретинин В.		
ально-экономической системы сохранять дина-	А., Чайковская Н. В.		
мическое равновесие			

Устойчивость социально-экономической системы связывается со способность системы стабильно функционировать, развиваться, сохранять движение по намеченной траектории, с саморазвитием

Дружинин А. И., Дунаев О. Н., Есекин Б. К., Калинчиков М. Ю., Озина А. М., Сапаргали Ш., Терехов Л. Л.

Исходя из этих подходов под устойчивостью социальноэкономической системы, в том числе региональной, можно понимать способность системы стабильно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе в условиях быстро меняющейся внутренней и внешней среды [6, с. 12].

Одно из свойств системы — способность к развитию. Развитие системы — как правило, необратимые качественные ее изменения, обычно сопровождаемые количественными переменами. В ходе развития системы меняются соотношения между её компонентами, усиливаются одни связи и ослабевают другие. Очевидно, что развитие может быть устойчивым и неустойчивым.

Характеристиками устойчивого развития социальноэкономической системы являются, с одной стороны, её динамичность, а с другой – относительная неизменность свойств системы. Поэтому устойчивое развитие сопровождается качественными изменениями в системе, при котором её свойства не меняются. Неустойчивое развитие, напротив, характеризуется качественными изменениями в системе, при которых её свойства ухудшаются, вплоть до потери системой целостности.

Регион, с одной стороны, является сложной социальноэкономической системой, внутреннюю среду которой составляют экономическая, социальная и экологическая подсистемы, а с другой — подсистемой более высокого иерархического уровня. Следовательно, устойчивость региональной социально-экономической системы зависит как от устойчивости социально-экономических систем более высокого уровня, в частности, страны в целом, так и от устойчивости входящих в её состав подсистем и элементов, в том числе муниципальных образований.

Такое утверждение основывается на представлении региона как социально-эколого-экономической системы, состоящей из подсистем: социальной, экономической, экологической, организационной, информационной, объединённых едиными целями и задачами (рис. 1).

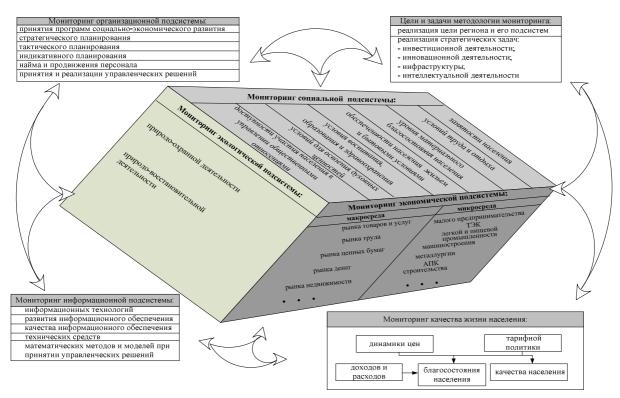

Рис. 1. Взаимодействие подсистем мониторинга региональной социально-эколого-экономической системы региона [1, с. 15]

Информационная безопасность как важнейший компонент региональной информационной подсистемы не имеет точного определения и единого предмета исследования. Каждым автором термин «информационная безопасность» определяется по своему, вызывая тем самым неопределённость в понимании предмета. При этом понятия часто берутся с указаниями на различные источники, не согласующиеся между собой, и вследствие этого не пригодные для теоретического основания методологической работы. «Иными словами, значительная часть современных публикаций в области теории безопасности описывает свой предмет бессистемно и на уровне поверхности. Их авторы порой впадают в идеологизаторство, мифотворчество, переходят от объяснения сущего к объяснению должного» [3].

В работе М. А. Стюгина проведена попытка очертить контуры предмета информационной безопасности. Под предметом информационной безопасности часто понимается область защиты информации на конфиденциальность, целостность и доступность. По мнению автора, предмет информационной безопасности значительно шире, хотя бы из определений в нормативно-правовых документах [4]. Так, определение понятия «безопасность» в Доктрине информационной безопасности РФ: «Информационная безопасность РФ — состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определяющейся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [2].

Определять «безопасность» через «защищённость» не совсем корректно, поскольку эти слова-синонимы, а поэтому данные опреде-

ления являются тавтологиями. Безопасность есть некоторое состояние объекта, которое можно определить, выделив соответствующие качественные характеристики. Такие качественные показатели, например, обозначены в определении «безопасность информации» как «состояние защищённости информации, характеризуемое способностью персонала, технических средств и информационных технологий обеспечивать конфиденциальность (т. е. сохранение в тайне от субъектов, не имеющих полномочий на ознакомление с ней), целостность и доступность информации при её обработке техническими средствами» [5]. Здесь уже раскрыто, что понимается под состоянием защищённости, но это определение не перекрывает полностью область обеспечения информационной безопасности с точки зрения интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Важнейшей составляющей системы регулирования социальных и политических отношений современного общества является информационная политика – деятельность субъектов по актуализации и реализации своих интересов в обществе посредством формирования, преобразования, хранения, передачи и использования всех видов информации... Информационная политика, возведённая в ранг государственной, является важнейшим инструментом, позволяющим странам и регионам мира реализовывать свой путь в информационное общество. В сложных современных условиях информационная политика во многом способствует формированию и развитию новой системы информационно-психологических отношений, позволяющих современному обществу реализовать очередной этап своего развития, обеспечивает защиту интересов и информационно-психологическую безопасность личности, общества и государства в этих кардинально изменяющихся условиях. Региональная информационная политика должна быть направлена на решение таких крупных задач, как формирование единого информационного пространства региона и вхождение этого пространства в мировое информационное пространство, обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства, формирование демократически ориентированного массового сознания, развитие отрасли информационных услуг, расширение правового поля регулирования общественных отношений, в том числе связанных с получением, распространением и использованием информации.

Библиографический список

- 1. Аралбаева Г. Г. Методология и организация мониторинга региональной социально-экономической системы: автореферат дисс...д. э. н. Оренбург, 2010.
- 2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. № Пр-1895. – 9 сентября 2000 г.
- 3. Иващенко Г. В. Доктрина информационной безопасности и методические проблемы теории безопасности // Г. В. Иващенко. Материалы круглого сто-

- ла «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества». М.: МГУ. Октябрь 2000 г.
- 4. Стюгин М. А. Информационная безопасность «по существу» [Электронный ресурс] Режим доступа http://psyfactor.org/lib/styugin6.htm
- 5. Уголовный кодекс РФ, 13.06.1996, № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2004).
- 6. Ускова Т. В. Теория и методология управления устойчивым социальноэкономическим развитием региона: Автореферат дисс...д. э. н. – Вологда, 2010.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДОГО «ЦИФРОВОГО» ПОКОЛЕНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ РОССИИ И ЕВРОПЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

С. В. Савина Филиал Адыгейского государственного университета, г. Белореченск, Россия

Summary. The paper examines the features of the formation of cultural values to youth, pressing problems of socialization and safety of the younger digital generation of information and communication society in Russia and Europe.

Key words: role of information and communication space and its interaction with youth, contemporary socio-cultural conditions of the media, specific environment of value formation of young people, socialization processes and the adaptation of youth in an innovative environment, Internet security problems, young digital generation.

В современной культуре присутствует ярко выраженный слой инноваций, которые постоянно взламывают и перестраивают культурную традицию, затрудняя тем самым процессы социализации и адаптации человека к постоянно меняющимся условиям и требованиям жизни. Информационно-коммуникативое пространство занимает главенствующее место в системе формирования и обеспечения не только многочисленных процессов и аспектов жизнедеятельности современного общества, но и его ценностной структуры.

В современном информационном обществе СМИ оказываются главными каналами информирования, формирования и выражения общественного мнения. Научная сеть имеет адаптивную систему управления нового поколения с интегрированными интеллектуальными элементами системы.

Данное исследование – не только показатель того, что происходит с молодёжью в этой «особой» реальности, но и уникальный портрет молодого поколения, которое социализируется в России и Европе через Интернет [1]. Не только мы учимся в интернете, но и интернет учит нас реальным социальным действиям с различными последствиями, поэтому встаёт серьёзный вопрос о виртуальной ответственности.

В рамках исследуемой проблемы видится возможным проанализировать данные социологических исследований молодёжной аудитории для того, чтобы выявить общие черты и особенности формирования культурных ценностей молодёжи, реальный портрет молодого поколения, сформулировать и обсудить актуальные проблемы социализации и безопасности подрастающего «цифрового» поколения в развивающихся информационных обществах России и Европы.

Согласно данным опроса студенческой молодёжи в возрасте от 15 до 25 лет, большинство опрошенных молодых людей выходят в сеть хотя бы один раз в неделю – 92 %, а 57 % – ежедневно. Самыми распространенными рисками оказались общение с незнакомцами в интернете (29 %) и столкновение с негативным контентом (22 %). Более 80 % российских подростков имеют профиль в социальной сети, и у каждого шестого из них – более 100 друзей в сети.

С нашей точки зрения такая особенность интернета, как его трансграничность, не позволяет в полной мере защитить молодого человека от той информации, которая для него вредна (буллинг, изображения сексуального характера) [2]. Чтобы вступающие в жизнь молодые люди были продолжателями культуры, не приемлющей противоправные действия, в том числе порнографию, необходимо выстроить универсальный механизм защиты. Роль государства в построении информационного общества может заключаться так же в поддержании культурного наследия путём перевода его в цифровой вид.

Так, студентам была представлена «шкала желаний», где нужно было определить <u>самую главную ценность для молодёжи и приоритетное личное желание (Таблица 1).</u>

Таблица 1 «Шкала желаний» респондентов

Самое главное	%	Приоритетное личное	%
для молодёжи		желание	
1. Образование, профессия	4,2%	1. Образование, профессия	10,2%
2. Деловая карьера	5,8%	2. Деловая карьера	9,7%
3. Деньги	23,6%	3. Деньги	22,5%
4. Побольше удовольствий	36,7%	4. Побольше удовольствий	6,2%
5. Любовь, семья	9,1%	5. Любовь, семья	25,4%
6. Заниматься изобретениями,	2,4%	6. Заниматься изобретениями,	12,6%
инновациями		инновациями	
7. Секс	11,3%	7. Секс	8,7%
8. Будущее России	0,7%	8. Будущее России	0,9%
9. Идеалы, вера	0,3%	9. Идеалы, вера	0,7%
10. Власть, слава	4,6%	10. Власть, слава	3,1%

Данные социологического опроса среди студентов позволяют сделать вывод о том, что приоритетными ценностными установками в мире молодёжи является самореализация. Молодые люди стремятся реализовать свой талант и способности, получить от жизни побольше

удовольствий, реализоваться в профессиональной сфере, сделать успешную карьеру, добиться в жизни семейного счастья, заниматься изобретениями, инновациями, быть свободными и независимыми.

Происходящие в России процессы изменения повседневной жизни россиян в ходе трансформации информационно-коммуникативного общества затрагивают демографические процессы, сопряжённые с трансформацией института семьи и определяющие так называемую демографическую модернизацию [3].

Так, особое значение в системе ценностей, формируемых под влиянием СМИ, занимает семья. Представители студенческой молодёжи положительно оценивают степень влияния телевидения и Интернета на формирование семейных ценностей. Как следует из ответов студентов, важными компонентами для стабильной семейной жизни являются материальный достаток, хорошие отношения в семье, любовь, уважение, терпение, равноправие (Таблица 2).

Таблица 2

Жизненные планы	Помощь СМИ:		
жизненные планы	большая	слабая	
Сделать карьеру в профессиональной сфере	52,3	23,3	
Создать семью	37,3	42,6	
Открыть «свое дело»	32,6	21,6	
Уехать на работу за рубеж	19	26,6	
Стать знаменитым	15	17,6	

Однако часть респондентов считает, что телевидение недостаточно использует свои ресурсы в освещении таких вопросов, как, к примеру, возможность открыть собственное дело, уехать за границу. Здесь занимает лидирующее место Интернет, который является одним из инструментов формирования духовного мира и ценностных ориентаций молодых людей. Так, на вопрос, из каких источников средств массовой информации вы предпочитаете узнавать о событиях в стране, и что выступает главным транслятором инновации в студенческую среду, 56,8 % респондентов ответили — Интернет, 39 % ответили — телевидение. По нашему мнению, в определенной мере это связано с тем, что значительная часть студенческой молодёжи достаточно активно в последние годы использует интернет-ресурс и телевидение по сравнению с другими средствами массовой информации: радио, журналы, газеты и т. д.

Данные проведённого социологического исследования среди студентов показали, что 66,3 % респондентов предпочитают пользоваться Интернетом с целью поиска информации и скачивания файлов, 9,4 % опрошенных совершают покупки в Интернет-магазинах и 4,2 % — сетевых играх, 20,1 % используют программы для общения и ведения онлайн-дневников.

Таким образом, данные опроса свидетельствуют о том, что в структуре культурных потребностей молодёжи произошли изменения. Культурные запросы молодых не ограничиваются новостями светской жизни, моды, развлечениями. В результате информационно-коммуникативного взаимодействия человека с информационным пространством происходят социокультурные изменения ценностных ориентаций молодёжи. В современных условиях СМИ выступают специфической средой формирования и выражения новых ценностных ориентаций современной молодёжи.

Создание интегрированного информационного пространства, в целях повышения эффективности фундаментальных и прикладных исследований, будет способствовать увеличению научнотехнического потенциала страны, развитию наукоёмких производств, обеспечению высокого уровня доступности информации и технологий и повышения качества жизни граждан Российской Федерации.

Библиографический список

- 1. The British Journal of Sociology Essential reading for all sociologist Sociology, syllabus. Index lse.ac.uk/serials/Bjs/.
- 2. Russian Journal of Communication Official Journal of the Russian Communication Association / Edited by Igor E. Klyukanov Eastern Washington University Associate Editors Donal A. Carbaugh, University of Massachusetts-Amherst, U.S.A. Voronezh State University, Russia.
- 3. Демографическая модернизация в России 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое изд-во, 2006 г. С. 15.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИЛЕЙ ТЕРРОРИЗМА

В. С. Гвоздева Северо-Кавказская академия государственной службы, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. Recent events have shown that terrorist activities continue unabated around the world and remain one of the main threats to the security of countries and their citizens. Terrorist acts threaten democracy, the rule of law, human rights and undermine economic and social development. Terrorism has often been an effective tactic for the weaker side in a conflict. Due to the secretive nature and small size of terrorist organizations, they often offer opponents no clear organization to defend against or to deter. That is why information prevention is being considered to be so important.

Key words: terrorism, mass media, Internet, information technology, computerization, public service, terrorism information prevention.

К началу XXI века одной из главных проблем современного этапа общественного развития всего мира стала необходимость про-

тиводействия терроризму во всех его многообразных проявлениях. Нарастающие угрозы террористического влияния на общество, наряду с природными и антропогенными факторами возникновения катастроф и чрезвычайных ситуаций, подтверждают тот факт, что современная общественная цивилизация является цивилизацией огромного риска.

В настоящее время одной из главных задач обеспечения национальной безопасности любой страны вне зависимости от её географического расположения, размеров территории, численности населения, экономического состояния становится широкомасштабное противодействие терроризму. Терроризм в последнее время приобретает глобальный характер, угрожая не только интересам граждан, общественной безопасности и стабильности стран независимо от их политического уклада, но и международным отношениям.

В современной России, как и в большинстве стран мира, рост террористической угрозы происходит на фоне распространения представляющего значительную опасность для интересов личности, общества и государства экстремизма (политического, этнического, религиозного). Кроме того, экстремизм всё больше оказывает негативное влияние на политическую, военную, экономическую, экологическую безопасность страны, её конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность.

Современный терроризм представляет собой сложную систему, состоящую из комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих идеологических, криминальных, военных, экономических, политических, религиозных и националистических процессов, и рассматривается как ответная реакция на длительное затягивание решения назревших политических, этнических и социальных проблем.

Терроризм воспринимается в качестве своеобразного метода, посредством которого организованная группа пытается достичь провозглашенные ею цели, осуществляя их преимущественно через систематическое использование насилия.

К сожалению, в последнее время терроризм всё более динамично развивается, что происходит вследствие формирования и развития информационного общества не только в нашей стране, но и на глобальном уровне. Стремительные темпы внедрения информационных технологий, развития компьютеризации и информатизации всех сфер жизнедеятельности общества неизбежно ведут к созданию единого мирового информационного пространства, в котором находятся во взаимодействии и взаимосвязи все средства сбора, накопления, обработки, обмена и хранения информации.

Волна терроризма всё более расширяется вследствие увеличения степени распространённости и повышения роли средств массовой информации (СМИ) в формировании общественных настроений. В Концепции противодействия терроризму в Российской Феде-

рации, утверждённой Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года [1], распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации названо одним из основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации. Уровень потенциального информационного воздействия терроризма на общество, расширение его возможностей, возрастают по мере того, как чтение газет и журналов дополняется ежедневным прослушиванием радио, просмотром телевизора, использованием сети Интернет.

Современные СМИ и средства массовой коммуникации (СМК), являются одним из основных каналов сбора, обработки, передачи и широкого распространения различного рода информации и играют особо важную роль в расчётах террористов. Основное внимание террористов сосредоточено на обеспечении максимального политического, финансового эффекта, резком увеличении вероятности достижения основных целей каждого конкретного террористического акта с помощью распространения сведений о терроре и насилии через использование СМИ на большую аудиторию.

Информационное воздействие СМИ на состояние сложившейся оперативной обстановки и борьбу с экстремистской и террористической преступностью может быть как позитивным, так и негативным. При этом качественное содержание информационной продукции ресурсов Интернет – достоверность, объективность изложения фактов, компетентность комментариев, может быть различным.

Вследствие всего выше сказанного, борьба с терроризмом должна быть комплексной и системной. Она должна быть направлена не просто на выявление лиц и групп террористической направленности, разрушение международных связей террористов, заблаговременное информирование о готовящихся террористических актах, но и включать в себя меры информационного противодействия распространению идей терроризма.

При этом, как ни парадоксально, ведущую роль в процессе противодействия терроризму должны сыграть всё те же современные информационные технологии, развитие и повсеместное внедрение в практику которых стало причиной широкого распространения идей терроризма. Использование информационных технологий в процессе противодействия распространению идей терроризма является одним из важнейших факторов, влияющих на развитие человеческой цивилизации. Их преобразующее воздействие нацелено на государственные структуры и институты гражданского общества, экономическую и социальную сферы, науку и образование, культуру и образ жизни людей.

С расширением и распространением возможностей глобальных коммуникаций современный терроризм стал отличаться актив-

ным использованием такого элемента манипуляции сознанием и поведением людей, как информационно-психологическое воздействие, которое происходит через вмешательство в подсознание людей с целью формирования необходимых террористам установок в массовом психическом сознании. Действия террористов направлены не только на нанесение материального ущерба и создание угрозы жизни и здоровью населения, но и на обеспечение информационно-психологического шока, влияние которого на большие массы людей создаёт благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей.

В современных условиях перехода к информационному обществу, развития информационной индустрии и глобализации информационных процессов, роль информационного противодействия реальным и потенциальным угрозам безопасности общества и государства объективно возрастает. Потребность информационного противодействия терроризму определяется тем обстоятельством, что его субъекты для достижения своих целей вынуждены прибегать к активной пропаганде своих идей для расширения социальной базы их поддержки [2].

В этой связи в числе важнейших задач органов государственной власти по противодействию терроризму, наряду с выявлением и устранением причин и условий, способствующих его распространению, выявлением, предупреждением и пресечением действий, направленных на подготовку преступлений экстремистского и террористического характера, является активизация противодействия распространению идеологии терроризма и информационнопропагандистского обеспечения проведения антитеррористических мероприятий.

Суть информационного противодействия терроризму заключается в понимании и воздействии на психологию тех, кто является террористом или симпатизирует им. С ними надо вести идеологическую борьбу [3].

Таким образом, главной целью противодействия терроризму в Российской Федерации является защита личности, общества и государства от террористических угроз и проявлений, а основной задачей органов государственной власти обозначено информационное противодействие распространению идеологии терроризма, осуществление активных информационно-пропагандистских мероприятий антитеррористической направленности.

Информационное противодействие терроризму начинается со сбора, накопления, систематизации, анализа, оценки информации об угрозах террористических актов, обмена ею и использования её в деятельности органов государственной власти.

Деятельность органов государственной власти по информационному противодействию терроризму заключается в решении таких

задач, как исследование основных факторов, определяющих сущность и состояние угроз террористических актов; прогноз вероятных тенденций и закономерностей развития угроз террористических актов, разработка предложений для своевременного принятия решений по их нейтрализации, а также анализ поступающей информации о проявлениях терроризма.

К основным группам мер информационного противодействия терроризму относятся информационно-пропагандистские меры. Это меры по вскрытию сущности и разъяснению опасности терроризма, оказанию воздействия на граждан (групп граждан) с целью воспитания у них неприятия идеологии насилия и привлечения их к участию в противодействии терроризму.

Важными направлениями информационного противодействия терроризму являются организация и осуществление информационного взаимодействия субъектов противодействия терроризму, а также создание единого антитеррористического информационного пространства на региональном и национальном уровнях.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются органы государственной власти в процессе информационного противодействия терроризму, является разработка информационных банков и баз данных, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем и аппаратно-программных комплексов с применением передовых информационных технологий и их поддержка.

Деятельность высших должностных лиц органов государственной власти по вопросам информационного противодействия терроризму предусматривает оптимизацию информационных потоков и распределение полномочий между субъектами противодействия терроризму в области информационно-аналитической деятельности, централизацию информации об учёте (в том числе статистическом) террористических проявлений и результатов антитеррористической деятельности всех субъектов общегосударственной системы противодействия терроризму.

Кроме того, к деятельности по информационному противодействию терроризму в обязательном порядке должны привлекаться научно-исследовательские учреждения, а также общественные объединения и другие институты гражданского общества.

Таким образом, осуществление информационного противодействия терроризму органами государственной власти как федерального, так и регионального уровней, предполагает приоритетное использование методов информационного выявления, предупреждения и пресечения террористической деятельности с целью адресного психологического воздействия на конкретные субъекты терроризма. Терроризм должен быть выявлен и предупреждён ещё на этапе зарождения экстремистских или террористических настроений в обществе, особенно среди молодёжи.

Библиографический список

- 1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года.
- 2. Грачёв Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 2003.
- 3. Литвиненко А. В. Специальные информационные операции и пропагандистские кампании. Киев, 2002.
- 4. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2008.

III. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Е. С. Хлякина, Ю. А. Булдакова, Д. А. Гринько Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Summary. The article presents how the internet recourses can be applied in studying and teaching foreign languages. To be more exact, it covers the notions of information society and information-cultural educational environment on the whole and the way information technologies can be used for educational purposes. As an example electronic textbooks and presentations were considered as means providing language material in class.

Key words: information, information society, information-cultural educational environment, electronic textbooks and presentations.

Прежде чем говорить об информатизации современного общества следует определить, что такое «информация». Можно дать различные толкования этому понятию. В переводе с латинского informatio – разъяснение, изложение, осведомление. Согласно современному философскому словарю, этимологически информация является термином обыденного языка, относящимся к познавательнокоммуникативной сфере человеческой деятельности и обозначающим совокупность сведений о каких-либо событиях или фактах [3]. В учебном пособии «Информационные технологии и системы» даётся несколько иное определение информации - «это сведения и данные, объективно отражающие различные стороны и элементы окружающего мира и деятельности человека на определённом этапе развития общества, представляющие для него какой-либо интерес и материализованные в форме, удобной для использования, передачи, хранения или обработки (преобразования) человеком или автоматизированными средствами» [4]. Авторы словарной статьи отмечают, что «данное понятие всё чаще рассматривается в качестве третьего компонента бытия – наряду с веществом и энергией»[3]. А это означает, что информация – это то, без чего нельзя обойтись, это «некое содержание» окружающего мира.

Само понятие информации и всё связанное с ним широко вошло в обиход с 50-х годов 20 века, тогда появились такие дисциплины, как информатика (комбинация из слов «информация» и «автоматика») – область изучения научно-технической информации, ориентирующаяся на автоматизированную обработку данных с исполь-

зованием вычислительной техники, средств связи и математикопрограммного обеспечения. А также информология (наука об информации), теория информации (математическая теория связи) [3], теоретическая и прикладная информатика, компьютика [4] и другие науки. Поскольку информация вплетена в жизнь человеческого общества, то вместе с историческими этапами в нашем обществе происходила информационная эволюция, которая была обусловлена различными носителями информации: письменностью, книгопечатанием, современной информационно-кибернетической техникой. Е. Л. Федотова говорит о пяти информационных революциях. Первая связана с изобретением письменности, что «привело к гигантскому качественному скачку: появилась возможность фиксировать знания на материальном носителе, тем самым отчуждать их от производителя, и передавать знания от поколения к поколению». Вторая была «вызвана книгопечатанием и появилась возможность тиражирования и активного распространения информации, возросла доступность знаний для людей». Третья революция обусловлена изобретением электричества, «благодаря чему появился телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объёме». Четвёртая связана с вычислительной техникой, персональным компьютером, сетями связи и телекоммуникациями, позволяющими накапливать, хранить, обрабатывать и передавать информацию в электронной форме, ростом «оперативности и скорости создания и обработки информации, увеличением скорости поиска и получения информации» [4]. В соответствии с тем же автором мы сегодня переживаем пятую информационную революцию, «связанную с формированием и развитием трансграничных информационнокоммуникационных сетей, охватывающих все страны и континенты, проникающих в каждый дом и воздействующих одновременно и на каждого человека в отдельности, и на огромные массы людей». Помимо этого автор отмечает, что эта революция призвана интегрироинформационном пространстве едином технические средства и телекоммуникации, информационные запасы или запасы знаний как единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры» [4].

Человек всегда стремился подчинить себе пространство и время. Такую возможность дают ему современные электронные коммуникации. Информация стала мгновенной и доступной, она «стирает» все границы (реальные и виртуальные), приобретает глобальный характер, объединяет людей в мировом масштабе. «Кто владеет информацией, тот владеет миром» — актуальность этой фразы очевидна, как никогда ранее. Информационная эпоха определила свои приоритеты и выбор ресурсов для экономического, духовного, социально-политического развития общества, что нашло отражение в сфере подготовки кадров для разных сфер деятельности. В данный момент

есть потребность в универсалах- специалистах, которые не только владеют «смежными» специальностями, но и в профессионалах, умеющих решать проблемы «глобального» характера, прошедших подготовку в рамках мультидисциплинарного направления.

Самым активным образом развивается трансграничная информационная сеть Интернет. Необходимо осознать роль и место современных информационных и коммуникационных технологий. Глобальная сеть даёт современному человеку полное удовлетворение его информационных потребностей, доступ к культурным, образовательным ресурсам в общемировом информационном пространстве и ощущение причастности ко всему происходящему.

Сейчас понятие информации в большей степени ассоциируется с компьютерами, но это также реклама, издательская деятельность, телевидение, радио, телеграфная связь, другие средства массовой информации (СМИ). Информационное общество, как считают авторы современного философского словаря, это «исторически новый и особый тип цивилизации, идущий на смену сельскохозяйственной и индустриальной», в нём наряду с преимуществами благодаря развитым информационным технологиям и компьютерным сетям «происходят изменения характера экономических, политических и социальных отношений, семьи, быта, досуга, образа жизни, переворачиваются традиционные представления о ценности сельскохозяйственного и индустриального общества» [3]. Более того, информатизация всех сфер жизнедеятельности современного человека породила неизвестную доныне виртуальную реальность, она вытесняет ценность и привлекательность живого общения, усиливает возможность манипулировать массовым сознанием.

Для информационного общества характерны:

- увеличение роли информации, информационных технологий и знаний;
- увеличение числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг;
- нарастание информатизации общества с использованием радио, телевидения, сети Интернет, СМИ;
- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное воздействие на людей и доступ к мировым информационным ресурсам;
- удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах.

Ключевое понятие для информационного общества — информационные ресурсы, то есть знания, подготовленные людьми для социального использования в обществе и зафиксированные на материальном носителе. К ним относятся: обучающие системы, автоматизированные учебные курсы, база данных, информационно-поисковые и

информационно-справочные системы, веб-библиотеки. Такие ресурсы страны также важны, как и другие стратегические ресурсы (энергетические, природные, финансовые), определяющие её статус и уровень экономического, социально-политического развития.

Интернет – всемирная информационная транспортная среда для получения информации и взаимодействия пользователей сети. Очень важно, что информацию в Интернет можно получить в любом объёме. А средства навигации позволяют обратиться к любому источнику информации, даже самому удалённому. Это делает глобальную сеть не только источником коммерческой и развлекательной информации, но и создаёт неограниченные возможности для её использования в образовательных целях. Так как большая часть пользователей Интернет – это молодые люди, то сегодня есть необходимость создания информационных ресурсов, которые, сохраняя привлекательность для молодёжи, помогали бы формировать духовные и интеллектуальные ценности. Другими словами, носили бы культурно-воспитательный и образовательный характер. Преимущество Интернет состоит в том, что можно получить доступ к учебной, культурно-познавательной информации независимо от возраста, пола, вероисповедания, местонахождения. В информационном пространстве все равны.

Многие специалисты работают над проблемой создания открытой информационно-культурной образовательной среды, именно российского сегмента в сети Интернет. Обидно, что часто информацию можно найти только на зарубежных сайтах в иноязычном варианте, что ограничивает возможности пользователей. Интернет имеет уникальные технологические возможности для развития и обновления системы образования и культуры. Современная система образования интегрирует в себя новые образовательные технологии, связанные с использованием компьютеров, тем самым поновому организуя процесс образования. Преподаватель потерял «монополию» на изложение учебной информации в законченном виде, когда обучаемому оставалось её только «потребить» в предложенном варианте. Сейчас, работая с текстовой информацией, снабжённой гиперссылками, обучаемый сам «выстраивает» схему ознакомления с материалом. Таким образом, процесс познания стал более индивидуальным. В такой новой модели образования преподаватель должен создать для ученика такие условия и текст, сохраняя тем самым за собой обучающие функции.

Информатизация и глобализация привели к появлению нового типа образования — «открытого образования» с помощью современных информационных и коммуникативных технологий. Это даёт возможность распространения образовательных услуг в широком масштабе, применяя дистанционные образовательные технологии. Так можно решить ряд проблем, связанных с территориальной уда-

лённостью обучаемого от учебного заведения, иногда с состоянием здоровья, финансовой ситуацией, транспортом. Более того, предоставляется возможность выбрать желаемую специальность, а не ту, что может предложить ближайшее учебное заведение. Новые информационные технологии дают самые современные и актуальные знания, не оторванные от реалий современной жизни и соответствующие современному уровню развития науки, техники, производства. Система сетевого обучения включает в себя базовые элементы: учебное заведение (организационная структура), информационные ресурсы (базы данных, технические и программные средства), преподаватели (консультанты), обучаемые (студенты).

Рассуждая об использовании новых информационных технологий в образовательных целях, мы говорим о создании информационно-образовательного пространства. Это «пространство осуществления личностных изменений людей в образовательных целях на основе использования современных информационных технологий, пространство для совместной учебной деятельности на основе электронно-коммуникационных систем и средство обучения» [1].

«При этом педагогические технологии преобразуются в педагогические информационные технологии — системы материальных (технологии) и идеальных (знания) средств, используемых в обучении для обработки, передачи, распространения информации» [1]. На образовательную роль информационных технологий можно посмотреть и с более широкой точки зрения. Получить образование — это не только получить диплом. Интернет-ресурсы дают возможность учиться всем, кто этого хочет. Образование получают не единожды и на всю жизнь, а в течение всей жизни. В этом истинный смысл процесса получения новых знаний, потребность в которых не должна иссякнуть с получением диплома.

Новые информационные технологии универсальны как для самостоятельного изучения материала, так и для аудиторной работы. Одним из самых популярных средств обучения являются электронные учебники и электронные презентации.

Электронный учебник (ЭУ) обычно представляет собой «комплект обучающих, контролирующих, моделирующих и других программ, размещаемых на магнитных носителях, в которых отражено основное научное содержание учебной дисциплины» [2]. ЭУ часто дополняет обычный, а особенно эффективен тем, что он:

- обеспечивает практически мгновенную обратную связь;
- помогает быстро найти необходимую информацию (в том числе контекстный поиск), поиск которой в обычном учебнике затруднён [2].

Что касается построения (ЭУ), то традиционно это предъявление учебного материала, организация тренировки, набор упражне-

ний по пройденному материалу. Сейчас к ЭУ предъявляются следующие требования:

- информация по выбранному курсу должна быть хорошо структурирована;
- каждый фрагмент, наряду с текстом, должен предъявлять информацию в аудио или видео;
- текстовая информация может дублировать некоторую часть живых лекций;
- на иллюстрациях, предъявляющих сложные модели или устройства, должна быть мгновенная подсказка;
- текстовая часть должна сопровождаться многочисленными перекрестными ссылками;
- видеоинформация или анимации должны сопровождать разделы, которые трудно понять в обычном изложении;
- наличие аудиоинформации, которая во многих случаях является основной и порой незаменимой содержательной частью учебника [2].

Можно выделить три основных режима работы ЭУ: обучение без проверки, обучение с проверкой и тестовый контроль. С помощью такого учебника можно, «проверяя знания одновременно всей группы, обеспечить реализацию принципа индивидуализации в обучении путём создания системы равносложных заданий» [2].

Одним из способов проверки знаний студентов по пройденной теме, представлением нового материала, а также вариантом самостоятельной работы может служить презентация. Она может представлять собой как цельный вид работы над материалом, в котором отображается видение студентом, например, страны изучаемого языка, так и в качестве опоры, если студент делает доклад.

В качестве способа изучения нового материала презентация может служить первым этапом ознакомления студента с материалом, в ней могут быть обозначены следующие шаги или инструкции по выполнению заданий. Презентацию можно снабдить гиперссылками, чтобы она представляла собой «некий инструмент» оценки знаний, полученных ранее. В таком случае студент будет видеть те области, на которые ему стоит обратить большее внимание и в конце, подсчитав количество правильных ответов, увидит результат. Последний может быть без отметки как таковой, но с советом по дальнейшим действиям, или же похвалой и оценкой в целом.

В виде презентации могут быть представлены такие материалы, как:

- лекции, доклады;
- мультимедийные учебные пособия;
- раздаточные материалы;

- электронные дидактические и организационные материалы для практических и семинарских занятий;
- организация самостоятельной работы, сценарии с гиперссылками на другие ресурсы;
- ролики (автоматически повторяемая презентация без докладчика, как реклама)[5].

Составители методических рекомендаций по созданию презентационных материалов рекомендуют соблюдать следующие правила:

- подбор текстовых, графических и мультимедийных элементов, обеспечивающий качество усвоения учебного материала (краткость, доступность, наглядность);
- создание системы навигации для обеспечения быстрого доступа к необходимому блоку информации;
- унификация оформления (особенно структуры и художественного оформления);
- необходимая настройка показа презентации в зависимости от назначения электронных презентационных материалов (ЭПМ) [5].

Трудно переоценить значение всех информационных и коммуникативных новинок в сфере образования. Хочется надеяться, что они будут способствовать не только процессу получения новых знаний, но и способствовать духовному личностному росту всех, кто приобщился к миру новых технологий.

Библиографический список

- 1. Извозчиков В. А., Лаптев В. В., Потёмкин М. Н. Концепция педагогики информационного общества // Наука и школа. 1999. №1.
- 2. Петрова М. П. Дистанционное обучение иностранным языкам в социокультурном контексте: дис... канд. пед. наук. Якутск, 2002. 265 с.
- 3. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н., проф. В. Е. Кемерова. М.: Академический проект, 2004. 864 с.
- 4. Федотова Е. Л. Информационные технологии и системы: учеб. пособие. М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА 2009. 352 с.
- 5. Электронные презентационные материалы: метод. Рекомендации / сост.: Захарьин К. Н., Сарафанов А. В., Суковатый А. Г. и др. Красноярск: СФУ, 2008. 36 с.

ЛОГОКОРРЕКЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРИМЕНЕНИЕ РАЗВИВАЮЩИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ПРОЦЕССЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ИМЕЮЩИХ РЕЧЕВЫЕ НАРУШЕНИЯ

Н. С. Алимова, Л. В. Белякина, Л. В. Евсеева Детский сад комбинированного вида № 56 «Гусельки», Детский сад комбинированного вида «Росиночка», ТОГОУ ЦПМСС «Возрождение», г. Тамбов, Россия

Summary. At the present stage of development of pedagogical theory and practice focuses on rethinking conceptual approaches to training and education of children with special educational needs and improve the content of their training in order to improve the effectiveness of corrective intervention.

Key words: computer games, education of children, corrective intervention.

Изучение особенностей интеллектуальной деятельности детей с проблемами речи, создание дидактических условий позволяет определить пути педагогической коррекции психических процессов, усугубляющих речевые нарушения. Такой подход оказывает положительное влияние на сознательное овладение детьми программным материалом, что приводит к высокой роли коррекционного обучения.

Эффективность целенаправленной логокоррекционной работы во многом строится на активизации мыслительной деятельности. Одним из наиболее перспективных методов реализации умственного воспитания является моделирование, поскольку мышление старшего дошкольника отличается предметной образностью и наглядной конкретностью.

Метод моделирования, разработанный Д. Б. Элькониным, Л. А. Венгером, Н. А. Ветлугиной, Н. Н. Подьяковым, заключается в том, что мышление ребёнка развивают с помощью специальных схем, моделей, которые в наглядной и доступной для него форме воспроизводят скрытые свойства и связи того или иного объекта [1]. При этом учитывается основное назначение моделей — облегчить ребёнку познание, открыть доступ к скрытым, непосредственно не воспринимаемым свойствам, качествам вещей, их связям. Эти скрытые свойства и связи весьма существенны для познаваемого объекта. В результате знания ребёнка поднимаются на более высокий уровень обобщения, приближаются к понятиям.

Все эти задачи могут быть решены при использовании разнообразных компьютерных развивающих программ, при условии сформированного у ребёнка осознанного интереса к логопедическим занятиям.

Важнейшей составляющей теоретической основы использования информационных компьютерных технологий в коррекционно-

развивающей деятельности являются уровень актуального развития ребёнка и зона его ближайшего развития (по Л. С. Выготскому).

При использовании развивающих компьютерных игр в процессе моделирования происходит коррекция нарушений, артикуляционного праксиса, а также формирование звукового анализа, обогащение словарного запаса, становлением связной речи. В ходе таких игр активизируется речь детей, предлагаются интересные и доступные им по возрасту и с учётом уровня развития речемыслительной деятельности задания [2].

Таким образом, ключевыми при логопедическом воздействии с применением развивающих компьютерных игр в процессе моделирования у детей старшего дошкольного возраста, имеющих нарушения речи, являются принципы системного и деятельностного подхода к коррекции нарушений речевого развития, игровой формы обучения, интерактивности, полисенсорного воздействия, при котором слуховое восприятие информации сочетается с опорой на зрительный контроль, что позволяет задействовать сохранные анализаторы и способствует активизации компенсаторных механизмов, индивидуальный и дифференцированный подход к обучению.

Библиографический список

- 1. Фридман Л. М. Наглядность и моделирование в обучении.- М.: Знание, 1984.
- 2. Новые информационные технологии в логопедической работе / Гаркуша Ю. Ф., Манина Е. В., Черлина Н. А. // Логопед. 2004. N° 2.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

О. С. Ахметова, С. А. Исаев Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан Казахский государственный женский педагогический университет, г. Алматы, Казахстан

Summary. The role of distant interactive method of learning in the educational process of Kazakhstan is analysed in the article. Opportunity of influence of distant technologies of learning on a degree of professionally significant qualities, and also key and professional competence by students is opened.

Key words: competence approach, key competences, distant technologies of learning.

Одним из видов инноваций в организации профессионального образования является введение дистанционного обучения. Именно оно занимает всё большую роль в модернизации образования. Дистанционное обучение вошло в XXI век как самая эффективная сис-

тема подготовки и непрерывного поддержания высокого квалификационного уровня специалистов. С помощью дистанционных технологий решаются проблемы настоящего.

Дистанционное обучение, дистанционное образование, электронное обучение, eLearning — за этими терминами скрывается не просто модная тенденция в образовании. Современные информационные технологии позволяют в корне изменить процесс передачи знаний, сделать его более гибким, насыщенным, удобным для обучающегося. Переход к информационному обществу, в котором процессы генерации и распространения знания становятся приоритетными, положительно влияет на формирование новой парадигмы как образования в целом, так и частных образовательных концепций и систем.

К примеру, сегодня практически все американские и европейские университеты предлагают дистанционное образование, большинство российских государственных институтов и половина частных учебных структур развивают услуги онлайновых курсов. Так, в США ежегодно около 2 млн студентов получают высшее образование в режиме он-лайн, и это число продолжает расти, причём нацеленность на дистанционное образование считается в большинстве американских вузов стратегической. Положительны и оценки преподавателей – больше половины из них считают, что эффект от дистанционного образования как минимум не ниже по значимости и эффективности традиционного способа обучения.

В Казахстане также активно внедряется в образовательный процесс как инновация дистанционный метод обучения и повышения квалификации специалистов. Но всеобщего распространения он не получил в силу того, что пользоваться ресурсами и методами на достаточном пользовательском уровне население Казахстана пока ещё не умеет. На дворе XXI век, и отношение к образованию давно поставлено на уровень государственной важности, это понимает и бизнессреда, и образовательные учреждения всех уровней. В связи с этим в условиях модернизации современного образования остро встаёт проблема осмысления и трансформации старых и выработки на их основе новых целей, задач, форм и методов обучения, привлечение в образовательный процесс глобальных образовательных программ.

Новая модель образовательного процесса предполагает переход к личностно-деятельностной (компетентностной) парадигме, в основе которой создание условий для формирования ключевых компетентностей. Следовательно, на основе компетентностного подхода должны проектироваться и методы дистанционного обучения. Таким образом, мы должны иметь и новую структуру учебной программы, где каждый модуль учебного материала ориентирован на формирование одной из ключевых компетенций.

Приобретение ключевых компетенций зависит от активности самого студента, следовательно, одной из важнейших задач является внедрение в учебный процесс активных методов, которые в совокупности дают возможность организовать интерактивное взаимодействие с обучаемыми посредством информационно-коммуникационных сетей. Из объекта воздействия студент становится субъектом взаимодействия, он сам активно участвует в процессе обучения, следуя своим индивидуальным маршрутом. Совместная деятельность означает, что каждый вносит в неё свой особый вклад, в ходе работы идёт обмен знаниями, идеями, способами деятельности.

Интерактивное обучение — это специальная форма организации познавательной деятельности. Она подразумевает вполне конкретные и прогнозируемые цели: развитие интеллектуальных способностей студентов, самостоятельности мышления, критичности ума; достижение быстроты и прочности усвоения учебного материала, глубокого проникновения в сущность изучаемых явлений, развитие творческого потенциала — способности к «видению» проблемы, оригинальности, гибкости, диалектичности, творческого воображения, лёгкости генерирования идей, способности к самостоятельной поисковой деятельности; эффективности применения профессиональных знаний, умений и навыков в реальной производственной практике. Условием, а также результатом успешного применения интерактивных методов обучения является способность к коллективной работе и партнёрскому общению учащихся между собой и педагогом [1].

Интерактивное обучение сохраняет конечную цель и основное содержание образовательного процесса, но видоизменяет формы с транслирующих (передаточных) на диалоговые, то есть основанные на взаимопонимании и взаимодействии. По существу, оно представляет один из вариантов (моделей) коммуникативных технологий: их классификационные параметры совпадают. Иначе говоря, интерактивное обучение — это обучение с хорошо организованной обратной связью субъектов и объектов обучения, с двусторонним обменом информацией между ними.

Дистанционное интерактивное обучение (ДИО) — это целенаправленный процесс взаимодействия обучающих и обучающихся между собой и со средствами обучения, индифферентный к их расположению в пространстве и времени, который реализуется в специфической дидактической системе.

Как следствие применения системного подхода, в определение включено в качестве системообразующего элемента понятие дидактическая система, которая учитывает современный уровень педагогики как науки и практики в свете новых информационных технологий. Под целенаправленным процессом, обозначенным в определении, понимается организация и стимулирование активной учебно-познавательной деятельности студентов по овладению научными

и прикладными знаниями, навыками и умениями, развитию мышления, творческих способностей, личностных качеств, необходимых для осуществления деятельности.

Теоретические исследования показали, что основу образовательного процесса при ДИО составляют целенаправленная и контролируемая интенсивная самостоятельная работа обучаемого, который может учиться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность контактов с преподавателем по телефону, факсу, электронной и обычной почте.

ДИО как дидактическая категория представляет собой интерактивный асинхронный процесс взаимодействия субъектов и объектов обучения между собой и со средствами обучения. Образовательный процесс ДИО проходит в специфической педагогической системе, элементами которой являются: цели, содержание, методы, средства, организационные формы обучения; безопасность; учебноматериальные, финансово-экономические, нормативно-правовые, маркетинговые параметры.

Обучение в системе ДИО требует от студента высоких личностных качеств, таких, как настойчивость целеустремленность, честность, владение основами методики и техники самостоятельной работы, самостоятельного приобретения и пополнения знаний при наивысшей мотивированности. Интерактивные технологии основаны на прямом взаимодействии студентов с учебным окружением. Учебная среда выступает как реальность, в которой студент находит себя как область осваиваемого опыта, причём речь идёт не просто о подключении его эмпирических наблюдений, жизненных впечатлений ученика в качестве вспомогательного материала или иллюстративного дополнения. Опыт студента — это центральный активатор учебного познания. В традиционной системе обучения преподаватель играет роль «фильтра», пропускающего через себя учебную информацию, в интерактивном — роль помощника в работе, одного из факторов, активизирующих взаимонаправленные потоки информации.

По сравнению с традиционным, в интерактивных моделях обучения меняется и взаимодействие с ведущим: его активность уступает место активности студентов, задача ведущего — создать условия для их инициативы. В интерактивной технологии студенты выступают полноправными участниками, их опыт не менее важен, чем опыт ведущего, который не столько даёт готовые знания, сколько побуждает к самостоятельному поиску.

Как показывает практика, использование дистанционно интерактивных методов обучения способствует не только активизации процесса познания, но и учит студентов конструктивному общению, активному поиску и выработке неординарных решений, поиску

компромиссов, что немаловажно в современной жизни, а это и есть элементы ключевых компетенций.

Сочетание в учебном процессе традиционных и инновационных методов, средств, форм обучения актуализирует реализацию дистанционного обучения на уровне знаний и видов деятельности, а это активизирует учебно-познавательную деятельность студентов как в освоении предметных знаний, умений и навыков, так и в овладении профессионально значимыми качествами, а также ключевыми и профессиональными компетенциями.

Таким образом, в условиях перехода к системе открытого педагогического образования в Республике Казахстан применение дистанционного обучения выступает как фактор модернизации педагогического образования, способствующий его аттестации и сертификации в соответствии с республиканскими и международными стандартами. В связи с этим дистанционное обучение является неотъемлемой частью образовательной политики, способствующей включению Республики Казахстан в мировое образовательное пространство.

Библиографический список

1. Гоголева И. И. Теоретико-практические аспекты инновационных образовательных технологий в системе СПО // Среднее профессиональное образование. – 2006. – N° 4.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. В. Драгнев

Институт физического воспитания и спорта Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. г. Луганск. Украина

Summary. In the article informative and educational spaces in higher educational establishment and their influence are examined on professional development of future teacher of physical culture. The system awareness of professional development of future teacher of physical culture is presently needed in the conditions of informative educational space of higher school.

Key words: informative and educational spaces, professional development, future teachers of physical culture.

Возникновение информационного пространства в Украине резко изменило ситуацию обмена информацией во ВНЗ. Такое пространство выступает общей основой, в которую одновременно входит весь социум. Тенденции развития украинской системы высшей школы требуют глубокого и всестороннего обновления содержания высшего образования, последовательного внедрения и использования информационных технологий учёбы, модернизации образова-

тельной политики в Украине в условиях информационного и образовательного пространств.

Если указать на особенности вышеупомянутых пространств, то информационное пространство должно предоставить полигон для выдвижения и обработки новых идей [3], а образовательное пространство, по нашему мнению, должно генерировать новые идеи, формы и методы учёбы в процессе профессионального развития будущего учителя физической культуры через профессиональное становление в разных видах информационных сред в условиях информационно образовательного пространства в соответствии с информатизацией высшего образования. Именно профессиональное развитие личности будущего учителя физической культуры, который также является участником информационного пространства Украины, определяется как целеустремлённый процесс решения самими студентами заданий, которые реализуются в процессе профессиональной подготовки.

А. Антропова говорит, что современная педагогическая теория характеризует показатели эффективности профессионального становления личности будущих педагогов, прежде всего определёнными технологиями подготовки студентов к педагогической деятельности. Учёная, опираясь на научные достижения В. Болотова [2], который выделяет педагогически значимые признаки процесса профессионального становления будущего педагога (профессиональное становление будущего учителя происходит в процессе гуманитарного взаимодействия с преподавателями ВНЗ, учёными-педагогами, школьными учителями, с детьми; профессиональное становление будущего учителя является индивидуальным творческим процессом, который раскрывает индивидуальные способности и потребности студентов), указывает на то, что профессиональное становление будущего учителя можно представить как целеустремлённый процесс решения самими будущими учителями заданий, которые реализуются в логике профессиональной образовательной программы [1]. Мы соглашаемся с тем, что профессиональное становление будущего учителя является индивидуальным творческим процессом, но следует указать, что такой процесс входит в профессиональное развитие будущего учителя физической культуры в условиях информационно образовательного пространства Украины.

В условиях реформирования высшего образования Украины и формирования в социуме информационного и образовательного пространств следует акцентировать внимание на влиянии этих пространств на профессиональное развитие будущего учителя физической культуры в условиях информационно-образовательного пространства. Во-первых, это влияние определяется особенностью построения учебного процесса в условиях информатизации образования Украины; во-вторых – необходимостью освоения методологических подходов в непрерывном образовании; в-третьих – определе-

нием индивидуальных форм развития образовательных возможностей педагогической системы, направленной на оптимизацию профессионального развития будущего учителя физической культуры.

Библиографический список

- 1. Антропова А. Ю. Педагогически значимые признаки процесса профессионального становления личности будущего педагога. Режим доступа: http://vypuskniki.kspu.ru/doc/03/Ready.htm
- 2. Болотов В. А. Становление личности и профессионального развития учителя. М.: Молодая гвардия, 2005. 119 с.
- 3. Информационное общество, информационное пространство, информационная политика: существуют ли они в Украине. Режим доступа: http://www.day.kiev.ua/79809/

ЭЛЕКТРОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Э. М. Муллахметова, О. С. Батурина Бирская государственная социально-педагогическая академия, г. Бирск, Республика Башкортостан, Россия

Summary. In article the urgency of pedagogical tolerance is defined. As one of additional means of its formation development and use of social posters acts. Authors information opportunities, educational potential come to light.

Key words: Pedagogical tolerance, tolerance to children, social posters, motivational poster, demotivational poster.

Необходимым условием создания благоприятного психологического климата в семье является принятие родителями ребёнка таким, какой он есть, принятие его инаковости. Толерантный родитель, благодаря особой, толерантной тактике построения своего поведения по отношению к ребёнку, добивается большей результативности в его воспитании и развитии.

При формировании педагогической толерантности главным объектом воздействия становится сфера сознания родителей, система сложившихся стереотипов, формы взаимодействия в семье. Эффективная коммуникация с ребёнком покоится на трёх китах: безусловном принятии; признании того, что ребёнок чувствует; предоставлении ему выбора.

При формировании педагогической толерантности как дополнительный вид воздействия на сознание родителей могут использоваться электронные социальные плакаты (демотиваторы и мотиваторы). Электронные социальные плакаты, предназначенные для родителей, пропагандируют базовые семейные ценности, в них от-

ражаются желательные и нежелательные проявления родителя в отношении ребёнка, специфика семейных взаимоотношений с ребёнком, значимые семейные проблемы, угрозы и бедствия. Они выполняют гуманистическую цель — помогают родителям в преодолении проблем и угроз при общении с детьми, способствуют гармонизации социальных отношений.

Демотиваторы и мотиваторы дают широкие возможности инновационного поиска и обеспечивают высокий коммуникативный эффект в общении психолога и родителя при решении семейных проблем. Первоначально появились мотивационные постеры, которые очень часто бывали скучны, поэтому широко распространилась практика их пародирования, обычно заключавшаяся в составлении постеров по такому же стандарту, но (предположительно) вызывающих вместо положительных эмоций отчаяние, уныние и грусть. Подобные пародии и получили название демотивационных постеров, их преимущество — простота в предоставлении и усвоении. В демотиваторах информация представлена в двух видах — в виде наглядности и в виде расшифровки-лозунга, поэтому информация лучше запоминается, её легче воспроизвести. В большинстве своём демотиваторы носят информацию морально-нравственного характера, призывающую к определённым действиям.

В демотиваторах мы придаём значение проблемам: ранняя беременность, аборты, отказ от детей, сиротство, проблемы общения отцов с детьми, занятость родителей, алкоголизм и наркомания родителей, пагубно влияющие на детей в семье, жестокость и насилие над ребёнком и многие другие. Среди плакатов, выполняющих мотивационную функцию, можно выделить: создание семьи, значимость беременности, усыновление (удочерение), рождение детей, многодетность, общение с детьми и т. д.

Отчётливо ощущается дефицит научно-теоретических и дидактических разработок по социальному плакату, что непосредственно сказывается на скудности их использования при работе с родителями не только в образовательной среде, но и за её пределами. Всё чаще мы видим рекламу продуктов, вещей, машин, афишируемых с целью наживы, но мало социальной рекламы.

«ИННОВАЦИОННЫЕ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ? (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ)

В. С. Симаков

Филиал Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева в г. Железногорске, Россия

Summary. The essay is about critical review of using unified state exam at school and internet exam at universities. The practice of using learner-active teaching technologies is also considered here.

Key words: unified state exam, internet exam, test, learner-active teaching technologies.

Термин «инновация», ставший в последнее время супермодным, имеет множество классических определений. Самое первое поисковое обращение в интернет выдало результат, содержащий более десяти дефиниций этого термина. Среди предъявленных определений есть и такое: «Инновация — это процесс улучшения путём внесения каких-либо новшеств» [3].

Правда, становится не совсем понятной разница между терминами «инновация» и «новация». Ведь по данным свободной энциклопедии – Википедии: «Новация (лат. novatio – изменение, обновление): в широком смысле применения, любое качественно новое дополнение или изменение, отражающееся на конечных действиях (в деятельности) или свойствах конечного продукта с переналадкой, изменениями или даже заменой алгоритма деятельности, новыми технологиями или устройствами (конструкциями) [4].

Но оставим разбираться в тонкостях значений относительно давно или недавно заимствованных иностранных слов, применяемых нами к месту и не к месту, лингвистам и филологам. Автора же больше волнует то, что зачастую под внешне красивым словом «инновация» (да ещё с неприкрытым преклонением, если это пришло «оттуда») скрывается наше доброе, но хорошо забытое старое.

Сколько копий было сломано профессорско-преподавательским сообществом в конце 90-х, начале 2000-х при обсуждении положений Болонской декларации, к которой присоединилась Российская Федерация. Теперь, как говорил один из героев М. Жванецкого, *«назад дороги нет»* [1] и сегодня все вузы страны обучают своих студентов по так называемой модульно-рейтинговой системе.

Спору нет, более частый и тщательный контроль над тем, как студенты усваивают выдаваемый им по той или иной дисциплине материал, лучше, чем та периодичность из любимой студентами прошлых поколений песенки «От сессии до сессии…». Но, простите, а что-же здесь такого сверхнового? Десятилетиями поколения со-

ветских школьников, изучив какую-либо тему учебника, писали контрольные работы. Контрольной работой заканчивалась каждая школьная четверть, плюс к тому, в конце учебного года школьники писали годовые контрольные работы.

Тем не менее можно согласится с мнением Д. В. Чернилевского, который считает, что «...существующие ГОСы и учебные планы по специальности не диктуют жёстких требований к объёму содержания отдельных разделов дисциплины и последовательности их изложения и тем самым предоставляют возможность варьирования конкретных разделов дисциплин в аспекте как содержания учебного материала, так и времени его изучения. Это оптимально реализуется в модульном обучении путём профильной и уровневой дифференциации содержания модулей» [2, с. 200].

Тот же Д. В. Чернилевский к наиболее перспективным относит личностно-деятельностные педагогические технологии, специфика которых раскрывается рядом дидактических принципов (деятельностная активность, индивидуализация, партнёрское взаимодействие, рефлексивность, свобода выбора и ответственности за него), взаимосвязанных со специфическими принципами теории модульного обучения.

И всё бы хорошо, но давайте смотреть правде в глаза. Сегодня в вузы приходят бывшие школьники, прошедшие через прокрустово ложе пресловутого ЕГЭ. К самому серьёзному недостатку ЕГЭ, на взгляд автора, относится то, что система ЕГЭ прививает школьнику, будущему студенту, так называемое «кроссвордное» мышление. И вроде бы вузам даётся право через олимпиады отбирать талантливых, умеющих самостоятельно мыслить, абитуриентов. Но и эти «звёздочки», попав на студенческую скамью, будут вынуждены осваивать это самое «кроссвордное» мышление, отвечая на вопросы очередного интернет-экзамена (методического аналога школьного ЕГЭ), который вузу в добровольно-принудительном порядке навязало Минобрнауки. Так как участие вуза в сдаче студентами интернет-экзаменов в действительности является не добровольным, а обязательным, то вузовские преподаватели, как до них школьные учителя, **вынуждены** довольно большую часть аудиторных занятий посвящать «натаскиванию» студентов на тесты предстоящих интернет-экзаменов.

Налицо явное противоречие между, во-первых, дидактическими принципами, описанными выше, во-вторых, между главной миссией системы высшего профессионального образования — подготовки самостоятельно и творчески мыслящих профессионалов, способных к той самой инновационной деятельности, — и реальной практикой преподавания.

Тема тестовой методики оценки знаний требует отдельного разговора, и ограниченный объём данной статьи не позволяет пол-

ностью раскрыть как отрицательные, так и положительные стороны тестов. Но об одном аспекте применения тестов всё-таки хочется сказать. Пункт 4 Статьи 55 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992, № 3266-1 гласит, что «при исполнении профессиональных обязанностей педагогические работники имеют право на свободу выбора и использования методик обучения и воспитания, учебных пособий и материалов, учебников в соответствии с образовательной программой, утверждённой образовательным учреждением, методов оценки знаний обучающихся, воспитанников». То есть, другими словами, отдельный преподаватель, в целом вуз, в полном праве и не использовать тесты как элемент педагогической технологии. Однако при очередной процедуре государственной аккредитации вуза проверяющие обязательно отметят этот факт как серьёзнейшее нарушение. Сказано (Минобрнауки): «Тесты», значит – тесты! И возникает, по сути, риторический вопрос: «А что же здесь нового?». Старый, недоброй памяти принцип административнокомандной системы: «Делай, что велят, а то хуже будет!».

Принимая участие в процедурах подготовки студентов к интернет-экзаменам, включая в разрабатываемые учебно-методические комплексы преподаваемых дисциплин (УМКД) тестовые задания, автор, тем не менее, в своей практике стремится к реализации личностно-деятельностных педагогических технологий.

На первой в семестре встрече по изучаемой дисциплине студентам передаётся диск с электронной версией УМКД. Несколько дисков с электронной версией УМКД передаётся в библиотеку вуза. Информация с этого диска становится доступной студентам также и на сервере вуза. Сам же набор информации по изучаемой дисциплине предлагается как можно более полный: график учебного процесса, рейтинг-план, рабочая программа и методические указания по изучению дисциплины, конспект лекций, электронные версии учебников и учебных пособий, тестовые задания. Также диск с УМКД содержит дополнительную информацию по темам курса, включая подборку видео (учебные фильмы, эпизоды из художественных фильмов), публикации из Интернета и прочее.

Дальнейшие занятия строятся, в основном, не на зачитывании текста лекций (усвоение лекционного материала — это домашнее задание), а на деловых играх, тренингах, обсуждении материалов учебных и художественных фильмов. Особый упор делается на обсуждении студенческих докладов и докладов-презентаций, часть которых, при соответствующей доработке, может быть опубликована в научных сборниках. Естественно, стимулом для проявления студентами деятельностной активности служат не только процедуры аттестации после изучения очередного модуля дисциплины, но и постоянные напоминания о заключённом в начале семестра устном договоре между ними и преподавателем. Суть этого договора в том, что

так называемой «халявы» не будет и студент получит столько баллов, сколько он заработал, что, в свою очередь, выльется в соответствующую конечную оценку на экзамене или зачёте.

Остаётся надеяться, что только деятельностное преодоление коллегами-преподавателями тех объективно-субъективных препятствий для внедрения в реальную преподавательскую практику действительно инновационных педагогических технологий позволит готовить и выпускать из российских вузов настоящих профессионалов, способных генерировать новые идеи и проводить технологическую модернизацию нашей страны.

Библиографический список

- 1. Жванецкий М. М. Ставь птицу: коррупция по-советски. Для Р. Карцева и В. Ильченко // Жванецкий М. М. Избранное. М.: Эксмо, 2009. С. 99–102.
- 2. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 437 с.
- 3. URL: http://daz.su/nash-otvet/biznes/47/index.aspx.
- 4. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Новация.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году

- 15–16 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция «Психолого-педагогические аспекты личности и социального взаимодействия» (К-22-5-11).
- 20–21 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Многополярный мир: предпосылки, проблемы и перспективы становления»** (К-23-5-11).
- 25–26 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества» (К-24-5-11).
- 1–2 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические проблемы современно-го общества» (К-25-6-11).
- 5–6 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты» (К-26-6-11).
- 10–11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).
- 15–16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).
- 20–21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).
- 25–26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).
- 1–2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Иностранный язык в системе среднего и высшего образования» (К-31-10-11).
- 5-6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция «Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (К-32-10-11).
- 15–16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия» (К-34-10-11).
- 20–21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Инновационный менеджмент в образовательном учреждении» (К-35-10-11).

- 25—26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-36-10-11).
- 1–2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия наука общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).
- 5–6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).
- 15–16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).
- 20–21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-41-11-11).
- 25–26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция «История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы» (К-42-11-11).
- 1–2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-43-11-11).

ЖУРНАЛЫ по психологии online

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ и БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков
факультета государственного управления
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЧЕЛОВЕК

Материалы международной научно-практической конференции 15–16 апреля 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина Корректор В. А. Дорошина Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 11.05.2011. Формат 60х84/16. Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 7,78 п. л. Усл.-печ. л. 7,23 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 17/11.

OOO Научно-издательский центр «Социосфера»: 440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45, web site: http://sociosphera.ucoz.ru, e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-2